Александр Машошин
СНЫ О РЕСПУБЛИКЕ
ЗВЕЗДНЫЕ
ПОСРЕДИНЕ
НОЧИ
ВОЙНЫ
ЛЕГЕНДЫ

УДК 82-312.9
ББК 84Р7-445
М38

Художник: Анна Куликова
Редактор: Сергей Когин

Машошин А.В.
М38 Сны о Республике. Повесть, рассказы. — М., 2015. — 342 с.: ил. — (цикл Посредине ночи, № 5)
ISBN —

Давным-давно, в Галактике далеко отсюда…

Галактическая Республика стала историей. За четырнадцать прошедших лет многое позабыто, многое приказано забыть. И всё же, прошлое нет-нет да и тревожит ныне живущих, кого неожиданной встречей, а кого нечаянным сном.

Повесть и рассказы, вошедшие в сборник, являются непосредственным продолжением трилогии «Посредине ночи».

УДК 82-312.9
ББК 84Р7-445

© А.В. Машошин, 2014

Александр Машошин

СНЫ О РЕСПУБЛИКЕ

Повесть, рассказы

Содержание

Сверхдальняя родня.....5
Сны о Республике.....55
Этюд первый. Передышка.....55
Этюд второй. Подстава.....117
Этюд третий. Предательство.....169
Мы не виделись целую вечность.....179
Падишахи Галактики 191
Пустынный ветер 292
Семейное дело 303
Необходимое послесловие 342

Сверхдальняя родня

Из полей тянет холодом…
Без тебя мне летать не суждено.
Проплывая над городом,
Не забудь постучать в моё окно.
Максим Леонидов

Поздняя осень в деревне – время холодных зорь, прозрачного леса и звенящей тишины, сильно смахивающей на кладбищенскую. Постоянное население некогда большого села Овсянниково давно уже сократилось до нуля. После закрытия молочной фермы деревенские, в основном, подались в соседние областные центры: старики – к родне, молодые – искать работу, чтобы прокормиться. А некоторые из стариков навеки остались здесь, на кладбище за околицей. Летом в три или четыре двора приезжали дачники, но с завершением садово-огородного сезона все уже вернулись в город. Дом, в котором девяносто лет назад родился мой дед, стоял почти в середине деревни. Последняя владелица, дедова сестра, сорок лет жизни отдала той самой ферме, а сейчас стала слишком пожилой и болезненной, чтобы жить в деревне. Её дети и внуки в прошлые годы ещё наведывались сюда ненадолго, но нынешним летом не приехал никто. Моя мама, узнав об этом, предложила тётке Нине продать участок: что для нас теперь жалкие двести семьдесят километров? Та над словом «продай» посмеялась, и через неделю прислала по почте дарственную.

Корабль мы посадили в громадной оплывшей от времени яме, оставшейся от сельской церкви, разобранной после пожара много десятилетий назад. В самом глубоком месте она понижалась почти на три метра, острый нос и крылья «Амидалы», выглядывая за её пределы, утопали в окружающем яму ракитнике, а корма скрылась под

ветвями деревьев, растущих с южной стороны. Над корпусом растянули камуфляжное покрывало, и, с какого ракурса не взгляни, оно зрительно сливалось с растительностью. А с воздуха – обстоятельная Рийо Чучи велела проверить это с помощью «праулера» – вообще ничего разглядеть было нельзя.

— Красота-а… — со счастливой улыбкой протянул круглолицый механик Иан Кудра, впервые переступив порог сеней. — У нас в деревне почти так же. Надеюсь, автоповара здесь нет?

— Еду можно приготовить на корабле, — заметила Рийо, очевидно, не совсем поняв его фразу. Иан посмотрел на неё, как на ненормальную:

— Да зачем же на корабле, когда есть **печка**??

— На живом огне, в самом деле, получается вкуснее, — поддержала Падме Амидала, когда-то королева, Сенатор, а ныне – «душа» нашего корабля. — Дома, на Набу, мы много готовили на старинной плите. Жаль, я теперь равнодушна к еде.

Я потрепал её по плечу, Падме покосилась на меня и улыбнулась, сделав красноречивое выражение лица: «ничего, мол, я не расстраиваюсь, привыкла». Она не раз говорила, что на судьбу, по крайней мере, в настоящее время, ей жаловаться грех. Вначале бесплотная, как заурядная голограмма, сейчас она научилась не только прикасаться и брать предметы, но и уходить от себя-корабля на приличное расстояние, никак не связанное с направлением и дальностью действия внешних проекторов. И, в то же время, свободно могла пройти сквозь твёрдую преграду. Ну, а в том, что Падме больше не испытывала желания есть, пить и дышать, можно было найти и положительные стороны.

В доме, хорошо мне знакомом по детским воспоминаниям, царил уличный холод, и отчётливо веяло духом запустения.

— Боюсь, дымоход сильно забит, — вздохнула моя мама, подходя к печи и вынимая вьюшку из верхней дверцы. — Давно не чистили. Попробуем, конечно, но…

— Погодите, Таисия, — остановил её Иан. — Трубу мы сейчас обслужим.

И действительно, вместе с напарником, сухопарым Базили Враном, они за десять минут из небольшого репульсора и десятка металлических деталей собрали радиоуправляемую *хрень*, которая, усердно жужжа и повизгивая, прочистила дымоход снизу доверху. Правда, мы чуть не позабыли об одном нюансе под названием «сажа», который незамедлительно чёрным облаком повалил из «форточки» дымохода, едва только робот принялся за дело. Спасибо Падме, которая, ахнув, молниеносно захлопнула дверцу.

— Ни фига себе накопилось! — сказал Базили.

— Это мы не учли, — добавил Иан.

— Счас пол мыть будете, умники! — проворчала моя подруга Осока Тано. — Чтоб головой думали.

— Машинку для мытья полов мы тоже можем собрать, — ухмыльнулся Иан. — *Семь секунд*!

Дом, всё-таки, пришлось сначала прогревать воздуходувкой, словно покинутый звездолёт, чтобы, хотя бы, можно было снять одежду. Потом в печи весело затрещали дрова – с топором я ещё помнил, как обращаться, да и механики, оказывается, прекрасно умели колоть чурки.

— Ну? — Иан победно посмотрел на Рийо. — А ты «на корабле»! Разве здесь с кораблём сравнить? Эх, ты, голубая кровь…

— Кровь у меня красная, только кожа голубая, — беззлобно огрызнулась панторанка. — Вы, кажется, обещали посмотреть, что делать с деревянной частью дома, как она называется, *srub*, Алекс?

— Сруб, — кивнул я. — Мы уже смотрели, когда дрова кололи. Приподнять его надо, тогда и крыша выровняется. Завтра с утра займёмся.

Папа, тем временем, возился в сенях с электрощитком. На улице понемногу начинало темнеть. Не освещать же комнаты ручными фонарями или светом плазменного шнура аварийного генератора, как потерпевшие кораблекрушение?

— Питание есть, — сказал он, убирая в чехол провода мультиметра. — Попробуйте включить в комнате. Ну, ясно, в сенях надо лампочку менять.

Пришлось выкручивать одну из ламп в люстре в комнате: запасных мы с собой не взяли, а топать в посёлок Борисоглебский за три с половиной версты, не зная, работает ли сельпо, было неразумно. Мама и Падме, тем временем, разжигали за перегородкой дополнительную печь-голландку. У Рийо при этом глаза были такие, словно она присутствует на магическом ритуале.

— Не предполагала, что ты с этим знакома, — сказала она голограмме. Падме улыбнулась:

— Я выросла в деревне. Да и в нашем городском доме кухонная печь принципиально не отличается от этой.

— А для чего две?

— В русской печи готовить – навык нужен, — объяснила мама, — а я сто лет этого не делала. На этой будет быстрее. А целый дом в такую холодрыгу одна «голландка» не обогреет.

— Какие, однако, сложные эти традиционные технологии, — покачала головой панторанка. — Научите меня?

— Конечно, смотри и учись.

К тому времени, как стемнело, и была готова трапеза на всю ораву, печь немного прогрелась, и от неё потянуло мягким сухим теплом. После ужина папа повёл механиков в сарай, посмотреть, какие инструменты есть в хозяйстве.

Я собрался было идти с ними, да не тут-то было. Мама сказала, что в доме тоже потребуются мужские руки – разбирать вещи. Пришлось остаться. Впрочем, маминого энтузиазма хватило ненадолго, до того самого момента, когда в нижнем ящике комода обнаружился старый семейный альбом. Конечно, она тут же раскрыла его и принялась показывать Осоке, Рийо и Падме фотографии наших родственников. Девицы смотрели с искренним интересом: картинки старой земной жизни им были в новинку.

— Таш, а твоего папы на этих снимках нет? — поинтересовалась Падме.

— Нет, — вздохнула мама. — Это всё послевоенные снимки, он погиб раньше. У нас только и осталось то фото из армии, помнишь, я дома показывала? Ну, что, девочки, пора, наверное, устраиваться на ночлег. Пойдёмте-ка, покажу, где здесь туалет.

Она положила альбом на комод, не очень удачно, потому что, стоило нам отойти, как он сполз и шлёпнулся на пол. Падме кинулась поднимать. В это-то момент из-под задней обложки и выпала ещё одна фотография, довольно большая, шириной почти во весь альбом.

— Мам, смотри-ка… — начал я, но, оглянувшись, увидел только закрывающуюся дверь. Ладно, вернётся, покажем. Поднеся фотографию к свету, я обнаружил, что это довоенный снимок. На нём были все: пятеро братьев и три сестры, и моя бабушка, и жена следующего брата, они сыграли свадьбу даже раньше, так уж получилось.

— Вот мой дед, — показал я Падме. — И бабушка.

— Её я узнала сразу, — кивнула она. — По фотографии, что висит у тебя дома. А это что за девочка?

— Не совсем уверен, но, должно быть, Валя, мамина двоюродная сестра. В сорок втором она пошла в Тарасовский лес за сморчками, да так и пропала.

— Удивительно похожа на мою ма… — Падме осеклась, часто-часто заморгала глазами, уставилась на меня. А я на неё. Называть её «сестра» я стал довольно давно, ну, просто отношения у нас складывались такие, вроде родственных. Она не сразу, но приняла эту игру и тоже обращалась ко мне «брат». Но не может же быть, чтобы королева Падме Наберри Амидала, как в глупейшем индийском фильме, действительно оказалась кровной роднёй мне и моей маме? А почему, собственно, нет? Я же угодил туда? И Старший Инженер Храма Джедаев, легендарный Белый Админ, тоже землянин.

— Какого года рождения твоя мама? — спросил я.

— Двадцать четвёртого, значит, по Земле это 1931.

— Валя, кажется, была тридцать четвёртого, но это ещё ничего не значит. Сама помнишь, какие игры со временем были в моём случае. Надо проверить. Сейчас мама вернётся, поговорим с ней.

— Только не говори сразу, что я – дочь, хорошо?

— Сглазить боишься?

— Угу, — смутилась она.

— Суеверный призрак – это нечто, — улыбнулся я. — Хорошо. Скажем просто, что ты, возможно, знаешь эту женщину.

Услышав нашу «цензурированную» версию, мама не думала ни секунды.

— Когда мы смогли бы полететь туда? — спросила она, переводя взгляд с меня на Осоку и обратно. — Это обязательно надо проверить.

— Вообще-то, я собиралась слетать в систему… Фарстайн. Разведать остатки базы сепов, вдруг что-то уцелело, — сказала Осока. Пауза в её фразе была едва заметна, но недаром же мы практически женаты. Я понял, что подруга врёт, нарочно, чтобы оправдать экспедицию на Набу. Наверняка поняла это и Рийо, но тут же подхватила:

— Отличная мысль! Тамошние жители из своих куполов носа не высовывают, возможно, какое-то полезное оборудование и найдётся. Пока Осока и механики посмотрят, ты, Алекс, успеешь свозить свою маму на Набу. Если, конечно, Падме не слишком тяжело туда лететь.

— Нет-нет! — торопливо воскликнула Падме. — Уже нормально, полечу.

К сожалению, папин отпуск подходил к концу, и слетать с нами папа уже не успевал, а, может, и не особенно хотел. У меня почему-то сложилось впечатление, что он не слишком верит в возможность найти пропавшую кузину спустя шестьдесят лет. Мама поворчала, но уговаривать взять «за свой счёт» не стала.

Для исследования метановой планеты мы загрузили в трюм спидер «Стрела-23» – герметичный, с усиленным корпусом, рассчитанный на неблагоприятные условия. Он не мог подниматься выше четырёх метров, зато по скорости превосходил подавляющее большинство наземных машин в Галактике.

— Условимся так, — сказала Осока перед тем, как закрыть дверцу кабины. — Встречаемся в этой же точке через восемьдесят часов.

— Сегодня семнадцатое, десять утра, значит – двадцатого в шесть вечера, — перевёл я в обычный календарь. — Договорились.

Несколько часов спустя посадочные лапы «Амидалы» коснулись пермакрита космопорта города Тиид, столицы Набу. Электрохромное покрытие корпуса было полностью отключено, позволяя всем желающим видеть светло-серую поверхность *бескара,* алые полоски на крыльях и вдоль корпуса, знаки государственной принадлежности и нанесённые на скуловые части крупные буквы настоящего названия – местным старинным *футорком* и кириллицей. Едва мы вышли на пандус, к нам приблизился местный служащий.

— Могу быть чем-то полезен? — радушно спросил он.

— Да. Подскажите, где можно нанять спидер, — попросил я.

— Наземный или воздушный?

— Наземный.

— Это вот там, наверху, на берегу реки, — мужчина махнул рукой. — Пойдёмте, я покажу, как лучше попасть к лифтам… А вы нездешние, я вижу.

Понятно. Он успел прочесть название, поэтому, видимо, и подошёл, решил, что свои.

— Нет, нездешние. Но здесь, возможно, живут наши родственники, мы, как раз, и прилетели их разыскать.

— Ах, вот как. Тогда не торопитесь в лифты, справа в пещере будут терминалы, оттуда можно вызвать справочную службу, и это недорого. Смотрите, вот водопад, правее – причальные фермы, под ними арки. Это и есть самый удобный вход.

— Благодарю.

Разумеется, никакую справочную мы запрашивать не стали, а сразу наняли на прибрежной стоянке небольшой лэндспидер, и я повёл его по маршруту, который подсказывала Падме. Центральная часть города походила на восточные столицы, именно такое впечатление производила здешняя архитектура. Впрочем, было здесь и что-то щемяще-знакомое глазу: иногда среди круглых верхних частей зданий и пологих куполов попадались настоящие терема с крышами-ларцами и окнами, словно скопированными с Кремлёвского дворца или Крутицкого подворья. А вот люди на улицах выглядели подобно жителям большинства центральных планет, то есть, с этаким налётом средневековости: камзолы и сапоги у мужчин, длинные расшитые платья у женщин. Более просто и современно, хотя тоже с долей вычурности, были одеты лишь туристы, выделяясь этим на фоне местных

жителей. «Рабочего класса», менее консервативного в одежде, я пока что-то не замечал.

«*Теперь в улицу*… — направляла нас по комлинку Падме. — *Здесь тормози и «уступить», прямо. Тут направо. Видишь арку, рядом с которой дерево? Приехали, заезжай прямо туда и ставь*».

— Это и есть тот дом? — спросила мама.

«*Нет, соседний. Вот впереди справа лестница. Подниметесь – прямо дверь соседей, налево та, что вам нужна*».

— Я, пожалуй, в машине посижу, — сказал я.

— То есть, как? — растерялась мама. — Мне одной идти? А вдруг это не она? Вдруг она меня не поймёт?

— Если не поймёт, это точно не она, — пожал плечами я. — Ей было девять лет, это не два и не три года, должна вспомнить. Хотя бы своё имя и простейшие слова.

— Будем надеяться.

«*В крайнем случае, я подскажу, что надо говорить*», — добавила Падме.

— Спасибо, детка, ты настоящий друг, не то что некоторые, — мама укоризненно на меня покосилась.

— Ну, хорошо, давай, пойдём вместе, — предложил я.

— Нет уж, теперь я сама. Ты прав, так будет лучше.

Она поднялась по лестнице, дотронулась до сенсора звонка. Полминуты тишины и томительного ожидания, затем мягкий шорох открываемой двери.

— Чем могу быть полезен, сударыня? — произнёс на базик гулкий, но мягкий мужской голос.

— Простите мне, я ищу… — с трудом подбирая слова, произнесла мама. Базик она понимала, но говорила плохо, за отсутствием должной практики.

— Да-да? — учтиво переспросил мужчина. — Кого Вы ищете?

— Твой отец? — одними губами спросил я.

«*Да*».

А мама не успела ответить отцу Падме, потому что увидела ту, кого искала.

— Валентина? — неуверенно воскликнула она. — Валентина, это ты?

— Что? — послышался растерянный голос женщины. Она спросила именно «что», а не базиковское «vaat».

— Валя, господи, — выдохнула мама. — Я Таша, дочь Ивана, помнишь? Твоя двоюродная сестра.

— Маленькая Таша? Как?

— Мы совершенно случайно тебя нашли. Нам попался снимок, голография.

— Кто эта женщина, дорогая? — спросил жену Руви Наберри.

— Моя кузина, оттуда, где я родилась. Ох, да что же мы стоим на пороге!

Щёлкнула дверь.

— Сестра, а сестра? — тихонько позвал я. — Которая троюродная…

«*Да, вот теперь точно*», — весело откликнулась Падме. Явившись воочию, уселась на борт спидера и продолжала уже вслух: — Я ведь не была уверена, до самого последнего момента.

— Эх, ты! — засмеялся я. — Ладно, послушаем лучше, о чём они там говорят.

А мама Падме, тем временем, сбивчиво объясняла мужу про свою кузину. И то же самое пыталась дублировать по-русски для моей мамы – с кошмарным акцентом, вставляя местные слова вместо тех, что не могла вспомнить. Рассказала, как они с Ташей прожили в деревенском доме «одна зима» во время Большой Войны, а весной, когда «немецков начали гнать», очутилась на Набу, «сама не знаю как».

— А вы, всё же, до нас долетели? — внезапно задала она вопрос.

— М-м, скорее, вы до нас, — ответила моя мама.

— Неужели Империя?? — испугалась мама Падме.

— Нет-нет, независимые. Есть такая компания, «Индесел», вот она.

— Слава богу, а то с вами могло случиться, что с Ренатасией. За пять лет самостоятельный богатый мир сделали в нищую колонию.

— Да, мне рассказывали. Нас не найдут, слишком далеко и сложно лететь. Валя…

— О, зови меня лучше «Бель». Джобель, так моё имя здесь, я уже привыкла, — просто поразительно, но за каких-то несколько минут акцент у неё заметно ослабел, будто возвращалась утраченная память.

— Хорошо, пусть Бель, — отозвалась мама. — Расскажи же, как ты тут живёшь?

— Ну, как. Не жалуюсь, в общем-то. У меня состоятельный муж, вместе занимаемся благотворительностью. Две взрослые дочери. Старшей, Соле, сорок четыре, а младшей, Падме, в этом году исполнилось бы сорок…

— Как? — ахнула мама. — Падме – твоя дочь? Вот, негодники, а мне они за всю дорогу так и не сказали! Хотя, наверняка уже знали точно.

— Кто не сказал?

— Да сын мой, Саша, и Падме. Знаешь, они ведь с самого знакомства общались, как родные, будто что-то такое чувствовали. А потом вообще стали называть друг друга «сестра» и «брат».

Бель вздохнула.

— После смерти Падме я долго не могла прийти в себя, — молвила она, явно не вполне осознавая услышанное. — Только внучки и спасли. А ты, выходит, была с ней знакома?

— Ох, Бель, даже не знаю, говорить тебе или нет. Вдруг решишь, что я не в своём уме? Ладно, скажу. Я не

знала Падме при жизни, я знакома только с её тенью. Понимаю, это звучит странно…

— Ты видела её призрак? — перебила Джобель. — Когда? Где?

— Не просто видела, мы всё время общаемся, когда сын домой прилетает. Падме не просто призрак, она… вроде хозяйки их космического корабля.

— Ах, искусственный интеллект, — сказала Джобель, в голосе её послышались боль и разочарование. — Всего лишь имитация. Примерно через год после того, как… к нам с мужем приходил один цереанин и предлагал сделать такую. Муж его прогнал.

— Нет, это не то, не то! — возразила мама. — Подумай, разве у имитации могут быть воспоминания оригинала? Некоторые вещи ни один программист знать не мог, согласись. Нет, она что угодно, только не программа. Осока, это Сашина девочка, говорила что-то про Силовую копию сознания…

— Постой. Осока Тано?

— Да, ты, наверное, её знаешь по прежним временам?

— Немного. Она была ученицей у… — Джобель замялась.

— Мужа Падме, — закончила за неё мама. — Разве она могла бы ошибиться?

— Пожалуй, нет. Ташенька, где сейчас этот корабль?

— Стоит на космодроме, мы на нём и летели. Хочешь увидеть её?

— Да. Я-то сразу пойму…

— Так поехали. Сын ждёт на улице, у нас машина.

— Твой сын? — я услышал, как Джобель всплеснула руками. — Почему на улице? Он не хочет познакомиться с тёткой?

— Ох, он такой упрямый. Сказал, что лучше мне войти сначала одной.

— Надо его позвать. Или нет, едем прямо сейчас!

— Думаю, пора нам подняться в дом, — сказала мне Падме. — Нормально выгляжу?

— Идеально, — кивнул я. Серый с шёлковым отливом костюм, который она нарисовала себе сегодня, Падме часто использовала на корабле и прежде. Болеро с длинными рукавами, отделанными выше локтей чёрно-золотой вышивкой, примерно соответствовало «элегантному» галактическому стилю, как и открытые туфли на каблуке. Однако, обычному в таких случаях платью или длинной юбке Падме предпочла укороченные брючки-капри, придающие облику оттенок лёгкого озорства и спортивности. Простой белый топ, шершавый, как хлопок, прекрасно сочетался с серым шёлком. Завершали образ сверкающий металлический поясок и такие же серьги в форме вытянутых треугольничков.

Легко и изящно перебросив ноги через борт, Падме выпрямилась… и в ту же секунду мы услышали женский вскрик и звон разбитого стекла. Обернулись одновременно. Симпатичная женщина лет сорока застыла посреди проезда под аркой с расширенными от изумления глазами и приоткрытым ртом. У ног её валялись уроненные кошёлки.

— Сола! — воскликнула Падме и кинулась к ней, заговорила торопливо: — Сола, это я, я, не пугайся. Я немножко призрак, но почти материальна, меня можно даже потрогать.

Женщина судорожно сжала руку голограммы обеими ладонями. Зажмурилась, пытаясь прийти в себя от шока. Снова открыла яркие серые глаза. Про себя я машинально отметил, что вот её бы я вряд ли принял за родственницу: кроме светлых глаз, у неё были более твёрдые черты лица, совершенно иной нос, продолговатый подбородок и крупный рот, как у актрисы Джулии Робертс. В целом, ей не хватало утончённой миловидности Падме, хотя Сола была, безусловно, привлекательна.

— Это ты? — пролепетала она. — Падме.

— Да. А вот… да иди же сюда, Алекс, не стой столбом… познакомься, это – наш с тобой троюродный брат, Алекс.

— Брат? П-приятно познакомиться. Я Сола Наберри-Джанрен. Но… Падме, как же?

— В двух словах не расскажешь. Я тебе чуть попозже подробно объясню, тебе и маме с папой. А сейчас надо идти скорее в дом, а то мама уже на космодром ехать собралась, чтобы меня увидеть.

— Зачем на космодром?

— Вот и я говорю, незачем, идём.

— Ох. Я вино расколотила…

— Другое купим, пошли же! — подхватив сестру под локоть, Падме увлекла её к лестнице. Я поспешил за ними. Они так и столкнулись в дверях – две дочери снаружи, мать изнутри. Два года назад я видел уже нечто в этом роде, когда моя Осока и её мама Ирис стояли друг против друга. Всё было почти так… и совсем иначе. Джобель смотрела на дочь, ту, кого она сама похоронила тринадцать лет назад, и не могла выдавить ни слова. Внезапно из её глаз покатились слёзы. Женщины обнялись. Я торопливо махнул рукой на стоящую сзади маму, подтолкнул мягко в спину Солу, прошептал:

— Пойдём, дай им поговорить наедине.

— *Vaat*?

— Ох, ты ж не понимаешь, — спохватился я и перешёл на базик: — Пойдёмте отсюда, госпожа кузина.

Из глубины прихожей навстречу нам шагнул крепкий коренастый мужчина, чем-то неуловимо похожий на Жана Габена. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, в кого у старшей дочери такие глаза и, пожалуй, брови. Муж Бель протянул мне руку:

— Моё имя Руви Наберри.

— Алекс, — на местный манер представился я.

— Весьма рад. Может быть, Вы сможете объяснить нам с Солой некоторые нюансы?

— Хоть всю историю сначала, — сказал я. И вкратце сообщил Руви и Соле про Вейдера, его личную яхту, воскрешение части сознания Падме, и про Осокин выброс Света, окончательно пробудивший мою троюродную сестру.

— О, звёзды, но зачем ему это понадобилось?? — заломила руки Сола.

— Действительно. Почему этот негодяй проделывал свои эксперименты именно с моей девочкой? — спросил Руви.

— Ну… — замялся я. И тут мама, тронув меня за локоть, заговорила:

— У нас на родине говорят: «Править, так Галактикой, хотеть, так королеву». Может быть, маленький… сын, как сказать «мелкий и ничтожный»?

Я перевёл, от себя добавив «тщеславный».

— Да-да, — продолжала мама, — этот мелкий человек добивался Падме, а она не замечала? Когда стал Тёмным Лордом – захотел получить то, что хотел.

— Мразь, ублюдок, — выругался Руви. — Да, иного объяснения не вижу.

— Спасибо, мам, — по-русски сказал я. — Помогла выкрутиться.

— Ерунда. Ты правильно не стал говорить про мужа, — отозвалась мама. — Не для чего им знать.

— Дорогие родственники! — обратилась к нам от двери Джобель. Глаза её были ещё влажными, зато голос буквально звенел счастливыми нотками. — Надеюсь, вы не откажетесь немного у нас погостить?

— Да-да, — с готовностью произнесла мама. — У нас есть свободных три дня, мы могли бы остаться, да, сын?

— Можем, — кивнул я, такой вариант я тоже предусматривал.

— Замечательно! — сказала Бель. — А сейчас прошу нас извинить, мы с Солой отлучимся буквально на десять минут, накроем на стол. Время обеда. Надеюсь, вам понравится здешняя кухня.

— И я с вами, — немедленно подхватилась Падме.

Столовая в доме располагалась над высоким цокольным этажом. Три широкие двери вели из неё на балкон, где вдоль массивного каменного ограждения были расставлены в больших кадках вечнозелёные хвойные растения, нечто вроде земных кипарисов. Часть стен была оштукатурена, часть – оставлена в первозданном виде, отрывая взору крупные бежево-жёлтые каменные блоки, из которых состоял весь дом. Изящный стол с широкой металлопластиковой окантовкой мог свободно разместить восьмерых, именно столько стульев стояло по его периметру. У меня они вызвали невольную ассоциацию с ручкой от половника, настолько высокими и тонкими были их спинки. Словно они предназначались для существ, у которых за спиной – крылья. Впрочем, здесь всё было не совсем обычным: и парные двузубые вилки, и квадратные тарелки, снабжённые уголком-приставкой с дальней правой стороны, должно быть, для соуса. О незнакомых продуктах я уж и не говорю, в Галактике они сплошь и рядом незнакомые. Радушные хозяева, не иначе, по случаю нашего приезда, выставили на стол море разных угощений. Мама пробовала блюда крайне осторожно, точь-в-точь как я в первые дни знакомства с Осокой. Я же предпочёл довериться Падме, уж кто-кто, а она мои вкусы изучила.

— Нет-нет, Сола, не надо, — предупредила Падме сестру, когда та вознамерилась предложить мне очередной салат. — У Алекса на это масло аллергия. Тёте Таше положи.

Сама она, как обычно, не ела, поэтому успевала и нас потчевать, и объяснять отцу и Соле, о чём разговор. Моя

мама хоть и пыталась некоторые фразы произносить на базик, говорила, в основном, по-русски. Не забыв извиниться перед хозяевами, что плохо знает язык:

— Раньше как-то ни к чему было.

— А как же вы общаетесь с Сашиной девочкой? — поинтересовалась Джобель.

— Ох, в том-то и дело, Бель, что Осока по-русски не хуже нас с тобой. Больше того: эти трое охламонов, — мама указала глазами на Падме и шутливо взъерошила волосы мне, — научили и Рийо, нашего Генерального директора…

— И ещё Ирис с Эрдени, — добавил я и для хозяев пояснил: — Это мама и младшая сестра Осоки.

— Эрдени-то хоть на Бреге училась, у них язык похож. А Рийо и Ирис вообще с нуля.

— Знакомое имя, Рийо, — задумчиво произнесла Сола. — Не могу вспомнить, где слышала. По-моему, от тебя, Падме.

— Так и есть. Рийо Чучи, она была сенатором от Панторы, — подтвердила голограмма.

— Да-да, точно!

— Тоже очень милая девочка, — сказала мама. — В деревне, как раз перед отлётом, был забавный случай. Рано утром приходит во двор Надькин Серёжка, ты, может быть, помнишь, ну, Надя, через дом от нас жила?

— Ещё бы не помнить, мы дружили, — кивнула Джобель.

— Вот её сынок. Совсем алкашом стал, сторожем на пасеке работает, там же и живёт. Что ни день, то в дребадан. Проходил по тропинке, свет в окнах увидал, и решил зайти, авось, нальют. Стучит. А ему открывает этакое чудо с синей кожей и розовыми волосами. Смотрит жёлтыми глазищами и спрашивает, что характерно, без малейшего акцента: «*Тебе чего, пугало огородное*?»

— Ах-ха-ха, именно «пугало»? — умилилась Джобель.

— Ну, так с кем поведёшься… — мама покосилась на меня.

— И что парень?

— Парень схватился за голову и на весь двор дурным голосом: «Допился! Всё, брошу на фиг проклятую, на боржом перейду!»

— Хорошо, что не Осока открыла, — заметил я. — Её с похмелюги мог и за чёрта принять. В медотсек пришлось бы нести, откачивать.

— Выражайся культурно, — прошептала мама, толкнув меня локтем. — Пожалей Падме, как бедная девочка переведёт на базик твоё «с похмелюги»?

— Сама-то… Твой «дребадан» перевести ещё труднее, потому как это не количество принятого, а состояние организма, — парировал я с усмешкой.

— Таш, а Надя как? — поинтересовалась Джобель.

— Умерла три года назад. Сердце. Если б могла доехать скорая, скорее всего, спасли бы, а так… — мама махнула рукой, тяжело вздохнула.

— У вас летающих машин ещё нет? — понимающе спросила Джобель.

— Нет, а дорогу к полумёртвой деревне никто строить не будет.

— Печально. Хотите ещё горячего? Племянник?

— М-м, нет, спасибо, — сказал я.

— Что «спасибо», я же вижу, ты не наелся. И тебе, дорогой, добавки…

— Я принесу! — вскочила Падме.

— Посиди, егоза, сама управлюсь. О. Какие слова выскакивают, — Джобель улыбнулась.

— Кажется, начинаю понимать, отчего сенатор Чучи выучила этот язык, — сказал нам Руви Наберри. — У меня появилось такое же желание.

— Господи, это, наверное, заразно, — в притворном ужасе всплеснула руками мама. — Обязательно покажитесь врачу. Я недавно наблюдала, как две тогруты, мать и дочь, обсуждая между собой одежду, делали это по-русски.

— Мам, ну, что ты хочешь от Осоки… — начал я.

— Не Осока. Эрдени.

— Ого. Да, тогда это эпидемия. И карантинная служба не поможет, они сами заражены. Дэя давно понимает, Алема и Тиана тоже.

— Уже и твилеки? Боже ты мой, — мама покачала головой.

— Они больше на словиоски говорят, — успокоила с улыбкой Падме. — Ты же знаешь, сколько на Главной базе бреганцев, вот и научили.

После обеда всей большой компанией поехали на тиидский космодром, смотреть корабль. Новое пристанище духа Падме понравилось всем её родным. И внешне, и внутри. Руви в большей степени интересовался характеристиками, устройством рубки, системами обзора, Джобель и Сола восхищались другими отсеками. Со знанием дела – видно было, что на кораблях всем им приходится проводить немало времени. Падме похвасталась своим вооружением, и Сола, наклонившись к моему уху, тут же доверительно сообщила, что в политике её сестра всегда была большим миротворцем, но, когда дело доходило до личной жизни, без колебаний хваталась за бластер и лезла то в воровскую малину, то к графу Дуку в пасть. Я усмехнулся и тихо, чтобы не услышали родители, пересказал Соле наш вынужденный полёт на планету Денон, и чем это закончилось для местных военных.

— Сестричка в своём репертуаре, — прыснула та. — Ты её придерживай, придерживай.

— Стараюсь. Но упрямица же. Как в тот раз: я на ручку давлю, а она сопротивляется. Только уговорами и

удаётся, а на это, порой, нужно больше времени, чем есть в наличии.

— Неправда! — возразила Падме, подходя. — Я спорю только в качестве самой себя, а как корабль я послушна абсолютно.

— Ага. Ансион, — напомнил я.

— Тогда ты был сам виноват… Что? — обернулась она на хохочущую Солу. Та замахала руками:

— Нет-нет, я очень рада, что ты – по-прежнему ты и находишься в бодром состоянии духа.

Над Тиидом пылал оранжевый закат. В этой части планеты тоже, оказывается, начиналась осень, и день становился коротким, как и на Земле. С обрыва над космодромом открывалась потрясающая картина: гигантские лучи посадочных полос, расходящихся от портовых сооружений, серебряная лента реки, причудливо вьющаяся среди перелесков, несколько ближних посёлков, похожие отсюда на дворцы вельмож из «Тысячи и одной ночи». Подёрнутый лёгкой дымкой шар светила, уже не жаркий и почти не слепящий, величаво опускался за горизонт. Родственники предложили нам немного прогуляться по городу, и мы с мамой, переглянувшись, согласились. Из спидера мы мало что разглядели, а хотелось увидеть побольше. К тому же, одновременно с угасанием зари на улицах начинало зажигаться необыкновенно красивое серебряное освещение. Сначала невидимые лампы высвечивали лишь самые тёмные уголки, затем равномерно озарились улицы, засияли снизу кроны растущих возле домов деревьев. Джобель и мама шли впереди, я, Руви и Сола – чуть поотстав. Падме присоединиться к нам не смогла: в сумерках становилось заметно слабое голографическое свечение её фигуры, да и лицо покойной королевы слишком хорошо знали на планете. В пещерном зале космопорта я видел её очень похожее изображение – барельеф, вырезанный прямо в

стеновом монолите. Я предлагал Падме изменить внешность, но делать это при родителях она не захотела.

— Как они похожи… — задумчиво молвила Сола.

— Кто? — спросил я.

— Моя и твоя мама. Пожалуй, больше, чем Падме и я.

— Да-да, — поддержал Руви. — Порознь не так заметно, а вместе – очень. Можно подумать, что не кузины, а родные сёстры.

Я кивнул. Чистая правда, сходство между двоюродными сёстрами было очевидным. Однако, и различия бросались в глаза. Джобель выглядела настоящей аристократкой – походка, осанка, любое движение. В сочетании с искренней, ненаигранной мимикой это смотрелось особенно утончённо, и не было сомнения, что в официальной обстановке Джобель без труда сделает протокольное лицо и будет беседовать на светские темы хоть с иноземными дипломатами, хоть с коронованными особами. Мама держалась проще, как принято у нас, впрочем, кто сказал, что простота не может выглядеть элегантно? Разные планеты – разные обычаи.

Перейдя по каменному мосту небольшую протоку, мы углубились в кварталы центральной части города, по переулкам, где не разрешалось движение транспорта, затем пересекли широкую то ли улицу, то ли площадь, с двух сторон ограниченную двумя массивными триумфальными арками. Та, что справа, очень напоминала аналогичные сооружения на Земле – в Москве и Париже, вторая представляла собой две монументальные колонны с барельефами, соединённые тонкой металлической дугой. Руви со вздохом сказал, что когда-то, при Республике, здесь проходили праздничные шествия, а в имперские времена это стало «не принято». Нетрудно было понять истинный смысл: Империя, воцарившись на Набу, запретила массовые мероприятия, как делала на многих планетах. Ещё один мост, с которого открывался вид на четыре

массивных купола над обрывом, я заметил их ещё утром на подлёте к городу. Тогда я не стал спрашивать Падме, а сейчас поинтересовался у Руви, что это за сооружение, превосходящее по габаритам даже королевскую резиденцию.

— Энергостанция и база противокосмической обороны, — с готовностью пояснил дядя. — Видите купол справа? Он как раз над ангарами Первого истребительного полка. Во время вторжения Торговой Федерации за них такой бой был…

— Наша с тобой сестрица там тоже отличилась, — вставила Сола. — Не рассказывала?

— Нет, — покачал головой я. — Видно, к слову не пришлось.

— Ты спроси, спроси. И про штурм королевского дворца. По слухам, весьма интересное приключение…

«*Ну, да, конечно*! — проворчала в наушнике Падме. — *Всё на волоске висело, а ей «приключение». Нас всех тогда чуть не перещёлкали, как куропаток*».

— Что она говорит? — Сола с лукавой улыбкой смотрела на меня.

— Что ты немного недооцениваешь серьёзность той ситуации.

— Я не виновата. Она нам так и не рассказала ничего, а на рынке про этот день такое говорили, что не разберёшь, где правда, а где напридумали.

У дальнего конца парапета моста прохаживался местный полицейский. В голову мне пришла мысль, что в городе стражей порядка я почти не видел. В пещерах космопорта они присутствовали, возле того моста, что мы миновали раньше, тоже дежурил патрульный. И всё.

— Наверное, Тиид очень спокойный город, — произнёс я. — Так мало полицейских…

— Конечно, здесь не Альдераан, — сказала Сола, — но у нас, действительно, не слишком много уличных преступлений. А случись что, у граждан есть комлинки,

стоит нажать экстренный сенсор, вот этот, на вызов тут же прилетит наряд на спидербайке.

— И даже в том случае, если комлинк просто упадёт на мостовую, — добавил Руви. — Одно время грабители приспособились сбивать их с одежды, тогда и встроили дополнительные датчики.

— А имперцы не попытались ввести дополнительные меры безопасности? — спросил я.

— Нет. Они только сменили королеву.

— Называй вещи своими именами, дорогой, — бросила через плечо Джобель. — Они убили Апайлану, поставив вместо неё более покладистую Кайланту.

— Верно. Но Кайланта тоже оказалась не полной марионеткой, не стала распускать Королевский Совет, и вообще ведёт довольно гибкую политику. В то же время, прямого повода назначить сюда губернатора, а не наместника, и ввести гарнизоны, у Палпатина нет.

— Это ведь она назначила Пуджу представителем в Сенат? — поинтересовался я, вспомнив, что младшая дочь Солы весной прилетала на Ассамблею на Киросе именно в этом качестве.

— Да, — кивнула Сола. — Мне это не показалось хорошей идеей и до сих пор не кажется, а что поделаешь. Кто, если не мы?

— Боюсь, вскоре ей и сенатором придётся стать, — вздохнул Руви. — Джа Джа Бинкс всё порывается уйти в отставку, поскольку, как он выражается «моя совсем терпежу не осталося, того гляди, кого зашиби ненароком».

— Папа, ну куда ей в сенаторы? — воскликнула Сола. — Она…

— Только не начинай, что она недостаточно взрослая. Вспомни лучше, в каком возрасте Падме королевой стала.

— Сравнил! Падме была настоящий талант! А у Пуджи только и есть, что прилежание.

— И это немало, — решил вставить я. — Вот Рийо, например, всего добилась именно благодаря своей работоспособности.

«*Господи, ты-то откуда это знаешь*?» — сказала Падме в наушнике.

— Не ты ли сама мне рассказывала?

— Что она? — тут же спросила Сола.

— Говорит, чтобы я не встревал, потому – всё равно не подерётесь.

В ответ я был удостоен одновременно укоризненного взгляда Солы и неодобрительного «хм!» Падме, зато Руви расхохотался, и спор тотчас прекратился.

Ужин по-набуански состоял из тушёных овощей и чая с десертом. Судя по количеству всевозможных сладостей, выставленных на стол тётей Джобель, здесь были приняты долгие неспешные чаепития. И минимум вреда для здоровья: под стать архитектуре Тиида, десерты напоминали восточные, в основном, фрукты в сахаре, цукаты, рахат-лукум нескольких сортов и совсем немного изделий из теста – печенье и что-то вроде пахлавы. Как и за обедом, застольный разговор временами разбивался на два – мама с тётей Джобель отдельно, мы отдельно – затем снова склеивался воедино. Падме старательно переводила всё, что поддавалась переводу, и лишь изредка разводила руками, мол, на базик это сказать невозможно.

— Удивительное ощущение, — сказала мама. — Когда мы бываем в гостях у Лёши, Татьяны, других двоюродных, такого нет. Стоит год-два не встречаться, и возникает натянутость, какой-то барьер, что ли. А здесь, уму непостижимо, не виделись с раннего детства, другая планета, чужой язык, и всё равно чувство, что среди родных, с самого начала.

— Но это же прекрасно, тётя, — широко улыбнулась Сола. — А язык ты со временем выучишь, как и мы ваш, и станет совсем легко. Жаль, семья у нас не в полном

составе. Завтра вечером прилетит мой муж Дарред, познакомитесь с ним. А девочки – видимо, до другого раза.

— Кем работает твой муж? — спросила мама.

— Архитектор. Сейчас строит центральный вокзал космопорта на Кайре-два. Очень красивый проект.

— В набуанском стиле? — уточнил я.

— Не совсем. Дарред попытался совместить столичный стиль с нашим традиционным. Вы бывали на Корусанте? — Сола перевела глаза с меня на маму.

— Сын был, я нет, — ответила та.

— Ну, неважно. Получилась интересная комбинация транспаристиловых стен с каменным основанием и арками входов. Местной администрации очень понравилось.

Разговор постепенно перетёк на архитектуру, с неё на историю, затем, как водится, на что-то ещё. Джобель и Руви рассказали нам, как помогают переселенцам с перенаселенных или слишком неспокойных планет найти новый дом и новое счастье, и как периодически не нравится это местным и имперским властям. Когда же пришла пора собираться на ночлег, у семейства Наберри не возникло даже мысли, что мы с мамой отправимся ночевать на корабль. Тётя Джобель, выйдя из столовой, указала в дальний конец коридора:

— Вот там у нас комната для гостей, сейчас мы с Солой всё приготовим…

— Мам, мам, секундочку! — остановила её Падме. — У меня другая идея. Скажи, что сейчас с моей прежней комнатой на втором этаже? Помнится, там одно время жила Рюу.

— Да-да, — подтвердила Джобель. — Сейчас она всё время в экспедициях, дома почти не появляется. Так что, комната свободна и в полном твоём распоряжении.

— Прекрасно! В таком случае, пусть братишка Алекс в ней и поживёт.

— А ты?

— Мне же ничего не нужно, мама. Захочу – исчезну, захочу – снова появлюсь.

Я обратил внимание, что в ходе этого диалога Падме то и дело бросает взгляды на сестру. И на базик она явно говорила не случайно. Сола, сообразив, что от неё требуется, подхватила:

— Хорошая мысль, Падме! А тётю Таисию устроим в соседней комнате. Пуджа теперь тоже нескоро прилетит.

— Что вы, что вы, не стоит! — попыталась было протестовать мама. — Нам и внизу будет хорошо.

Но тут сказал своё веское слово хозяин дома:

— Девочки отлично придумали. Вы – наши родственники, и будет неправильно оставлять вас на первом этаже, когда наверху столько места.

Комната Падме была угловой, одно её окно смотрело на восток, второе, с миниатюрным балкончиком «только наступить» – на юг, в сад над балконом столовой. Середину восточной стены занимал камин, ненастоящий, в отличие от того, что в кухне на первом этаже. Выше него удобно расположился голографический экран, напротив – кровать, поставленная, как чаще всего бывает в дамских будуарах, изголовьем к стене. Туалетный столик, в углу – помесь комода с этажеркой, резное кресло, небольшой шкаф у двери. Голографические снимки-ролики на стенах. Освещала комнату пятирожковая люстра, в чашках-плафонах которой прятались источники света, направленные на белый потолок. И ни намёка на шторы. Я только успел удивиться про себя, неужели здесь не принято занавешивать окна в тёмное время суток, как Сола тронула сенсор на пульте, вмонтированном в камин, и стёкла потемнели, сделавшись непрозрачными. Падме задумчиво прошлась по комнате, коснулась пальцами низкой спинки кровати, потом столика, обернулась к нам.

— Здесь всё осталось так, как было при тебе, — сказала от двери Джобель, и голос её едва заметно дрогнул.

— Ох, мам, вы бы ещё музей имени меня открыли и таблички повесили, — вздохнула Падме.

— Это, в основном, не «мы», а Рюу, — поправила тётя. — Хотели ей вот сюда в угол стол поставить и на него монитор, не позволила. Сказала, ей так больше нравится. Так и занималась у отца в кабинете. Располагайтесь, дети, а мы пойдём, Ташу устроим.

— Любящая племянница? — спросил я.

— Скорее, хитрунья, — засмеялась Падме. — Наверняка валялась на кровати, а в качестве монитора использовала головизор. Точно. Вот, указка на столике.

— Спорим, ты и сама так делала?

— Ага, только указку и рамку для клавиатуры прятала вон туда, за спинку кровати, чтобы папа не отшлёпал. Ха-ха, они до сих пор тут! Хочешь – забирай себе.

— Спасибо, возьму. Выходит, здесь и в самом деле всё точно так, как раньше?

— Да. Как будто вчера во дворец переехала.

— Эти снимки…

— Все они до моего избрания королевой.

— А я-то надеялся увидеть тебя в королевском наряде, — с улыбкой сказал я.

— Извольте, любезный брат.

Я обернулся. Передо мной стояла Её Величество королева в роскошном красном церемониальном наряде, украшенном золотой вышивкой и шестью светящимися сосудами, похожими на огромные кристаллы янтаря. Волосы её были уложены в какую-то немыслимую конструкцию в форме то ли огромного венца, то ли изогнутых рогов, лицо – выбелено до мелового оттенка и раскрашено красными линиями и точками.

— Впечатляет, — я покачал головой.

— Мы хотели бы знать, отчего, если любезному брату хотелось увидеть эти снимки, он не сделал запрос в Голонет?

— От опасных запросов, венценосная сестра моя, лучше воздержаться. А беспокоить по таким пустякам Библиотекаря я не смел, — в тон ей ответил я. — Это ты так на церемониях разговаривала?

— В полном соответствии с королевским этикетом.

— Кошмар. Наверное, во всём этом было жутко неудобно ходить?

— Ужасно, — изображение замерцало, и теперь рядом со мной оказалась совсем юная девушка, лет пятнадцати, не старше, одетая в простую тунику, короткие брючки типа лосин и мягкие полусапожки из перфорированного материала. — Тяжело, душно, жарко. Особенно добивали платформы, десять сантиметров. Потому что без них я вообще была… Ну, сам видишь, — она сделала шаг ко мне, демонстрируя, что не достаёт макушкой до моего плеча.

— Ты и в ранней юности была чрезвычайно мила, — заметил я.

— А ты сомневался? Почему? — на лице девочки появилось не по годам серьёзное выражение. Я пожал плечами:

— Знаешь же, бывают нескладные девчонки, которые становятся красавицами сразу и вдруг.

— Так это только высокие, кто растёт быстро. А я, как и все женщины в нашей семье, среднего роста.

— Даже жаль, что я не знал тебя такой. Впрочем… мне тогда было всего восемь или девять лет. Ты бы держалась свысока и меня шпыняла.

— Я-а? Да никогда в жизни! Я с Анакином так себя не вела, а ты вообще родственник.

— Как раз, родственников чаще всего и шпыняют. А он, значит, тебя моложе? Извини.

— Перестань уже постоянно извиняться. Конечно, моложе, ему, как раз, девять и было, когда мы познакомились. А мне четырнадцать.

— Расскажешь? Или не сто́ит?

— Думаю, как раз, сто́ит. Давай, ты ляжешь и послушаешь.

— Что-то вроде сказки на ночь?

— Если бы это была сказка… Иди, чисть зубы, умывайся, а я пока постель разберу. А то могу и раздумать.

Пока я умывался, Падме, уже в своём современном облике, застелила кровать, приглашающе откинула одеяло. Убавила свет в комнате, вместо люстры включив матовые светильники на стене. Предупредила:

— Всю биографию за пятнадцать лет пересказывать не буду, ночи не хватит. Так, вкратце. И, вот что, будет непонятно – перебивай, не стесняйся.

— Договорились.

— Итак, в некотором секторе, в тридесятой системе, жила-была королева. Правила она на тот момент, почитай, цельный год, да по малолетству своему сделать успела немного. В основном, суетилась, штопая тришкин кафтан, да лбом о стену билась в Сенате Галактическом, пытаясь хоть что-нибудь изменить…

Падме начала рассказ в сказочном и, вроде бы, полушутливом стиле, но чем дальше, тем серьёзнее становилась её речь. Она то смотрела прямо на меня, то куда-то вдаль, поверх моей головы, и глаза её подёргивались туманом воспоминаний. Временами, забываясь, она цитировала разговоры на языке оригинала, сам рассказ продолжая на русском, потом спохватывалась со словами: «Ну, в общем, ты понял». Я кивал и продолжал слушать, затаив дыхание. Только сейчас я начинал понимать, как именно завязывался клубок событий, в середину которого я влип три года назад, как муха в паутину, сразу всеми лапами. Основные факты я, конечно, знал и раньше, так, как изложила их мне Осока, а если быть совсем точным, как сообщили ей Скайуокер и Кеноби. А о том, сколько всего сопровождало эти «основные факты», и не подозревал, даже представить себе не мог.

— Вот так дройдный корпус вторжения потерял управление и отключился, — закончила Падме свой рассказ. — Пришлось Торговой Федерации сворачивать лавочку и улетать несолоно хлебавши. А Мастер Квай-гон Джин погиб. На той самой энергостанции, о которой ты спрашивал отца. От меча размалёванного забрака по имени Дарт Мол.

— Их надо мочить, пока молодые, — пробормотал я, вспомнив другого, столь же расписного аколита на крыше Храма. — Иначе они матереют и начинают создавать проблемы.

— Хочешь забраться в ситскую академию и устроить там хороший погром? — прищурилась Падме.

— Да я так, чисто теоретически. Главное, Осоке не говори, может загореться этой бредовой идеей… — я помолчал и решил, что настал удобный момент задать один вопрос. Он вертелся у меня на языке с того самого мгновения, как я увидел тётю Джобель, обнимающую Падме: — Слушай, я вот о чём подумал… Ты не хотела бы теперь остаться со своей семьёй? По их роду деятельности им тоже необходим… — наткнувшись на колючий взгляд голограммы, я осёкся. Спросил: — Что?

— Тебе когда-нибудь приходилось летать на сильно обиженном корабле? — голосом с температурой, близкой к абсолютному нулю, произнесла Падме. — Так вот, теперь – придётся. Потому что меня ты обидел.

— Сестричка… — я попытался взять её за руку, но разве можно поймать ночной ветер?

— Никаких сестричек, — процедила она. — Я корабль. Понадобится лететь – поднимайтесь на борт.

И исчезла.

Я скрипнул зубами. Дурацкая ситуация! Взяла и обиделась. И хоть бы объяснила, на что именно! Гордыня ей, что ли, не позволяет взять и спокойно растолковать, что не так? Королева чёртова! Главное, что я такого сказал-

то? Ничего плохого и не сказал. Наоборот. У каждого человека должно быть право выбора, куда ему идти и с кем быть. Мне ужасно хотелось немедленно встать, одеться и пешком отправиться на космодром, чтобы помириться. У нас с Падме и раньше пару раз случались небольшие размолвки, и, слегка повыясняв отношения, мы находили инцидент исчерпанным. Я не сомневался, что так будет и на этот раз, но, поразмыслив, решил отложить разговор до утра. Возможно, Падме и сама поймёт, что в этот раз обиделась совершенно напрасно, тем более, так резко себя повела. Дотянувшись до столика у кровати, я включил телевизор и немного пощёлкал каналами. Галактические программы меня интересовали мало, за три года я успел оценить, какую муру по ним гоняют. Но и местные, набуанские, от них, к сожалению, отличались мало. На некоторых планетах крутят, хотя бы, голофильмы локального производства, они иногда бывают интересны. Здесь – обычная жвачка: посредственная музыка, тупые шоу, жёсткие виды спорта. Можно было бы посмотреть новости, из них на любой планете можно извлечь немало пользы, но это надо «въезжать», анализировать, а я был абсолютно не в том настроении. Послушав немного музыку, выключил экран, повернулся на бок и почти спокойно уснул.

Проснулся я, как чаще всего бывает, на спине. И, едва открыв глаза, не сумел сдержать улыбки. Падме сидела на жёстком стульчике возле кровати, голова её лежала на подушке рядом с моей, а рука покоилась поперёк моей груди. Нормальная рука, имеющая и плотность, и вес. Я постарался замереть, чтобы не потревожить, однако, Падме сразу ощутила, что я не сплю.

— Не можешь поверить такому счастью? — молвила она, и голос у неё был натурально **сонный**!

— М-м… — неопределённо ответил я.

— Значит ли это, что я не сержусь? — словно читая мои мысли, продолжала Падме. — Очень может быть. Хотя обидел ты меня крепко. Надо же, фактически сказать, что я тебе не нужна!

— Вот ещё глупости! Где это я такое сказал? Я же просто-напросто имел в виду, что ты не наша собственность, и у тебя могут быть свои желания. А родители – всегда родители, ну, за редкими исключениями, но у вас явно не тот случай.

— А-а, теперь понимаю, — она подпёрла подбородок руками, улыбнулась. — Ты не учёл маленькой разницы между мной и собой. Скажи, ты ведь, в основном жил одним домом со своими родителями?

— Да.

— И твоя предыдущая девушка тоже жила у вас?

— С предыдущей до этого, слава богу, не дошло, а вот та, которая была до неё… Да, в основном, у нас.

— Что, кстати, с ней случилось? Почему вы расстались?

— За границу уехала, развивать бизнес своей матери.

— Ясно, извини, что спросила.

— Пустяки, дело прошлое.

— Так вот, возвращаясь ко мне. Я с тринадцати лет жила во дворце, так требовал протокол. Потом вообще улетела на Корусант. С родителями общалась так, эпизодически. Конечно, мне бы хотелось видеться с ними почаще. Наверное, мы даже сможем помогать их проекту с переселенцами. Но заниматься только этим и месяцами не видеть тебя и девочек – нет, не хочу.

— Сразу бы так и сказала, — я похлопал её по руке. — Чего обижаться-то?

— Ну, я тебя неправильно поняла. Ещё мысли всякие в голову лезли, вот и психанула.

— Что за мысли?

— Да ну.

— Нет, уж рассказывай.

— Хорошо. Представила, что настанет день, когда вокруг меня уже не будет никого из близких. Корабли ведь очень долговечны, Алекс. Сотни лет, даже тысячи. Помнишь «Миротворец»? Тот корабль Инквизиции, на котором ты побывал. И «Философа». Им обоим больше четырёх тысяч лет.

— Ну, что же, может, и ты столько проживёшь, — задумчиво сказал я, подбирая в уме нужные аргументы. — Но, честно говоря, загадывать на такой большой срок смысла не вижу. С этой трижды проклятой Империей неизвестно, что с нами завтра будет, а ты – четыре тысячи лет!

— Так-то оно так, а всё равно, как подумаю, что могу остаться совсем-совсем одна…

— Да с какой это стати? Будут же у нас и дети, и внуки. Насчёт себя и Осоки не поручусь, сама знаешь, какая она независимая, но есть же твои племянницы, есть Эрдени. Тебе ещё их детей воспитывать.

— Ой, не смеши, Алекс, — она махнула рукой, — какая из меня воспитательница!

— Да? А как ты думаешь, с кого брала пример Рийо? Может, с этой моральной релятивистки Мон Мотмы?

— Скорее уж, с Бэйла Органы. Я просто не могла быть для неё примером, слишком много совершила ошибок.

— Да-да, и дружила она с сенатором Органой, а не с тобой, — фыркнул я. — Сестрёнка, точно такой разговор состоялся у меня с Магистром Кеноби на Бьеве. Помнишь, мы ходили к озеру? Так вот, он искренне полагал, что оказался неспособен «правильно воспитать ученика». А ведь Осока тоже у него училась.

— Часто со стороны бывает виднее.

Некоторое время мы обсуждали джедаев, тех, кого я знал лично или только понаслышке. Потом Падме спохватилась и, улыбаясь до ушей, заметила:

— Брат, а ведь ты меня заболтал!

— Разве? — сделал я невинное лицо. — Не заметил. Но рад, что настроение у тебя пришло в норму.

— У меня идея, — сказала Падме, в глазах её плясали весёлые искорки. — Пока все спят, давай удерём? Хочу побродить по городу на своих ногах.

— А что, пойдём! Внешность себе уже придумала?

— Особо изощряться не буду, поменяю цвет волос и причёску. Должно хватить, чтобы встречные не косились, я ночью уже прикинула. Вставай, собирайся.

— Тебе хорошо, — бормотал я, — мило улыбнулась, и готово: одета, причёсана и даже накрашена.

— Не ворчи, — Падме шлёпнула меня по загривку. — И не произноси слово «накрашена» всуе: я года четыре училась краситься так, чтобы выглядеть естественно.

— Вот этого я никогда не понимал, — развёл руками я. — Прилагать титанические усилия для того, чтобы макияж был менее заметен…

— И максимально скрывал недостатки, подчёркивая достоинства.

— А, вот об этом я не думал. Спасибо, что объяснила.

Для прогулки по городу Падме выбрала наряд, состоящий из очень широкой юбки средней длины, образующей крупные складки, и жакета с укороченными рукавами и глубоким, но узким вырезом, не требующим обязательной блузки. К тому моменту, как я возвратился из ванной, она экспериментировала с застёжками.

— Вот эту, — сказал я, понаблюдав, как она меняет текстуры. — Сделай её побольше…

— Больше?

— Да, и оставь одну, вроде пряжки ремня. Можно ещё прилепить по половинке такой же на каждый рукав.

— Хорошо. Что скажешь насчёт волос?

Я покачал головой. Падме перекрасила причёску в соломенный оттенок, соорудила чёлку, закрывающую лоб

до бровей, а сзади предельно укоротила волосы. И, если первое выглядело удачно, то затылок…

— Короткие тебе не идут, — сказал я.

— Может быть, так? — теперь она изобразила пару коротеньких косичек в стиле Гретхен из немецкой пивной.

— Так – да.

Небо над городом только-только осветилось утренней зарёй, в лучах восходящего солнца бледным серпиком висела одна из лун планеты. Состоятельные жители Тиида, должно быть, ещё спали, как и нагулявшиеся за вечер туристы. Вместо них на улицах появились уборщики – специализированные дройды и надзирающие за ними рабочие. Одни машины чистили улицы, другие забирались на стены домов, и после их усердных трудов окна начинали блестеть ярче, светлел камень стен, а в одном месте я увидел, как два дройда счищают с фасада здания мох, при этом вьющиеся растения оставались нетронутыми. Я поинтересовался у Падме, часто ли так моют стены, она сказала, что по желанию домовладельцев, но обычно не реже, чем раз в три месяца. Заросшие мхом здания – это те, где никто не бывает, по меньшей мере, в течение летнего сезона, их очищают осенью, чтобы всю зиму презентабельно выглядели.

— В Тииде много свободных домов? — спросил я.

— Не свободных, просто владельцы некоторых предпочитают жить на более весёлых планетах. Почему нет, если средства позволяют?

— Получается, они не работают и не занимаются бизнесом? На что же они живут?

— Доходы от собственности. Дома в наём, земельные участки. Вот у моих родителей, например, есть участок в Озёрном краю, это курортная зона. Деньги от арендаторов минус расходы на содержание, вот и прибыль. Не все же тратят её на благотворительные проекты, как папа с мамой. Лучше всего, конечно,

банковский капитал или акции крупных компаний. Забот никаких, а доход постоянный.

— Ну, да, ну, да, не хочу быть миллионером, хочу быть акционером, — процитировал я. — Интересно посмотреть, как у вас рабочий класс живёт.

— В этом отношении Набу типичная арийская планета, — отозвалась Падме. — У нас нет этих жутких трущоб и «блоков», как на Корусанте и Тарисе. Квартиры, как твоя на Земле, только без отдельной кухни. Вот тот дом поделён на такие квартиры, видишь, шатровая крыша слева?

— Но, всё же, в городе существуют более зажиточные кварталы и более бедные.

— Увы, с этим ничего не поделаешь, — вздохнула моя сестрица.

Я давно потерял представление, в какой части города мы находимся, и только изредка, по башням королевского дворца или вершине купола университетского комплекса со статуей на нём мог определить направление. Ну, а Падме уверенно двигалась по улицам Тиида, сворачивала в переулки и незаметные проходы между домами, и видно было, что прогулка доставляет ей огромное удовольствие. С мечтательной улыбкой она касалась кончиками пальцев то стены, то плюща, то ветки дерева.

— Мне казалось, я всё позабыла, — призналась она. — Оказывается, нет. Вот эти ягоды мы в детстве ели горстями, — Падме взяла двумя пальцами длинную колючую плеть кустарника, свисающую через забор одного из палисадников. Сорвала тёмно-зелёную, как олива, грушевидную ягоду: — Попробуй. Внутри мелкие косточки.

Ягода оказалась немного терпкой, не очень сочной, по вкусу она напоминала… тёрн. Не дикий, вяжущий настолько, что губы в трубочку, а сортовой, который ближе к садовой сливе. На языке остались гранёные косточки наподобие виноградных.

— Это вкусно, Падме! — сказал я.

— Съесть, что ли? — нерешительно молвила она. И осторожно положила ягоду в рот. — М-м?

— Что?

— Ой, проглотила… — она, видно, сама не обратив на это внимания, выплюнула косточки на ладонь и отбросила на пятно травы вокруг растущего посреди тротуара дерева. — Я вкус чувствую, Алекс! Раньше, когда готовила, пробовала и не чувствовала, а сейчас вдруг…

— Так это же чудесно! Значит, ты теперь умеешь и это. А может быть, ты **голодна**?

— Нет, есть мне по-прежнему не хочется. О… Алекс… Совсем забыла. Ты-то у меня не завтракал! Надо что-то придумать. Жаль, в этот час всё ещё закрыто.

— Я гляжу, у вас вообще не принято рано вставать, — заметил я.

— Это же Набу, не забывай, здесь сутки на два часа длиннее.

— Ах, да, ты говорила.

— Знаю, что мы сделаем! Пойдём на базар. Гунганы приезжают торговать ни свет, ни заря, купим фруктов и тебя накормим.

Рыночная площадь располагалась совсем рядом с королевским дворцом, чуть в стороне от главной улицы. В этот час и покупателей, и торговцев здесь было совсем мало, и за пустыми палатками можно было разглядеть массивные жёлтые лари утилизаторов. Как и говорила Падме, торговали, в основном, гунганы. Представителей этой расы я несколько раз встречал во время наших странствий с Осокой, а более детально имел возможность наблюдать во время ассамблеи на Киросе. Высокие и тонкие, похожие на прямоходящих тритонов с длинными перепончатыми ушами, свисающими по бокам головы, глазами на стебельках и длинным гибким языком, который представители этого вида обожают показывать на мгновение во время беседы, выражая эмоции. На базик гунганы

говорили бегло, но весьма своеобразно. Как объясняла Эрдени Тано, изучавшая лингвистику, каким-то образом это связано со структурой их собственного, давно исчезнувшего языка, ну, и, конечно, фонетикой: не все звуки гунганы способны чётко произнести. Покупатели, напротив, сплошь относились к человеческому виду, однако, одежда большинства из них явно указывала, что это профессионалы, и пришли они закупать продукты для «предприятий общественного питания». Светлые костюмы из простой однотонной ткани не слишком отличались от тех, что используют земные повара. К тому же, почти с каждым была репульсорная тележка или дройд-носильщик. На их фоне редкие розничные покупатели вроде нас с Падме выделялись довольно сильно. Например, вот эта молодая пара и сухопарая пожилая леди с ними.

— Мой отец всегда говорил, — нравоучительно бормотала она, копаясь в овощном латке гунгана-торговца, — нужно встать пораньше, чтобы купить самое свежее.

— Мама, Вы повторяете это ежеутренне вторую неделю подряд, — почти простонал молодой мужчина.

— От повторения истина ложью не становится. Вот уеду, кто вас тогда чему научит?

— Нельзя было вообще этим заниматься без меня? Мне, между прочим, на работу идти.

— Для этого мы и встали пораньше, чтобы успеть всё до работы.

— А спать когда?? — взмолился зять.

На этом месте разговора супруга дёрнула его за локоть, чтобы прекращал дискуссию.

— Тёща из анекдота, — тихо заметил я.

— Точно, — согласилась Падме. — Хорошо, что бывают исключения, вроде моей мамы и Ирис Тано.

— И не говори.

— Пожалуй, возьмём вот это и вот это, тебе должно понравиться.

— Твоя бери больше, моя отдал дешевле, — предложил торговец-гунган.

— Мы бы с удовольствием, — вежливо ответила Падме, — но нам домой не нужно, только сейчас поесть.

— Тогда цена такой, как будет, — сказал гунган. — Королева не умей торговаться, а?

— Ну, вот, теперь меня ещё и узнали, — по-русски буркнула Падме. Готовясь к выходу, она подправила себе разрез глаз и форму подбородка, но, видно, недостаточно. А давешняя троица покупателей тоже смотрела на нас. Молодуха наклонилась к матери.

— Посмотри, девушка, точно, похожа на покойную королеву Амидалу, — расслышал я.

— Чепуха! — в полный голос ответила «типичная тёща». — Ничего она не похожа! Её Величество я знала лично, а не по этим дурацким изображениям. И хорошо помню. Королева была нежна, как цветок, и невинна, как поцелуй младенца. А перед нами просто красивая девушка.

— Бэмс! — усмехнулся я.

— К тому же, одежда на ней нетрадиционная, — припечатала старушенция. — Как она может быть похожа на нашу королеву?

— Спасибо, мадам, — не удержалась, всё-таки, Падме, делая ироничный книксен. — Буквально груз с души. Я-то чуть было сама не поверила.

И отвернулась к продавцу, рассчитываясь за фрукты. А вот я увидел глаза пожилой дамы. Они были точь-в-точь как у Бэйла Органы на том приёме. Секунду назад «типичная тёща» сомневалась, сейчас – нет. Земная старушка бы, наверное, перекрестилась, эта судорожно схватилась за кулон на шее. И заторопилась прочь с рынка, увлекая за собой недоумевающих дочь и зятя.

Мы отошли на край рыночной площади, к глухой тыльной стене одного из окружающих её домов. Рядом в каменной чаше журчал фонтанчик, в котором Падме

деловито помыла фрукты. Собрала обратно в пакет, начала расстилать на камне салфетки из некоего подобия бумаги… и вдруг встревоженно замерла.

— Что-то случилось? — спросил я.

— К городу идут четыре «зубила», вижу их пассивными сканерами.

Имперские десантно-штурмовые машины отличались от прежних республиканских LAAT или, на жаргоне, «нерфов», в основном, улучшенным бронированием и, как следствие, более угловатым корпусом, за что и получили такое прозвище. Каждый из четырёх аппаратов обычно нёс по два отделения солдат – пехотинцев или штурмовиков. Итого – два взвода, очевидно, из личного конвоя набуанского имперского наместника.

— Снижаются к заречной площадке, возле запасного выхода из дворца, — продолжала сообщать Падме.

— Может, наместник пожаловал? — предположил я.

— Ну, да, конечно! Такой важный господин в десантном отделении не полетит, он бы взял личный челнок. Да и к кому сюда лететь? Королева в отъезде. Что-то у меня нехорошее предчувствие, Алекс. Пойдём-ка, сходим во дворец.

— А нас прямо так и пустили.

— Ха. Забываешь, кем я была? Я тут такие лазейки знаю, нынешняя охрана о них и не подозревает.

— Раз считаешь, что нужно… Веди, мадемуазель Сусанина.

Неприметная железная дверь, к которой привела меня Падме, по виду, вела в неиспользуемый подвал одного из старых домов. Открыть её при помощи пассов пальцем на одной из панелей нам удалось не сразу. По металлу передавался слабый щелчок, но дверь всё равно сидела в раме, как влитая. Только после несколько бесплодных попыток я заметил на её краю три металлических потёка.

— Да её заварили сваркой! — воскликнул я шёпотом. — Это точно вход?

— Точно.

— А ну, постой на шухере, Твоё Величество…

Достав из пенала на пояснице меч Айлы Секуры, я включил его. Лёгкими движениями огненного кончика срезал наплавленный металл. И ржавая с виду дверь легко и бесшумно повернулась на петлях.

В подземном коридоре царила кромешная тьма, но плесенью и сыростью не пахло, что означало – стены подземного хода находятся в целости. Подсвечивая синим огненным лезвием, мы сначала медленно, а по мере того, как мои глаза привыкли к темноте, всё быстрее, двигались вглубь горы, ко дворцу.

— Всё, мы внутри, — сказала в какой-то момент Падме. — Гаси меч, сенсоры могут среагировать.

— А идти как? Ты-то в темноте видишь.

— За мной. Здесь нет ни ступеней, ни порогов, пол ровный, шагай смело. Руку дай.

Некоторое время во тьме я различал только светящуюся голографическую фигуру сестры. Но вот впереди едва заметно посветлело, и спустя минуту мы с Падме оказались под аркой, ведущий в длинный то ли коридор, то ли зал.

— В какую сторону дальше? — спросил я.

— Налево. Там будет лестница и основные лифты, пронизывающие весь дворец. Но там и охрана, голокамеры. На той стороне перед лестницей где-то должен быть коридор к служебному лифту, сейчас поищем.

Хорошо, что мы потратили несколько секунд на это короткое обсуждение! Стоило нам выйти в коридор чуть раньше, и два идущих по нему человека, несомненно, увидели бы нас. А так первыми их услышал я. Шаги по каменному полу и два голоса.

— … готовы к активной фазе, — говорил один.

— Хорошо, — отвечал другой. — Что советники? Оповещены все?

— Нет, господин Председатель, комлинк советника Ферро отключён, как всегда, когда советник на рыбалке.

— Не беда. Один Ферро погоды не сделает. Что остальные? Испугались?

— Почти все. И как не испугаться, раскопки на месте лаборатории биологического оружия! Потом, я старался говорить максимально встревоженным тоном, какой только приличествует в обращении к членам Королевского Совета.

Собеседники приблизились, и теперь я мог разглядеть их, сам оставаясь в тени арки. Говоривший сейчас был худ, сутул, имел короткие густые усы, как у моржа, и небольшую лысину-тонзуру. Второй, богато одетый благообразный человек лет сорока, судя по осанке, относился к разряду не просто начальства, а руководящих персон.

— Превосходно, превосходно, Пешто, — сказал он подчинённому. — Продолжаем действовать по плану. Ждём, пока они рассядутся по местам в зале, чтобы доказательства незаконного заседания были налицо, и производим арест. Ещё раз напомните капитану Коннверу: его штурмовики должны войти во все двери строго одновременно со мной, не раньше и не позже. Ступай.

— Слушаюсь, сэр! — Пешто отвесил короткий полупоклон и поспешил обратно к выходу. Председатель же не спеша двинулся дальше, в сторону лифтов.

— Ах, паскудники, что задумали! — прошептала мне в ухо Падме. — Королевский Совет уничтожить! Надо встретить его в конце анфилады, где ещё темно. Ты осторожно иди за ним, только тихо. А я сразу перенесусь туда.

— Хочешь его захватить?

— Нет, просто проехаться по мозгам, ему этого за глаза хватит. Господин председатель родился в Ферентине и дико суеверен, этим и воспользуемся.

Когда Председатель ступил в очередной зал подземной анфилады, перед ним внезапно возникла призрачная светящаяся фигура. Она стояла на третьей ступеньке широкой каменной лестнице, ведущей к лифтовой площадке, и казалась больше, чем в действительности. Я поспешно нырнул под одну из арок.

— К-королева Кайланта? — отшатнувшись, удивлённо воскликнул мужчина, он, видимо, решил, что перед ним изображение комлинка.

— Нет, я не Кайланта, — ответило видение.

— Горотские дьяволы… Падме?

— Не смей называть меня по имени, презренный изменник! — голос Падме, усиленный стенами зала, загремел органными аккордами. — Как ты мог, Дрейн Истник?? Ты, который столько лет верой и правдой служил королевскому дому, учил нас в Школе Законодателей быть самоотверженными и преданными своему народу! Как решился ты на столь подлый поступок?

— Это не я… Меня заставили! — Председатель, несколько минут назад такой важный и солидный, почти блеял от ужаса.

— Говорю с тобой потому, что ты ещё имеешь возможность сохранить лицо. Одумайся, пока не поздно.

— Нет! Поздно, Ваше Величество. Лорд не простит меня!

— Лорд далеко, от его гнева можно укрыться. Но спасут ли имперские штурмовики, если за измену тебя захочет покарать призрак?

— Пощадите, Ваше Величество!

— Как жалок ты стал, — поморщилась Падме. — Садись на ближайший корабль, он стартует через двадцать четыре минуты, и прочь с планеты! И помни: я пощадила тебя только за твои прошлые заслуги. Ещё одна подлость с твоей стороны, я явлюсь снова. И заберу тебя туда, откуда пришла сама. Всё понял? Отвечай, предатель!

— П-понял, Ваше Величество. Я искуплю, Ваше Величество!

— Очень на это надеюсь. Всё-таки, ты был хорошим человеком, Дрейн Истник. Можешь идти.

— Вот это припустил, — усмехнулся я, наблюдая, как Председатель трусцой удаляется по залам анфилады. Подошёл к Падме, взглянул снизу вверх и добавил: — Страшна ты бываешь в гневе, сестрица.

— А ты меня не серди, — улыбнулась она и, пользуясь преимуществом в две ступеньки, поцеловала меня в макушку. — Теперь нужно, чтобы советники не попали в зал заседаний, и всему плану крышка.

— Я пока мало что понимаю в ситуации, — признался я. — Почему совещание не должно состояться?

Падме принялась объяснять. Всё оказалось довольно просто: Королевский совет Набу имеет право созывать только монарх, в противном случае – нарушение протокола и превышение власти, за которое можно привлечь к ответственности. Именно такую ситуацию и пытался спровоцировать Председатель Истник, сообщив, что некто пытается раскопать остатки подземной лаборатории профессора Винди в Восточных болотах. Тут я кивнул: о профессоре и его Синем вирусе мне рассказывала Осока. Такой угрозой, действительной ли, мнимой ли, нетрудно напугать до чрезвычайных мер. А наместнику дай только повод для арестов и, как следствие, роспуска Совета, без которого Кайланта окончательно станет фигурой чисто номинальной и не имеющей реальной власти.

— И что будем делать? — спросил я.

— А вот что. Сообщим советникам, будто Председатель вылетел на место для рекогносцировки, пускай сразу, без совещаний, берут под личный контроль ключевые объекты столицы. И будут штурмовики их дожидаться до посинения брони.

— А кто им сообщит? Ну, не ты же?

— Конечно, нет, это будет чересчур. Завтра же вся Галактика узнает о моём призраке.

— Тогда как?

— Идём к начальнику дворцового гаража Тинмару. Он был у меня водителем, надёжный офицер.

Хоган Тинмар, высокий чернокожий мужчина могучего телосложения, выглядел непоколебимой скалой, а на деле оказался немного нервным. Увидев Падме, он потерял дар речи и прослезился. Хорошо, что у него в буфете я заметил штоф с лазурной прозрачной жидкостью и стопки. После того, как мы влили в глотку офицера пятьдесят грамм абракса, Тинмар пришёл в себя и оказался способен выслушать наши объяснения. Разумеется, ни о корабле, ни своих особых способностях Падме говорить не стала, назвалась обыкновенным призраком, и начальник гаража, похоже, поверил.

— Понятно, — кивнул он, когда Падме обрисовала ему ситуацию. — Да, повод имперцам нельзя давать ни в коем случае. Не беспокойтесь, сделаю всё как надо.

— Спасибо, Хоган, — сказала Падме.

— Госпожа… Я ещё когда-нибудь Вас увижу?

— Вполне вероятно. Только, прошу, не проболтайся обо мне.

— Да что Вы! Ни одной живой душе! А разведку Восточных болот мы сейчас организуем, две минуты.

Он при нас позвонил майору Сайксу, командиру истребительного полка на базе Керен, и тот обещал немедленно отправить к болотам дежурное звено с разведывательными дронами на подвеске. Нам Тинмар объяснил, что Первый полк просить, к сожалению, нельзя, его командир настроен проимперски, как и некоторые офицеры Королевской службы безопасности.

— В том числе, и полковник Панака? — уточнила Падме.

— Увы, — вздохнул Тинмар. — Вроде, разумный человек, а очевидных фактов замечать не желает. Про капитана Тайфо Вам, наверно, известно? Вот это был настоящий офицер!

— Да. Если бы не его самонадеянность… Как жаль, что я не имела возможности его отговорить! — заметив мой непонимающий взгляд, Падме пояснила: — Он попытался в одиночку убить Вейдера.

— Отчаянный мужик, — я покачал головой. — Именно у таких отчаянных, порой, и получается.

— У него не вышло, — Тинмар покосился на контрольный экран системы противовоздушной обороны, поднялся: — Прибывают советники, надо идти.

С боковой галереи вестибюля нам было прекрасно видно, как Хоган Тинмар передаёт советникам нашу дезинформацию, как суетится и жестикулирует господин помощник Председателя, однако, советники не особо его слушают. Затем к Пешто подбежал гвардеец, откозырял, и помощник последовал за ним.

— Его пригласили в комнату спецсвязи, — пояснила мне Падме. — Якобы с ним хочет говорить шеф из района Восточных болот. Молодец Хоган! Кайланте будет интересно по возвращении послушать его показания. Пойдём, братишка, нам здесь больше делать нечего.

— Я бы ещё узнал результаты разведки.

— Их перекинут мне, то есть, на корабль, когда отработает дежурное звено. Впрочем, я подозреваю, что никаких раскопок и не было.

Падме ошибалась, хотя и ненамного. На Восточных болотах, и в самом деле, копалась бригада каких-то хануриков из соседней системы Крийлинг, должно быть, чтобы обозначить деятельность на случай наблюдения со спутника. Пожалуй, спутники они, действительно, обманули бы, но только не «праулеры», сброшенные с истребителей. Ни взрывчатки, ни машин, способных

пробить шурф на глубину подземной лаборатории, у ханурикoв не было. Сопротивления они не оказали, за исключением главаря, молодого наёмника-трандошана, впрочем, пока этот олух палил в ответ на выстрелы десантников, сзади к нему подкрались два гунгана и скрутили без лишних жертв. Но об этом мы узнали немного позднее, а пока по залитым солнечным светом улицам шли обратно от дворца на базар. Падме опять нарисовала себе чёлку, но на этот раз ни цвет волос, ни длину менять не стала, распустив их свободно по плечам и спине.

— Довольна, спасительница целой планеты? — ехидно спросил я.

— А то! Выходит, я до сих пор гожусь на что-то, кроме как картошку возить, — засмеялась Падме.

— Ну, да, картошку! Вспомни, в скольких боях ты участвовала. Да что участвовала, играла первую скрипку.

— То как корабль, а сейчас совсем другое дело.

— Смотри, наши пакеты так и лежат на том же месте.

— Ну, разумеется! На Набу издавна так: вам могут залезть в карман и увести кошелёк, но чужие вещи и одежду не тронут никогда.

Я подобрал фрукты, спросил:

— Ну, что, домой?

— Да, пойдём. Подожди, ты все волосы растрепал, дай, поправлю… Не крути головой!

— Всё, всё, хватит уже, не на приём в посольство собираемся!

Тут-то мы и услышали знакомый женский голос:

— Они всё время так?

— Достаточно давно, — ответил ещё более знакомый голос, мамин. — Наверное, с того момента, как твоя научилась обращаться с предметами. Как чувствовали, что не чужие.

— Привет, мам, доброе утро, тёть Бель, — сказал я.

— Привет, тёть Таш, доброе утро, мам, — подхватила Падме.

— Куда ж это вы пропали с самого утра? — спросила тётя Джобель.

— Просто по городу погулять пошли, — ответила Падме и предупреждающе покосилась на меня. Я на мгновение прикрыл глаза: понял, молчим.

— А вы какими судьбами? — поинтересовался я.

— Решили к обеду что-нибудь купить.

— Ну, и отлично. Покупайте. Как раз, сумки поднесу.

Вечером на связь по гиперлинии вышла Осока. Настроение у неё было приподнятое. Она рассказала, что розыски полезного оборудования на старой базе дали неожиданно хорошие результаты. В заваленных складах под разрушенными ангарами обнаружились целые залежи деталей для автоматических истребителей «Гриф».

— На «Амидале» всё не увезём, я вызвала «Борца», — сказала она. — Вы родственницу-то отыскали?

— Да, отыскали, — улыбнулась мама. — Сразу же.

— Собственно говоря, это я, — тётя Джобель вошла в фокус передатчика, наклонилась, чтобы лучше было видно её лицо, положила руки нам на плечи. — Здравствуй, Осока Тано.

— Как? Госпожа Наберри? — ахнула моя подруга. — И вы знали с самого начала?

— Знали только братец с сестрицей, а мне не говорили, — развела руками мама.

— Ясненько, — Осока перевела взгляд на меня. — Значит, ты, милый, у меня принц?

— В смысле? — не сразу понял я. — Ты про родство с королевой, что ли? Так это не считается, мы родственники-то дальние, троюродные.

— Ты ещё приплюсуй расстояние между планетами и скажи «сверхдальние», — фыркнула Осока.

— Да, такой далёкой и одновременно близкой родни у нас ещё не было, — сказала мама.

— В общем, отдыхайте пока, суток через четверо прилетим на «Борце», — подытожила моя подруга. — И не скучайте.

— Не волнуйся, — усмехнулся я, — не соскучимся. Мы тут успели заговор раскрыть и планету спасти…

Мама и тётя Джобель засмеялись, они-то подумали, что это шутка. Осока тоже продолжала улыбаться, но глаза у неё немедленно стали серьёзными:

— Что-то существенное?

— Мелкие дворцовые интриги на один укус, — небрежно отозвалась Падме.

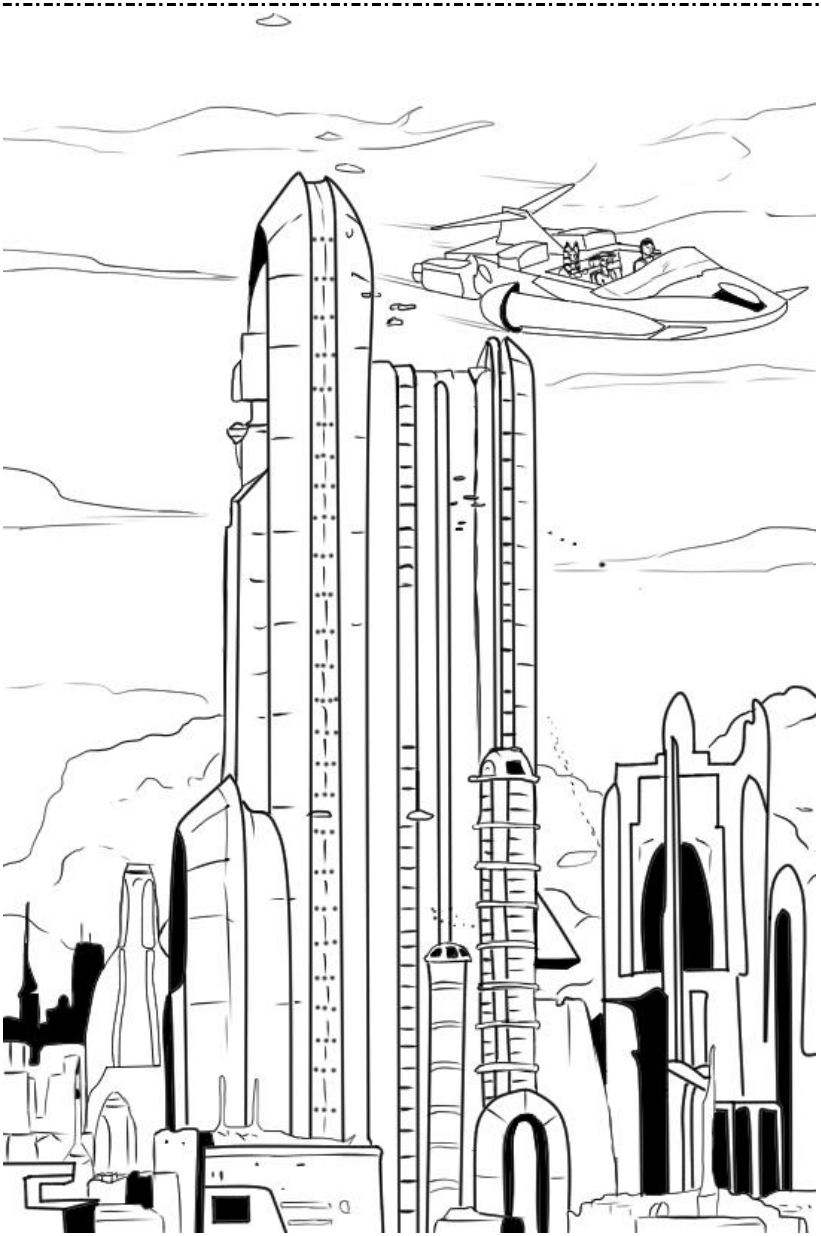
— Смотрите, за оставшиеся четыре дня не устройте всепланетную войнушку.

— Ой, кто бы говорил!

— Тем не менее. Я предупредила, расхлёбывать не стану.

— Не волнуйся, я знаю, что я делаю.

Услышав эту фразу, Осока картинно воздела глаза к небу, не выдержав, расхохоталась и завершила сеанс связи.



Сны о Республике

Этюд первый. Передышка

Государственный курьер ждал меня у выхода из аудитории. Под привычное уже «гы» однокурсников он вручил мне официальной приглашение.

— Когда прибыть? — задал я ритуальный вопрос.

— Безотлагательно. Спидер ждёт.

Я покосился на ребят. Всё бы им ржать! Мне, между прочим, и самому неудобно. Отвлекаем занятых людей, машины гоняем, хотя от университета до правительственного квартала добираться десять минут на «магнитке». Впрочем, я понимал, что так получается проще всего. Пробивать постоянный пропуск пришлось бы через офис Верховного Канцлера, а там документы, бывает, тонут не на годы – на десятилетия. Вот и приходится «каждый раз, как в первый класс».

Курьер сопроводил меня до места, проследил, чтобы темнокожая Элли, помощница, впустила меня в резиденцию, на этом его функции были выполнены.

— Сенатор, — произнёс я, сопровождая это чётким наклоном головы.

— Инженер, — слегка кивнула она. — Я пригласила Вас вот в связи с чем. Есть подозрение, что в рехенах посольства копался злоумышленник.

— Сейчас проверим, — сказал я. Инженер, вот смех-то! Всего-то четвёртый курс факультета прикладной кибернетики. Отыскав глазами планшет – никогда не предугадаешь, где он у неё может валяться в каждый следующий мой визит – я переключился под административную запись и приступил к проверкам.

— Элли, можешь идти, — разрешила она. Подошла, уселась на диване по другую сторону столика, на котором лежал планшет.

— А с чего ты взяла, что здесь кто-то пошуровал? — поинтересовался я, дождавшись, когда за помощницей задвинется дверь.

— Даты открытия файлов. Я всегда их смотрю, как ты говорил. И что-то не помню, чтобы трогала те документы так недавно.

— Которые помеченные?

— Да, там четыре штуки.

Она протянула через столик руку, пригладила мне волосы.

— Прекрати, Падме, — поморщился я. — Ты как мама!

— Моя или твоя?

— Без разницы, в этом они похожи абсолютно.

— Ещё бы, ни той, ни другой не хочется, чтобы сын и племянник выглядел неряхой.

— Где это я неряха? — возмутился я. — Гляди, всё как положено: пиджачок в брючки, брючки в носочки, и рубаху в этом году уже менял два раза.

Падме расхохоталась. Анекдоты про маменькиного сынка с большим удовольствием вставляли в юмористические клипы головидео, и тот персонаж выглядел именно так, как я описал.

— Обедал?

— Само собой! Должен же я закалять тело и укреплять дух? Знаешь, изнеженное создание, какая сила воли нужна, чтобы впихнуть в себя то, что подают в нашей столовке?

— А то я в такой никогда не питалась, — фыркнула кузина. — Ты ещё пешком под стол ходил, когда я в Переселенческой программе участвовала. Там и похуже кормили. Ничего, закончу работу, поужинаем нормально.

— У вас ещё будет заседание? Я думал, закончилось.

— Сегодня пленарного после обеда не было. Комитеты, совещания. Через час нужно встретиться с одними товарищами, после этого уже всё. Ну, что там?

— Файлы трогали с другого терминала, секретари. Не редактировали, но распечатали. И номерочки есть. Спроси их для порядка, но, вроде, всё легально. У-у…

— Что?

— Да мусору-то, мусору! Как можно за месяц всё так за… ну, ты поняла. Сколько раз говорить, чтобы видео на кристаллы отписывала?

— Перепишешь? — она заглянула мне в глаза. — У меня как-то руки не доходят. А Трипио поручать нельзя, сам знаешь.

— Молчи. Как вспомню, когда он полсети затёр и у себя какие-то файлы заодно… С меня семь потов сошло.

Падме поднялась, наработанной годами тренировок походкой Очень Важной Персоны прошла к комбайну, быстрыми касаниями сенсорной панели смешала соки для себя и для меня, вернулась к столику.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Как приятно быть компьютерщиком, сама королева приносит коктейли!

— Я давно уже не королева.

— А бывших величеств не бывает, как и разведчиков, — я показал ей язык.

— Хватит подкалывать. Пей и рассказывай. Что у вас в университете делается?

— А Вы, дамочка, собственно, для чего интересуетесь? — скорчил я подозрительное лицо. — Вы, часом, не Сенатор будете?

— В лоб дам, — честно предупредила Падме.

— Э, э, только не по голове!

— А на другой воспитательной точке ты сидишь, тянуться неудобно.

Неожиданно за моей спиной без обычного предупредительного колокольчика раздвинулись двери.

Падме вскинула взгляд поверх моей головы, и по её лицу я моментально догадался, кто там пришёл.

— Сенатор… — прозвучал в гостиной уверенный мужской голос.

— Не нужно, все свои, — отозвалась Падме, стремительно вскакивая навстречу вошедшему.

— Ах, да, точно, — Анакин Скайуокер, герой войны и, между прочим, в свои двадцать два года уже Мастер-наставник, едва заметил моё присутствие. — Здравствуй, Падме.

А вот кое-кто другой очень даже обратил на меня внимание. Секунда – и пара тонких рук, просунувшись подмышками, сомкнулись у меня на животе, на плечо опустился подбородок.

— Приветик! Чем занят?

— Привет. В данный момент пытаюсь поставить этот стакан, не выплеснув на себя, — сказал я.

— А в целом?

— Чищу посольскую видеопомойку. Видишь, сколько накопилось?

С ученицей Анакина Осокой Тано я познакомился два года назад, когда он впервые привёл её домой к Падме. В то время она меня не впечатлила, от слова «никак»: худющая голенастая девчонка-тогрута, нескладная и шумная. Меня она воспринимала в качестве такого бесплатного дополнения к моей сестрице, не настолько занятого и готового пообщаться всякий раз, как они с наставником приходили в гости. Натура у неё была энергичная, неунывающая, а жеманничать Осока, похоже, просто ещё не умела. Правда, потрещать она любила так же, как и большинство девчонок. Признаться, поначалу её рассказы о войне я воспринимал, скорее, как похвальбу, не очень-то верил. Но однажды увидел видеозапись, понял, что всё или почти всё – чистая правда, и даже зауважал. В общем, отношения у нас сложились вполне приятельские.

И вдруг недавно, когда Осока с Анакином прилетели на Корусант после долгого перерыва, я увидел её… и слегка прифигел. Девчонка превратилась в настоящую барышню, да ещё какую симпатичную. Подросли рожки, образуя «живую корону», что так нравилась мне у взрослых тогрут, удлинились полосатые лекки, они солидно лежали на плечах и уже не были похожи на косички первоклашки. Да и фигура стала – не хочешь, а засмотришься. В общем, к повзрослевшей Осоке хотелось относиться слегка иначе. Но она, как и прежде, продолжала при встрече вешаться мне на шею или вот так обниматься сзади, не обращая внимания, что её грудь – в смысле, **обе** – прижимаются к моим лопаткам. А там ещё Падме подлила масла в огонь, не нарочно, понятное дело. Она брала с собой Осоку на какие-то секретные переговоры в нейтральной зоне, а по возвращении обмолвилась, что та познакомилась с одним мальчиком. И, кажется, влюбилась.

— Брат, у тебя ещё долго копироваться будет? — прервала мои мысли сестра.

— Такой объём? С полчаса, — сказал я.

— Может, пока пойдёте с Осокой погуляете? Нам с мастером Скайуокером…

— …надо обсудить один закрытый вопрос, — её же тоном закончил за неё я. — А у нас нет допуска такого уровня.

— Вот, ты же понимаешь. Анакин, — Падме посмотрела на джедая, — мне, правда, нужно будет отлучиться на встречу с делегатами…

— Ничего, я подожду здесь. Заодно продиктую Трипио отчёт о миссии, — отозвался он, — и отнесу Канцлеру. Пусть идут.

— Да-да, встретимся дома за ужином.

Мы с тогрутой быстренько ретировались за дверь. Я не был уверен, знает ли Осока то, что на правах члена семьи было известно мне, но и она всё понимала

правильно. Люди давно не виделись, у них отношения, большая любовь и всё такое…

— Чем займёмся? — спросил я. По части идей генератором у нас всегда была Осока.

— Идём пока в парк, к фонтану, там решим. У меня после этого задания до сих пор мозги дыбом и глаза в кучку.

— Ладно.

— Кстати, как у тебя с Сенатором?

— С Падме? — удивился я.

— Да нет же, с Чучи. Так и не нашёл повод познакомиться поближе?

— Перестань уже, а? — поморщился я. — Зачем я этой деловой колбасе? Пришла тут как-то в гости, села в красном углу, как статуя Предка, и весь вечер разговаривала только с Падме и только о политике.

— А что ты хотел, она стесняется!

— Ой, можно подумать!

— Разве сенаторы – не живые существа? — прищурилась Осока. — Ты ей нравишься, точно тебе говорю.

— Слушай, прекрати меня сватать! — понизив голос, чтобы на нас не оглядывались, потребовал я. — Может, у меня есть девушка?

— Ни фига, я бы знала, — уверенно возразила тогрута. — Я, как-никак, джедай… ну, почти. И дружу с тобой третий год. Так, а вот теперь ты расстроился. Ладно, не буду больше о девушках, хочу, чтобы у тебя было хорошее настроение.

— Вот-вот. Расскажи лучше, как слетали.

— Плодотворненько, — ответила она, употребив одно из любимых словечек своего наставника. — Видел когда-нибудь джедая-партизана?

— Н-нет.

— Гляди, пока я здесь.

— Лес, налёты, диверсии, засады? — слегка удивился я.

— Ага, всё как в учебниках истории, — кивнула она. И принялась рассказывать про планету Ондерон, где хитрозадые сепаратисты посадили своего короля, как результат – система «мирным» путём перешла под их контроль. Пришлось нашим податься в партизаны и гадить исподтишка, выжидая момент, когда можно будет вытащить из кутузки свергнутого монарха. Не понравилось мне в этой истории одно: взрослые серьёзные жители даже не почесались, глядя, как произошёл переворот, потом на планету высадились сепы и стали строить нехилую военную базу в самом удобном месте, на землях, где люди выращивали еду. Возмутились только молодые, а поскольку воевать они не умели, всех их живо покрошили бы в салат, не прилети джедаи и клоны-инструкторы.

— Неужели им было настолько всё равно? — спросил я.

— Пока их лично не трогали – да, — кивнула Осока. — Что ты хочешь, сельскохозяйственная планета. Дальше своего поля не смотрят.

— Так и в рабстве оказаться недолго.

— Точно. Мои соплеменники на Киросе именно так и оказались. Всё твердили, что их война не коснётся. Здесь хоть кто-то взбунтовался, а наших загрузили в транспорты, как скот, и увезли.

— Хорошо, хоть ты не такая.

— Я-то нет. Как говорит тёт… Магистр Шакти, мы с ней и Ашла – то исключение, что подтверждает правило.

— Вот, значит, как всё было, — задумчиво сказал я. — А по Голонету про вас вообще ни слова. Как там в новостях… «Героические повстанцы Ондерона во главе с Лаксом Бонтери и Стилой Геррерой освободили планету от гнёта сепаратистов!»

— Не поминай, — девушка поморщилась. — Я тебе ещё не рассказала, как погибла Геррера.

В Осокином изложении выходило, что в смерти предводительницы партизан целиком и полностью виновата она, Осока. Я не поверил. Начал допытываться. И вытянул из неё, всё-таки, что её «слегка подстрелили».

— Да фигня, царапина, — отмахнулась она.

— Царапина. Из бластерного репитера. Врёшь ты всё.

— Я вру?

— Именно ты. И ни в чём ты не виновата, любой бы…

— Алекс, я-то не «любой»! — под моим взглядом она сникла. — Ладно. Может, и не виновата. Самое поганое в этой истории, что Бонтери оказался изрядной сволочью.

— Неужели? — переспросил я, изо всех сил изображая сочувствие. Наконец-то она это поняла!

— Гад, ничтожество, политик… Использовал Герреру, да и меня тоже использовал. Всё для того, чтобы сесть в кресло повыше.

— Политики, они такие, — со знанием дела покивал я. — Плюнь.

— Уже, — ответила она, хотя по её виду я понял, что пока не очень-то ей и плюётся. Бросила взгляд куда-то за моё плечо, и выражение лица у неё сразу переменилось. Лукаво прищурившись, Осока сказала: — Кстати, вот идёт ещё одно исключение, подтверждающее правило. Рийо!

М-да, Осока явно решила любыми средствами свести меня с этой Чучи. Наверняка, договорилась встретиться с ней именно в этом месте. Иначе как объяснить появление Сенатора от Панторы возле гостевых стоянок, когда наверху имеются специальные площадки для важных персон? Пришлось с вежливой улыбкой обернуться. Панторанка направлялась к нам. По правде сказать, она

была красива, даже очень. Небесно-голубая кожа, яркие глаза невероятного золотистого оттенка, тонкие черты лица, и неважно, что не такие правильные, как, например, у твилек… Розовые волосы, как всегда, уложены в нечто замысловатое, с металлическими украшениями, цепочками и подвесками. Я всегда гадал, шиньоны это, как часто носит Падме, или всё-таки свои, и, если да, какой они длины? Приблизившись, Сенатор церемонно кивнула:

— Коммандер. Принц. Как удачно мы встретились.

— Всё благодаря Великой Силе, — не утерпел я.

— Вы не заняты сейчас, Сенатор? — игнорируя мою колкость, спросила Осока.

— Пожалуй, я смогу отложить дела на некоторое время, — панторанка оглянулась, сделала знак, и представительский спидер, опустившийся было на площадку, снова плавно взмыл в небо. — Есть на чём поехать?

— А как же! — у Осоки за крагой, похоже, имелся козырной туз, и не один. — Вон наш рыдван стоит.

— Что такое рыдван?

— Принц тебе объяснит.

Сенатор с любопытством посмотрела на меня, ожидая пояснений, но я решил промолчать. Сейчас всё сама увидит. Спидер, на котором летал Анакин Скайуокер, знавал лучшие времена: потускневшее покрытие, оббитые в многочисленных погонях углы корпуса, вмятины на крыше. За управление сел я, панторанка – рядом. Полноценных мест в салоне было два, но Осока, откинув половину кургузого детского сиденья сзади, устроилась боком.

— Нормально, — отмахнулась она на безмолвный вопрос подруги. — Когда Магистра Кеноби с собой берём, я всегда так езжу.

— Из серии «терпи, падаван, джедаем будешь»? — сострил я.

— Официально называется «стойко переносить тяготы и лишения», — сообщила Осока.

Выскользнув из-под сени гигантского гриба здания Сената, спидер легко пошёл ввысь на мощных репульсорах.

— Ну? — сказал я. — Командуйте, дамы.

— Предлагаю в «Пять нот», — Осока сразу взяла инициативу на себя. — Или в «Манускрипт».

— Монументальные интерьеры мне надоели, — покачала головой панторанка. — Две недели каждый день в библиотеке сидела. Отвезите нас в «Пять нот», принц.

— Как прикажете, Сенатор.

— Эй, двое, завязывайте с официозом! — нахмурилась Осока. — Вы ещё раскланивайтесь после каждой реплики. А я буду говорить «слово предоставляется».

— Рийо, не называйте меня принцем, — добавил я. — Терпеть не могу.

— О, простите, я хотела как лучше. Кузен королевы – значит, принц. Может быть, просто на «ты»?

— Да, так будет лучше, — кивнул я и сбросил ногу с педали ускорителя: — Да куда ж он лезет, всех расталкивает! Глаз нет – радар поставь, полудурок.

— Здесь, на Корусанте, ужасные водители, — поддержала панторанка. — Я пробовала летать сама, но перестала, слишком нервное занятие.

— Вы чересчур осторожничаете, что один, что другая, — заметила Осока. — Прямо как Оби-Ван.

— Зато ты чересчур рисковая. С тобой летать ещё страшнее, чем самой.

— Уж как умею.

Кэф под названием «Пять нот» располагался прямо напротив здания Столичной Оперы. Раньше этот театр считался самым престижным на Корусанте, сейчас он уступил первое место Галактической Опере, куда любил

ходить канцлер Палпатин, а следом за ним и все уважающие себя подхалимы. Интерьер заведения владелец оформил в театральном стиле: небольшая сцена, зал со столиками, чуть приподнятые отгороженные ложи в стенах. Одну из них мы и заняли. Сделав заказ, девицы тут же бросили меня, пообещав вернуться «через пару минут». Разумеется, отсутствовали они куда дольше, да я и не ожидал другого, привык уже. Оказалось, что ходили они не зря. Панторанка, наверное, не без помощи Осоки, сняла с волос украшения, распустила шиньоны и сплела вместо них две толстые косы, которые подколола навстречу друг другу в виде гирлянды. Ух, а волосы у неё на самом деле очень длинные, длиннее, чем у Падме. В зале играла тихая ненавязчивая музыка – то электронная, то записи настоящих оркестровых инструментов, она совершенно не мешала разговаривать. Мы и разговаривали, причём я пребывал в состоянии лёгкой растерянности. Рийо Чучи как будто убрала вместе с побрякушками в сумочку и своё сенаторство. Деловая? Да ни фига подобного! Нормальная общительная девушка. Может быть, понормальнее моих сокурсниц, которые через одну мнили о себе что-то галактическое, потому что предки у них состоятельные, а через одну считали себя неотразимыми. Она и Осока как будто сговорились и почти совсем не упоминали о своей работе, а вот меня насчёт университета расспрашивали активно, особенно панторанка. Ну, да, Осока-то была в курсе моих дел, как и я в курсе её храмовых заморочек.

Приятную беседу некстати прервал сигнал комлинка. Осока торопливо достала мини-проектор. Фигурка её собеседницы показалась мне знакомой, а уж когда прозвучало имя, я сразу вспомнил, кто это.

— Да, Баррисс? — сказала Осока. — Что-то случилось?

— Ох, да, случилось, — трагически вздохнула мириаланка. — У тебя ведь есть знакомый компьютерный

специалист? Я, по-видимому, библиотечный процессор угробила.

— Главный??

— Нет, в секции. Сначала его уронила…

— Неужели на пол? — тихо сказал я, адресуясь к Рийо. — Если раскололся, склеивать не буду, пусть даже не просят.

Огромные золотые глаза панторанки сделались ещё больше.

— Разве кристаллопроцессор можно склеить? — не поняла юмора она. Баррисс, между тем, продолжала рассказ:

— Попыталась поднять – не заводится. Пришла падаван Ситра… ой, извини, да, уже не падаван, решили платы потрогать, вдруг чего отошло, а он возьми и задымись.

— Ситра – это твилека, фиолетовая такая? — поинтересовался я.

— Ага, — кивнула Осока.

— О, звёзды! А больше там никого поблизости не было? Она в компьютерах понимает, как… сит в благотворительности.

— Поможешь? — тогрута просительно посмотрела на меня.

— Ладно уж. Скажи, пусть ничего не трогают, приеду – посмотрим.

Осока повторила мою фразу Баррисс, которая меня, естественно, видеть и слышать не могла, микрофон у комлинка направленный, как и камера.

— Поторопитесь, пожалуйста, — попросила она. — Если узнает Джокаста или Старший Инженер, нам конец.

— Летим, летим, — Осока прервала связь, посмотрела на Рийо: — Ну, что, мы слетаем в Храм, а потом заедем за тобой и – к Падме ужинать.

— А она меня приглашала? — удивилась та.

— Конечно! Я разве не сказала? Забыла, значит.

— Вообще-то, время у меня есть, — задумчиво произнесла Рийо. — Вот что, полечу я с вами.

— Правильно! — одобрил я. — В случае опасности отвлечёшь Джокасту умным разговором.

В «нижнем» ангаре Храма, расположенном не в одной из башен, а, так сказать, на чердаке зиккурата, дежурил падаван, мальчишка лет тринадцати, должно быть, недавно из юнлингов. При виде Рийо и меня он приосанился, напустил на себя солидный вид и поинтересовался:

— Чем могу быть полезен?

— Надо говорить «добрый день, госпожа Сенатор», — проворчала Осока, выбираясь с заднего сиденья.

— Откуда же я знаю, кто тут Сенатор? — пожал плечами пацан. — Спидер не представительский.

— Не стыдно, падаван Дюм? Вы ведь заучивали и лица, и имена, и кто с какой планеты. Для тренировки зрительной памяти. Уж я знаю, сама когда-то учила.

— Ну-у… Сенат мы ещё юнлингами проходили. Нам тогда столько давали, всё помнить – голова треснет.

— Никогда не знаешь, что может пригодиться, — развела руками Осока. — Тебе, видишь, понадобилось, а ты и не помнишь.

Парень ощутимо надулся:

— А вот нечего важничать! — обиженно сказал он. — Можно подумать, ты была круглой отличницей. И ничего.

— Что б ты понимал, Калеб… Всё, извини, мы спешим, у нас срочное дело.

— У тебя всегда срочное, даже когда учителю за пивом летишь, — под нос, но достаточно разборчиво буркнул нам вслед Калеб Дюм.

Я скосил глаза на Осоку. Она отмахнулась:

— Слушай его больше. За каким ещё пивом? У нас садовники и тут отличный эль… — она замолчала, сообразив, что сболтнула лишнего.

Длинными переходами верхнего этажа мы добрались до лифтов библиотечного крыла.

— Теперь поувереннее, — прошептала тогрута. — Вид должен быть важный настолько, будто мы идём выполнять поручение самого Винду. Слышишь, Алекс? Сделай умное лицо.

— Спасибо большое, приложила, — я слегка поклонился.

— Эноо… да я не то имела в виду!

— Забей. Что у джедая на уме, у его падавана на языке.

— Один-один. Хотя лично я не слышала, чтобы Небошлёп считал тебя глупцом.

— Не глупцом, зачем? Просто предметом мебели.

— Это тебе только так кажется. К тому же, я – не он. Ни разу.

Она посмотрела мне в глаза, и вся моя обида неожиданно куда-то улетучилась. Ну, как на неё такую можно дуться? Абсолютно никакой возможности.

Мириаланка Баррисс Оффи нервно нарезала круги вокруг библиотечного стола в Первой, исторической секции Великой Библиотеки Храма. Стол выглядел плачевно: прозрачные панели мониторов погашены, тумба с торца раскрыта, из неё торчат оптические платы. Возле лампы, вмонтированной в край стола, склонилась твилека по имени Рати Ситра с одной из плат в руках, похоже, она пыталась что-то разглядеть на просвет. Кончики лекк её непроизвольно шевелились, выдавая, что она нервничает.

— Здравствуйте, жертвы цивилизации! — поприветствовал я их. — Показывайте покойничка.

Откровенно говоря, Баррисс я недолюбливал. Её вечное желание быть правильнее прямой линии и святее Великого Магистра начинало раздражать в первые полчаса. И, когда дело случайно доходило до общения, я предпочитал поскорее давать дёру. Сегодня тоже, ни за

что бы не полетел, если бы просила она, а не Осока. Да Оффи и не стала бы просить меня, ниже её джедайского достоинства, как она сама его понимала. Вот и сейчас, посмотрев пронзительными сапфировыми глазами, она чуть ли не через губу произнесла:

— Здравствуйте. Простите, что пришлось побеспокоить.

— Ладно, ерунда, — отмахнулся я. — Всё равно, обед у нас уже кончился, а ужин ещё и не думал начинаться.

Рати, с которой я был немного знаком, протянула плату, сказала жалобно:

— Ничего не могу понять. Вроде, кристаллы нигде не мутные, а не работает. И откуда был дым?

— Дым-то? — я развернул плату в нужном ракурсе. — Вот отсюда. Вы их под питанием, что ли, вынимали?

— Да…

— Д… девушка! — насилу сдерживаясь, сказал я. — А Вы представляете мощность лазера накачки? Сместили плату – выжгли разъём. Это же Вам не стеллаж… — ради наглядности я шагнул к ближайшей полке, выдернул за извлекатель «кирпич» кристаллической памяти, вызвав одновременное «ах» тихого ужаса у Баррисс и Рийо. — Видите, здесь поляризационный затвор? Думаете, для красоты поставлен? Ни фига подобного, для возможности горячей замены.

— Плата – в утилизатор? — ухватила суть Осока.

— Точно. Сейчас поснимаем кристаллы, поставим в запасную…

— А у нас нет запасных, — развела руками Рати.

— То есть, как?

— Ну, так, считается же, что они не ломаются.

— Это хуже, — я потёр переносицу.

— Нет, возможно, что у инженеров и есть, наверняка даже. Но, если сказать им, сразу узнает Совет. На Дантуин не сошлют, но неприятностей не оберёшься.

— В принципе, одну или даже две платы я мог бы стащить в универе, — задумчиво сказал я. — Но это только завтра.

— Не годится, — откликнулась Баррисс. — Джокаста это безобразие обнаружит уже вечером.

— Алекс, — Осока подёргала меня за локоть. — В вестибюле есть отключённые за ненадобностью публичные терминалы. Оттуда разобрать нельзя?

— Там народ всё время.

— Ну, и что? Мы разве не джедаи? Не такие задачки решали!

— Здесь один существенный нюанс, — скептически заметила Баррисс. — Прохожие тоже будут преимущественно джедаями.

Однако, с нами пошла. А куда деваться?

Раньше, до войны, в Храме было куда больше джедаев, и посетителей было больше. Для удобства последних в гигантском вестибюле расставили на видных местах терминалы Голонета. Настроены они были, в основном, на навигацию внутри здания и поиск обитателей Храма, но при желании отсюда можно было залезть куда угодно, и бесплатно. Школьники с ближних подземных уровней часто пробирались сюда пошариться в Сети на халяву, а старшие юнлинги, выполняя распоряжение Совета, их периодически шугали. Сейчас большинство терминалов отключили за ненадобностью, консоли закрыли щитками, и мёртвые тумбы не покрылись пылью только стараниями уборочных дройдов. На наше, кстати, счастье. Иначе трудно было бы открыть их, не оставляя следов.

— Какой банк берём, джедайки? — спросил я.

— Вот тот!! — хором указали на один из дальних от нас терминалов Осока и Баррисс. Я всегда считал, что джедайской интуиции надо доверять, поэтому согласился сразу.

— Я отожму замок с помощью Силы, — говорила тогрута, пока мы пересекали вестибюль, — потом дождёмся, пока никто не смотрит, и ты быстро снимешь плату.

— Хорошо.

— Рийо, вы с Баррисс идите в проход на улицу, будто разговариваете, — продолжала Осока, — ты, Рати, в ту сторону, я буду сечь эту… Уй! — она молниеносным движением спряталась мне за спину.

— Что? — встревожился я.

— Засада… Видишь, кто идёт? Нет, левее.

— Магистр Кеноби? Хаттские приблуды… Так, а ну, исчезни, спрячься где-нибудь, беру его на себя.

Оби-Вана Кеноби я знал не первый день, благодаря Падме, естественно. Он часто бывал у моей кузины – то с Анакином и Осокой, то один, по делам Совета джедаев. Тогда Падме приглашала в гости других сенаторов, чаще всего Бэйла Органу, Гарма Бел Иблиса или каламарианку Мийну Тиллс. За обсуждениями они выпивали прорву кафа, а канцелярская машина потом жужжала весь вечер, очищая пачки листов флимсипласта от разных текстов, схем и чертежей. По-моему, из магистров Оби-Ван был самым нормальным и контактным, уж среди мужчин точно. И сейчас я решительно двинулся ему навстречу.

— Добрый вечер, юный друг мой, — улыбнулся в усы Магистр прежде, чем я сам успел поздороваться.

— Здравствуйте.

— Что привело Вас в Храм? Мы можем чем-то помочь?

— Всё в порядке, это у сенатора Чучи здесь какие-то дела, а я просто жду её. Но, вообще-то, если у Вас есть немного времени…

— Как раз есть. О чём Вы хотели поговорить?

А, действительно, о чём? Проклятье, тему надо было начать придумывать, как только мы его увидели!

— О тогрутах, — неожиданно для себя выпалил я. — Вы, наверное, знаете их особенности, отличия от людей. У Осоки как-то неловко спрашивать.

— Что ж, кое-что я могу рассказать, хотя лучше бы Вам расспросить мастера Секуру.

— Да? Ну, я, наверное, не смогу. Сказать по правде, при виде неё у меня отнимается язык, мозги и всё остальное. Она, должно быть, самая красивая женщина в Ордене.

— Хм, — Магистр погладил бородку. — Возможно, хотя я бы голосовал в этом плане за мастера Ундули.

Так, прогуливаясь по вестибюлю, мы поднялись на балкон. Обсудили красивых женщин в Ордене и Сенате, уж Оби-Ван в них разбирался: несмотря на бороду и солидный вид, он был далеко не стар. Потом Магистр вспомнил мой вопрос и много интересного рассказал про тогрут.

— Надеюсь, я удовлетворил Ваше любопытство, Алекс, — сказал он. — А сейчас простите, мне пора идти.

— Один крохотный вопрос, — торопливо произнёс я. — Она была ранена на Ондероне, ранение тяжёлое?

— Она? — лукаво прищурился Кеноби. — Понимаю. Средней тяжести, доктор Нима только утром сняла ей повязку. Последствий не будет, не волнуйтесь.

— Всё-таки, врёт, что царапина, — нахмурился я. Понимает он, скажите на милость! Я сам-то ещё толком не понимаю…

— Врёт-врёт, — покивал Кеноби с усмешкой. — Она неисправимая оптимистка, делайте на это поправку. Всего доброго.

— И Вам, Магистр.

Кеноби удалился в направлении лифтов, а я направился обратно к лестнице. Где и столкнулся с Осокой и Рати.

— Ну? И кто кому зубы заговаривал, ты ему или он тебе? — ехидно осведомилась тогрута.

— Зря ты, это был высший пилотаж, — вступилась за меня твилека.

— Во всяком случае, опасность миновала, можем заняться терминалом, — сказал я.

— Хватился! Пока вы с Магистром обсуждали красоток, пришлось всё делать самой, — фыркнула Осока, похлопав по свёртку подмышкой. — Вынула две штуки, в запас. А, кстати, если говорить только о внешности, то Айла – лучше.

— Ничего больше не буду тебе рассказывать, болтушка, — сердито заметила Рати.

— Ой, забей, мы с Алексом старые друзья и привыкли говорить всё открыто и прямо, да, Алекс?

Я промолчал. Вообще-то, не такой уж я и старый.

В библиотеке с помощью съёмника я быстренько выковырнул один за другим информационные кристаллы из горелой рамки, вставил в новую. Управляющий чип решил не трогать. Платы, всё же, слегка отличались, и всегда существовала вероятность, что не подойдёт. Будем надеяться, и «родной» в порядке. Так оно и оказалось. Как только я вставил плату на место и подал питание, на мониторе сверху засветилась радужная полоса, переливающаяся слева направо, ниже побежали цифры проверяемой «короткой» памяти, затем высветилась табличка с данными: слот – плата – характеристики.

— Тест прошёл, машина исправна, — констатировал я.

— Получается, я и не виновата, что она сломалась? — спросила Баррисс.

— Посмотрим, когда загрузится.

— Нет, всё равно не стартует, — сказала Рати. — Видите? «Несистемный носитель. Вставьте…»

— Зиост и все ситы галактики!! — прорычал я. — Кристалл – из разъёма – при загрузке!! Чей??

— Мой, — обречённо вздохнула Баррисс. — Всё-таки, из-за меня.

— Посыпать головы пеплом не будем, они у нас недавно мытые, — пошутил я. — Главное, всё заработало.

— Спасибо Вам, большое, Алекс! — Рати схватила мою руку обеими своими, проникновенно заглянула в глаза. — Я у Вас в долгу, с любым вопросом, в любое время…

— Мастер Ситра… — молвила Осока, причём, слово «мастер» у неё прозвучало как-то напряжённо.

— Чего?

— Того самого, — Осока решительно оттёрла от меня твилеку.

— Да я ничего…

— Вот и отлично! Алекс уже понял, что твоя доброта не будет иметь границ в пределах разумного.

— Главное, — начал я, — что никто ничего...

Продолжение прилипло у меня к нёбу. На отремонтированном терминале в служебном окне высветилось сообщение:

Красавцы. Поугорал от души.
Всем спасибо, все свободны.
Старший инженер

— Всё, — упавшим голосом сказала Рати, прочитав текст. — Теперь точно Дантуин. Если не Сельхозкорпус.

— А я думаю, никому ничего не будет, — беспечно отозвалась Осока. — Ровным счётом ничего.

— Это почему это? — удивилась Баррисс.

— Если бы мы чинили сами, нагорело бы, к гадалке не ходи. А мы привели специалиста, Старший инженер не будет подставлять Алекса.

— Типа ворон ворону глаз не выклюет? — блеснула знанием фольклора Баррисс.

— Дипломатичность и умение расположить к себе собеседника, — заметил я, — всегда были сильной стороной Ордена джедаев. Ладно, дамы, кто как, а меня ждут к ужину.

— Нас тоже, — подхватила Осока.

На сей раз, за руль я пустил её, взяв слово, что она нас не угробит, а сзади сел сам. Между прочим, там вполне сносно можно устроиться.

— Мне показалось, или Баррисс сегодня опять сильно не в духе? — спросила подругу Рийо. — У неё ещё какие-то неприятности?

— Ты её просто редко видишь, она по жизни такая, — отмахнулась Осока. — Необщительная.

— Ну, может быть. Вообще, мне показалось, она до жути боится, что её накажут за поломанный рехен.

— За свою безупречную репутацию она боялась, — поправил я. — Великолепная Оффи сломала компьютер! Конфуз, скандал!

— Как в Сенате прямо. Я думала, уж в Ордене иначе.

— У нас тоже по-всякому, — сказала Осока. — У каждого джедая свои пауканы в мозгу.

— И у тебя? — улыбнулся я.

— Вот такенные, — она показала, какие.

Видимо, решив подкрепить сказанное, Осока припарковала спидер не к веранде апартаментов, как все разумные существа, а положила его бортом на балюстраду балкончика гостиной и предложила нам высаживаться. Затем выпрыгнула сама и щелчком брелока отправила машину вниз, на стоянку.

— Копия… — вздохнула Падме, наблюдая этот цирк.

— А что сразу я-то? — вскинулся Анакин. — Это было давно… и нечасто.

Ужин проходил в тёплой и дружеской обстановке. Особенно с того момента, как я заявил, что мы, наверное, пойдём «на свежий воздух», то есть, на веранду, расположенную этажом ниже. Забрав основную часть из того, что Падме выставила на стол «на похрустеть», и переносного «алхимика», я, Осока и Рийо спустились по изогнутой мраморной лестнице. Над Корусантом опускался

вечер, небо было затянуто длинными языками облаков, и светило пробивалось среди них урывками, никакой тебе красоты, никакой романтики. Автомат освещения был включён, и, едва Рийо первой вышла под высокий свод веранды, на спинках-балюстрадах полукольцевых диванов зажглись молочным светом сплюснутые светильники. Вообще, веранда мне не очень нравилась, во всяком случае, меньше, чем верхний этаж. Слишком уж помпезно, как в музее или во дворце. Колонны, лесенки, драпировки в старинном стиле, мраморный пол – в общем, недомашнее такое место. Падме, кажется, было всё равно, к дворцовым интерьерам она привыкла больше.

— Красиво, — сказала Рийо. — Здесь я ещё не бывала.

— Даже слишком красиво, — отозвалась Осока. Смотри-ка, а насчёт убранства она того же мнения, что и я.

Как и в «Пяти нотах», Осока старалась, чтобы я и Рийо общались поактивнее. Ну, сейчас и усилий для этого прикладывать было не надо: ни я, ни она не тяготились обществом друг друга и разговаривали, как давние знакомые. Вообще, на поверку панторанка оказалась очень приятной девушкой, когда вела себя свободно и непринуждённо. Она, оказывается, и улыбаться умела, и остроумием блистала, ну, а про внешность и говорить нечего. Я даже спросил, полушутя, полусерьёзно:

— Слушай, а ты точно Сенатор, или только двойник этой Герцогини Вьюг?

— Сейчас я – просто я, — засмеялась она. — А что, я слишком строго держусь обычно? Разве твоя кузина не так же себя ведёт? На работе одно, без работы другое.

— Как тебе сказать… Обычно ты такая, ну, максимально собранная, что ли.

— Будто в спину спицу вставили, — подсказала Осока. — Я давно это говорю.

— Да, что-то вроде, — сказал я. — Падме только королевой такая была, сейчас она стала как-то попроще и пораскованнее.

— Наверное, у меня это вот всё, — Рийо на секунду распрямила спину, развернула плечи, показывая, что именно, — от привычки казаться старше и серьёзнее. Я поначалу так боялась, что меня не будут воспринимать как равную, и очень старалась. На самом деле, это вовсе не означает «не подходите ко мне, я занята».

— У Падме ещё как означало, поэтому я немного не понял.

Осока была очень рада, что мы нашли общий язык, это было видно. Но чувствовал я и другое: тогрута сидит как на иголках, дожидаясь удобного момента оставить нас наедине. А вот этого-то, как раз, мне по определённым причинам не хотелось совершенно. И, когда в коридоре нижнего этажа послышались шаги, даже обрадовался. Это был один из охранников, звали его Вейз Тентат. Раньше он служил в штурмовой роте, гонял в космосе контрабандистов, а полгода назад, после баротравмы лёгких, заработанной во время абордажа, перешёл в подразделение охраны. Тентат был немного бесцеремонным, как любой бывалый вояка. Когда надо по службе, совал свой длинный нос с горбиной в любое помещение. Свободно разговаривал с «охраняемой персоной», чего не осмеливался делать больше никто из охранников, кроме самого капитана Тайфо. Вот и сейчас, окинув взглядом веранду, он без особого смущения буркнул:

— Простите. А я запах почувствовал, подумал, не горит ли что…

В самом деле, издали, на грани чувствительности, аромат даже очень хорошего кафа запросто можно спутать с запахом дыма.

— Проходите, Вейз, — сказал я. — Вам налить?

— Если каф – да, а если что другое, то я на службе.

— Каф. Присаживайтесь, — Осока выудила из поддона «алхимика» дополнительную чашку, нажала сенсоры на панели управления. Ароматный напиток полился в чашку интеллигентной тонкой струйкой.

— Хорошо… — с наслаждением протянул Тентат, потянув носом. Отхлебнул. Продолжил: — Вот у нас на базе Пятого полка был случай…

Я спрятал улыбку. Вечер солдатских баек можно считать открытым. Если Осока в компании о своих заданиях не рассказывала никогда, Вейз «героического прошлого» не стеснялся, а ещё – хорошо знал, где и сколько можно приврать. Пару его историй я успел послушать в разных вариантах: при мне и бойцах он рассказывал одно, а для помощниц Падме, у которых нет технического образования, навешал таких чудес и ненаучной фантастики, что я решил не выходить и тихонько ретировался. Зачем портить сказку? Элли и Мотэ слушали с таким выражением лиц… И пусть мне только кто-нибудь скажет, что привирать нехорошо!

— Капрал! Вы опять? — раздался от входа сердитый голос Дорме, главной помощницы сенатора Амидалы. Её приближения не уловил никто из нас, каким-то образом эта женщина умела ходить абсолютно беззвучно, даже на высоченных каблуках.

— Добрый вечер, Дорме, — улыбнулась Рийо, привстав.

— О, Сенатор… — стушевалась та. — Извините, я не знала, что Вы здесь.

Дорме хотела удалиться, но я догнал её и предложил:

— Не уходи, посиди с нами. Падме ты сейчас точно не понадобишься, гарантирую. Так стоит ли торчать в приёмной?

— Сенатор меня не отпускала, — возразила девушка.

— Правильно, вот и побудь с гостями. Тем более, Рийо, то есть, сенатор Чучи, ещё не слышала, как божественно ты поёшь романсы.

Помощница слегка смутилась, тем не менее, было заметно, что она польщена. Несмотря на то, что Дорме в детстве училась музыке, своё пение она упорно считала любительским, хотя все хором заявляли, что голос у неё великолепный, и на любой планете, где популярны менестрели, она легко могла бы сделать карьеру. Я уж не говорю о владении инструментом. Кветарра, вроде бы, штука несложная, а и на ней некоторые исполняют мелодии настолько замысловатые, на синтезаторе не всякий повторит. Дорме была именно из тех, кто это умеет. Не то, что я, например: никогда и нигде не учился, знал только то, что пацаны в школе показывали, трень да брень, и вся музыка.

— Хорошо, посижу с вами, — согласилась Дорме. — Только за кветаррой схожу.

Романсами в тот вечер дело не ограничилось. Вейз Тентат, послушав немного, спросил Дорме, не знает ли она другие, военные песни. Оказалось, что некоторые – знала. А пару тех, которые были ей неизвестны, Вейз предложил подобрать «на месте». Его нисколько не смущало, что слух и голос у него, как у любого, кому в детстве вампа на ухо наступил. Тем интереснее было слушать потом те же мотивы в виртуозном исполнении Дорме.

— Эх, слышали бы это ребята из моей четвёрки, — вздохнул Тентат. — Годрик Латума, Квен Ипорри, Ледран Анч…

— Мы можем отправить им запись, — предложила Дорме.

— Латума совершенно оглох после того абордажа, — печально ответил капрал. — А туда, где теперь Ипорри и Анч, письма не дойдут.

— Прости, я не знала.

— Пустое. У десанта ведь как: прошло без потерь – чудо, невредимым вернулся – удача, а всё остальное – судьба.

Рийо встряхнула особым образом левую руку, и индикатор её комлинка высветил точное время.

— О, — сказала она. — Думаю, мне пора. Осока, тебя подвезти?

— Да я сама доберусь, — отмахнулась та. — Тебе ведь в другую сторону.

— То есть, поедешь на «магнитке»? — Рийо нахмурилась. — В такое время? Как видно, тебе неймётся подраться. День без потасовки – зря потраченное время?

— Ну, что ты сразу так? — Осока покосилась на меня и с неудовольствием добавила: — Далеко не всякая поездка на «магнитке» поздно вечером кончается дракой. Только если кого-то грабят или насилуют…

— А это происходит ежедневно.

— Уговорила. Но, чур, не прямо в ангар. Высадишь меня на краю площади.

— Другое дело! Алекс, а тебя подвезти?

— О, нет, вот Алекса, как раз, не надо, — ответила за меня Осока.

— Я живу здесь рядом, — объяснил я.

— В этом квартале? — уточнила Рийо.

— Нет, прямо на этом этаже, — улыбнулась Осока.

— Падме выделила для меня неиспользуемое помещение, — сказал я.

— Можно посмотреть? — попросила панторанка.

— Да, прошу, проходите.

Колоннада центрального прохода начиналась глухими проёмами с тяжёлыми портьерами в них. В следующем проёме слева находилась дверь, правый – опять-таки скрывался за портьерой. Посетители не знали, что точно такая же дверь есть и здесь.

— На той стороне всё симметрично, — пояснила подруге Осока, — так что, можешь догадаться о планировке.

— А я там не бывала, — пожала плечами Рийо.

— В кабинете сенатора Амидалы не бывала?

— Нет. Мы как-то всегда видимся наверху.

— Тогда смотри. Эта комната, где у Алекса стол и рехен, соответствует приёмной. Дальше – кривой тамбур и спальня. Прямо под спальней Падме. На той стороне в такой же ротонде расположен официальный кабинет.

— Неплохо, — улыбнулась Рийо. — Довольно просторные личные апартаменты. А куда ведёт вот эта дверь?

— А вот, — я коснулся пульта. — Здесь шкафы для одежды и санузел, тоже как у Падме. А эта лестница – выход. Спускается на этаж ниже, в коридор к запасному турболифту.

— Он расположен в трубе под верандой, туда есть выходы из каждой квартиры любого этажа, — подсказала Осока.

— Так у Сенатора в кабинете тоже есть такой чёрный ход? — спросила Рийо.

— Да. И она просит об этом не распространяться.

— Ну, разумеется, — кивнула панторанка. — Посторонним об этом знать незачем.

Ни Дорме, ни Тентата на веранде уже не было. Зато у «тарелки» внешней части, той, что и опиралась на трубу запасного лифта, упомянутого Осокой, висел спидер представительства Панторы, и водитель выжидательно смотрел на нас.

— Забирайся, — велела Рийо Осоке.

— Пока, Алекс, — сказала та и нырнула внутрь.

— До свидания, Алекс, — улыбнулась Рийо. — До скорого, надеюсь.

— Ну, конечно. В любое время, когда будешь свободна, — совершенно искренне ответил я. Права была Осока, с Рийо очень приятно общаться, и, в отличие от Баррисс, я вовсе не возражал против дружеских отношений с ней. Возможно, получилось бы и что-то

большее… если бы мне не нравилась другая. Другая… Провожая взглядам спидер, исчезающий в мириадах ночных огней Корусанта, я вздохнул. И поплёлся в свои «личные апартаменты» спать.

На следующий день, приехав из университета, я по индикатору на панели домофона обнаружил, что Падме дома, и пошёл её искать. Далеко идти не пришлось, она сидела на кольцевом диване веранды и работала. Вернее, пыталась. Увидев выражение глаз кузины, я с ходу спросил:

— Опять посрались?

— Грубый ты, — вздохнула Падме, видно было, что на полноценную выволочку сил у неё нет.

— Зато точный. Извини, не политик, реверансам не обучен. Из-за чего на этот раз?

— Он меня не понимает, он… И так ему говорю, и эдак, а он своё гнёт, будто не слышит!

— Странно это. Почему мне ты объясняешь, и я понимаю?

— Ты брат.

— А он м… — увидев, как сверкнули её глаза, я прикусил язык: про «мужа» на открытой всем ветрам – и любой прослушке – веранде упоминать было опрометчиво. Вывернулся: — м…ежду прочим, твой парень.

— Ну, вот не получается! — она взмахнула руками так, что несколько листов флимсипласта спланировали на полированный мрамор пола. — Что мне делать, братишка?

— Не знаю, — вздохнул я, собирая рассыпанное. — Если уж ты ничего придумать не можешь, что я-то? Я его и не знаю почти.

Повисла тяжёлая пауза. Руки Падме машинально подравнивали стопку листов на столике, глаза смотрели куда-то мимо. Ненавижу такие моменты! Хочется её утешить, подсказать, а что подсказать-то, когда я сам ни хатта не понимал? В их отношениях вообще мандалор шлем потеряет… Потянув за гриф, я извлёк из-за дивана

забытую вчера кветарру Дорме, тронул струны, пытаясь извлечь нечто музыкальное. Брякнул, не придумав ничего умнее:

— Может, вам времени больше нужно? Вы ж видитесь урывками, не успеваете друг к другу привыкнуть.

— Да ведь некогда, — страдальчески сдвинув брови домиком, чуть ли не простонала Падме. — Он всё время в разлётах, а я здесь привязана. Проклятая война! Нет, наверно, ты прав. Надо проявить больше терпения…

— Конечно, — поддакнул я. — Не хватало ещё рассориться из-за фигни. Такие парни на дороге не валяются.

— Считаешь? — заинтересованно поглядела на меня она.

— А как же. Джедай, генерал, национальный герой, мастер-наставник…

— Да, он такой, — кивнула Падме с гордостью. Иронии она, похоже, не уловила. И я, не утерпев, словно меня хатт за заднюю ногу дёргал, тихонько запел:

Ой, гуляет в поле диалектика -
Сколько душ невинных загубила!
Полюби, Марусенька, электрика,
Пока его током не убило.

Полюби ж ты, сизая голу́бица,
Полюби, сиза́я голуби́ца.
У него такие плоскогубицы,
Ими можно даже застрелиться.

Полюби и ты, пока здоровая,
Полюби в беретике из фетра!
У него отвёртка полметровая
И проводки десять тысяч метров.

И когда своей походкой быстрою
Он к щиту с отвёрткой подбегает,
Он в нём так работает неистово,
Что весь щит шкворчит и полыхает.

Ой, гуляет в поле диалектика -
Сколько душ невинных загубила!
Полюби, Марусенька, электрика,
Пока его током не убило.[1]

Шутка была опасной, даже очень, я рисковал реально получить по башке, поэтому не смотрел на сестру. А когда поднял взгляд, её прекрасные глаза были полны слёз. Сенатор Амидала давилась от смеха.

— Где ты… выкапываешь… ха-ха-ха-ха!... это народное творчество?? — едва выговорила она.

— Да так, третьего дня в поезде «магнитки» слышал, — я пожал плечами.

— Вот не поверю! Там всё больше про Канцлера поют, и нецензурные. На факультете, наверное?

— Ничего не знаю, никого не сдам, — сделал я морду ящиком.

— Прямо подпольщик на допросе. Ты ел сегодня?

— Сегодня – нет.

— Идём, покормлю тебя.

— А сама?

— Я не хочу.

— Так! — строго сказал я. — Голодовку объявить?

— Хорошо-хорошо, я тоже поем. Шантажист. Кому из нас интересно, поручено за кем приглядывать?

Я видел, что ворчит она так, для порядка, настроение у неё явно улучшилось, чему я был очень рад. Падме

[1] Стихи Виктора Байрака

Наберри Амидала могла быть трижды королевой, четырежды сенатором и хоть десять раз замужем, но она моя сестра, и ради того, чтобы она не грустила, я был готов расшибиться в лепёшку.

— Одно обидно, — сказала Падме за обедом, задумчиво разглядывая наколотый на вилку кусочек гарнира, — я для Анакина освободила целый вечер, а теперь он пропадёт.

— То есть, как это пропадёт?? — возмутился я. — Ничего пропадать не должно. Например, сегодня тебя поведут гулять.

— Кто?

— Я. Не всё же тебе меня таскать по театрам, музеям и прочим злачным местам такого рода.

Отдав грязную посуду сервисному дройду, Падме направилась в комнату за спальней. Открыла обе секции своего «некуда вешать» и принялась перебирать свои «нечего надеть». Зная, что процесс это небыстрый, я плюхнулся на кровать кузины, свесив на пол только ноги, и наблюдал за ней через открытую дверь.

— С какой это стати ты здесь разлёгся? — покосилась на меня кузина.

— Мне можно.

— Нахалёнок. И ведь знает, что действительно можно, — беззлобно проворчала Падме. — Скажи лучше, как мне одеваться? Драка запланирована? По трубам лазить будем? На нижние уровни пойдём?

— Не будем. Не пойдём, — почти по порядку заданных вопросов ответил я. — А насчёт драки… бластер я возьму обязательно.

— Экий ты воинственный.

Я пощёлкал языком:

— Ох-ох, кто бы говорил.

— Но-но, — погрозила пальцем кузина, — я убеждённая пацифистка!

— Спорить не стану… — я сделал театральную паузу и добавил: — …боюсь получить по шее.

— Ах, вот так вот?

— Ну, да, как-то так.

— Ты невозможен.

— Родственников не выбирают, — вздохнул я.

— Вот-вот, — вставила она.

— Мне, например, досталась сестра-политик, — закончил я мысль, глядя на неё самым невинным взглядом, на какой был способен. Падме засмеялась. Это она приучила меня к таким словесным пикировкам, а теперь ребята в универе удивлялись, как я умудряюсь влёт реагировать на любую подколку и не лезу за словом в карман. А если и лезу, то не в свой.

— Надумала что-нибудь? — поинтересовался я.

— Пока нет. Мы ведь никуда не спешим?

— Абсолютно. Пока ты собираешься, я отдохну немного.

Некоторое время Падме продолжала перебирать одежду, потом обернулась ко мне. В руках её было что-то жёлто-оранжевое. Костюм фрейлины? Вот уж чего я не ожидал увидеть здесь, спустя столько лет.

— Помнишь? — спросила она с улыбкой.

Ещё бы мне не помнить! Когда мою кузину избрали королевой, мне не исполнилось и восьми. Мы с ней неплохо ладили, хотя наши отношения тогда трудно было назвать дружбой, слишком большой казалась разница в возрасте. Я её просто обожал, такую взрослую и красивую. Падме глядела на меня чуточку свысока, иногда бывала строгой, а то и прогоняла: мол, иди, поиграй, мешаешь. Но и заботилась, помогала делать уроки и нередко покрывала мои шалости. Про свои проделки лучше было рассказать ей, чем маме или тёте Джобель: ругаться, конечно, будет, но не так сильно, а потом пожалеет и посоветует, как выкручиваться. После коронации Падме оказалась, считай,

взаперти во дворце Тиида. Правила набуанского королевского двора – одни из самых строгих в Галактике, и не делают послаблений никому. Встречи с родными планировались у Её Величества так же, как любые другие аудиенции. Придёшь в неположенное время – от ворот поворот, «королева занята» или «королеве нужно отдохнуть». Хорошо, что министры и придворные не знали о припрятанном в спальне комлинке! По вечерам, накрывшись одеялом, Падме принималась звонить: то одной из подруг, то старшей сестре Соле. Не забывала и меня. Вообще, после того, как во время блокады Торговой Федерации мы с одноклассником Ксиром, стащив пару шокеров и наделав магниевых петард, отправились освобождать сестрицу Падме из плена дройдов, она, кажется, начала воспринимать меня всерьёз. И не беда, что поймавший нас дядя Руви тогда собственноручно выпорол и меня, и Ксира… Время шло, прежние подруги королевы одна за другой постепенно исчезли с горизонта, зато я получил возможность слышать Падме почти каждый вечер. Она делилась дворцовыми новостями, я рассказывал про дом и школу и чувствовал, что кузина слушает не из вежливости, ей действительно интересно. Поэтому и сам старался вникать в её проблемы. Наверное, именно тогда мы начали дружить по-настоящему. На празднованиях, посвящённых избранию на второй четырёхлетний срок, королева Амидала принимала поздравления делегаций, и почти никто не знал, что на троне в пышном монаршьем одеянии восседает её помощница Сабе. Сама Падме, в платье фрейлины, неузнанная, спокойно ходила по тронному залу, разговаривала с родственниками. В какой-то момент она отвела меня в сторонку и, хитро глядя своими выразительными тёмными глазами, сказала:

— Брат, хочешь приходить ко мне во дворец в любое время? Мы с девчонками придумали, как это устроить!

Идея оказалась простой, как всё гениальное. Фрейлин королевы специально подбирали так, чтобы они были одного типа с Падме. Одинаковые платья, ровный бледный тон грима на лицах, одинаково накрашенные губы, капюшоны, бросающие тень на глаза, делали их почти неотличимыми друг от дружки. Именно поэтому Падме так легко могла меняться с ними местами. Но ведь я тоже был довольно сильно похож на кузину! А к двенадцати годам почти догнал её по росту. Вот они и решили переодеть меня в одну из них. От предложения нарядиться девчонкой я слегка растерялся, хотел даже возмутиться, но желание чаще видеть кузину перевесило. На следующий день две фрейлины – Эритаэ и Яна – провели меня потайным подземным ходом в подвал дворца, помогли переодеться, и дальше мы шли, уже не скрываясь. Всё получилось как нельзя лучше, внутренняя охрана ничего не заподозрила. Падме, увидев меня, рассмеялась и сказала, что я очень милый.

Вот так я начал бывать во дворце чуть ли не каждый день, с обеда до ужина. Пока кузина в сопровождении двух помощниц занималась государственными делами, две другие обучали меня, как правильно ходить, сидеть, держать руки, разговаривать. Сабе, похожая на Падме, пожалуй, даже больше, чем я или Сола, объясняла, какие обороты речи нужно употреблять, с какими интонациями говорить, чтобы сойти за девчонку в любой компании. Беленькая Эритаэ, самая начитанная из фрейлин, рассказывала про дворцовый протокол, заставляла заучивать правила проведения различных церемоний, приёмов, аудиенций… Понемногу я сам начал участвовать во всех этих ритуалах, сопровождал Падме, как настоящая фрейлина, даже помогал облачаться в сложные и громоздкие церемониальные одеяния и снимать их после мероприятий – самостоятельно с этим справиться было невозможно, особенно с так называемыми «коронами» – кошмарными

конструкциями из накладных волос и поддерживающей проволоки. Кузина подобрала мне парик, чтобы я мог надевать костюмы, где нет ни капюшона, ни покрывала на голову. В этих случаях все мы делали абсолютно одинаковые причёски и очень ярко, жирно подводили глаза, что здорово мешало нас различить, а Эритаэ тоже прятала светлые волосы под чёрный парик. Я научился уверенно чувствовать себя в туфлях на толстой подошве и высоких каблуках, положенных к некоторым нарядам. В свободное время – его у королевы Амидалы было на самом деле несколько больше, чем старались представить придворные – мы валялись на диванах, с визгом носились друг за дружкой по коридору или убегали в парк подышать свежим воздухом. Фрейлины относились ко мне замечательно. Ещё бы, благодаря мне у каждой из них появилась лишняя половина свободного дня в неделю: Падме специально их отпускала, чтобы не бросалась в глаза, что девушек в её свите стало шесть. Если бы эти чёрствые создания не заставляли меня там же, во дворце, учить уроки, было бы совсем хорошо.

Родственники не сразу, но обратили внимание на мои постоянные отлучки. Однажды вечером мама и тётя Бель с пристрастием поинтересовались, где я всё время пропадаю. Я пробовал уйти от ответа, да где там! Никакие доводы, что ничего дурного я не делаю, и что это не мой секрет, не помогли. Пришлось сказать правду:

— На самом деле, я помогаю Падме. Во дворце.

— Надо же! — ехидно умилилась тётя.

— Ничего более правдоподобного не мог придумать? — подхватила мама. — В общем, завтра из школы – домой! Проверю.

Конечно, я тут же рассказал обо всём Падме, по комлинку.

— Ах, вот как? — нахмурилась она. — Ладно же. Завтра сбежишь с последнего урока и придёшь пораньше.

— А мама?

— Мамам, обеим, будет не до тебя. Прилетит посол Мириала, и они приглашены на вручение верительных грамот, хотя пока об этом и не знают, — кузина лукаво подмигнула. — Устроим им театр!

Церемония вручения верительных грамот не особенно длинная, во всяком случае – для самой королевы. Послы и гости прибывают в зал заблаговременно, первые – через главные двери зала, вторые – через боковую, и ждут назначенного времени. Королева выходит к ним с противоположной стороны, принимает грамоты, затем дипломатов угощают традиционным бокалом вина. Всё так и произошло, после чего к моим родителям, дяде Руви и тёте Джобель подошла одна из фрейлин и писклявым голоском сообщила, что их желает видеть Её Величество. Было очень весело наблюдать, как в малой приёмной мнимая фрейлина сняла с головы капюшон и оказалась самой Падме. А королева спросила голосом, хорошо знакомым всем присутствующим:

— Ну, как, сестра, я нормально справился?

— Идеально, — похвалила Падме, пока остальные родственники пытались подобрать с пола отвалившиеся челюсти.

В общем, снимать королевскую «сбрую» в тот раз мне помогли мама и тётя. Затем был банкет, где Падме выступала в роли самой себя, а я – одной из фрейлин. Я очень старался, и этот импровизированный экзамен сдал на «отлично». Больше мне никто из родных не запрещал ходить во дворец к кузине, при условии, что учиться я буду не хуже, чем раньше. Фрейлины вскоре окончательно записали меня в младшие подружки и лишь время от времени спохватывались, что я, вообще-то, парень. Пару раз, когда официальные визиты королевы совпадали с моими каникулами, Падме брала с собой и меня. Так продолжалось два с лишним года. До тех пор, пока я не

перерос сестрицу и её фрейлин настолько, что замаскировать это за счёт разницы в каблуках стало трудно. Помню, как жутко я тогда злился на свой организм – не мог подождать расти ещё годик! Но, оказывается, у Падме на этот счёт существовал собственный план действий. Однажды она пригласила к себе губернатора, руководителя дворцового протокола и начальника охраны и раскрыла перед ними моё инкогнито. Выждав, пока все трое придут в себя, кузина очень вежливо попросила их помочь. Губернатор Библ и шеф протокола Дантай выразительно, я бы даже сказал, нецензурно, посмотрели на капитана Панаку – куда ж ты смотрел, хаттов ты сторож… Затем Библ тяжело вздохнул и сказал, что, с учётом моей осведомлённости в дворцовых делах и необходимости Её Величеству заниматься моим воспитанием, не видит причин запрещать мне доступ во дворец. Чопорная Азура Дантай воздела глаза к потолку, тем не менее, тоже не стала спорить. Впрочем, позволять мне находиться во дворце без «надлежащего контроля» она не собиралась. Это выяснилось с первых же дней, как я начал приходить к Падме, не маскируясь под фрейлину. Госпожа Дантай была со мной очень вежлива, почти ласкова… и постоянно делала замечания. Дескать, я веду себя «неподобающим образом», когда запросто общаюсь с фрейлинами, или отвлекаю кузину от дел. Похоже, то, что за прошедшие два года я ни разу не прокололся, она считала не моей заслугой, а… не знаю, случайностью, что ли. Или результатом постоянной опеки других фрейлин. Ну, я-то её уже достаточно изучил и при каждом удобном случае старался показать, как хорошо знаю обычаи и протокол. В конце концов, «старуха», как звала эту солидную, но совсем не старую, на мой взгляд, женщину ехидная Эритаэ, всё же вынуждена была признать, что никому-то я не мешаю. И оставила меня в покое.

По окончании королевского правления Падме как-то очень быстро была назначена сенатским представителем при Хорасе Вансиле, а затем, мы и глазом моргнуть не успели – избрана Сенатором на его место. Жила она, в основном, на Корусанте, на Набу прилетала редко, и я опять виделся с ней, в основном, через проектор комлинка. Кузина постоянно повторяла мне: учись, учись, учись. А я что делал? В старшей школе, если хочешь потом получить нормальное образование, особенно бездельничать некогда. Конечно, я скучал. И обижался, когда Падме вместо того, чтобы поговорить просто, присылала мне какие-то тесты, задания, просила решить. Глубокий стратегический замысел сестры я понял только в выпускном классе, когда однажды, решив очередную кипу задач, услышал от Падме, что это, вообще-то, предварительные испытания Корусантского университета, и я их только что успешно сдал.

Сейчас, глядя на просторное платье с капюшоном и переходом от густо-оранжевого цвета вверху к почти золотистому у подола, в котором Падме изображала собственную фрейлину, я сразу вспомнил нашу первую официальную церемонию. Сабе в роли королевы, Эритаэ и Яна слева от неё, Падме и я – справа, Саче – возле входных дверей. Тогда мне было немного страшновато, э, да что там, я отчаянно дрейфил и незаметно сжимал под широким рукавом надёжную руку сестры.

— Вот не думал, что ты его сюда привезёшь, — сказал я. — Зачем оно тебе?

— Просто как память. Я его ещё во время блокады носила.

— Ах, так это другое, самое первое? В котором ты с Анакином познакомилась?

— Не совсем. То есть, Анакин меня в нём видел, конечно, но, когда мы первый раз пришли в мастерскую Уотто, на мне был другой костюм. А в этом платье я познакомилась с другим мужчиной.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтригованный, я даже привстал.

— С Джа Джа Бинксом, — засмеялась она.

— Ох. Я-то думал… — я снова откинулся на кровати.

— А-а, согласись, я тебя всё-таки подловила! — донельзя довольная Падме снова сложила оранжевое платье и убрала в шкаф. — Так. Знаю, что мне надеть.

— Твоему Величеству помочь? — с готовностью предложил я.

— Валяйся пока, сама справлюсь.

Наряд, выбранный Падме, был достаточно простым и, в то же время, эффектным. Бледно-сиреневая блуза с широкими рукавами, такого же цвета тоненькие облегающие брючки, а поверх этого – свинцового цвета куртка без рукавов, но с капюшоном, и длинная юбка нараспашку. Волосы Падме заплела в простую косу, позвала меня:

— Закрути, пожалуйста, в спираль вот здесь. Нет, повыше.

Делать кузине сложные причёски самостоятельно мне не доводилось, но Сабе и Эритаэ я помогал часто. Поэтому я справился аккуратно и быстро: уложил косу, закрепил её шпильками. Придирчиво оглядев себя в зеркале, Падме кивнула: всё нормально.

— Сам-то ты так вот в этом и пойдёшь? — спросила она.

— Нет, конечно. Пока ты красишься, пойду, переоденусь.

— Можно подумать, мне столько краситься!

— Так и мне не столько одеваться.

— Нахал, — второй раз за этот вечер сказала Падме.

Из моей квартиры мы спустились ещё на один этаж, в тесный глухой коридорчик, освещённый резким чуть зеленоватым светом диодных ламп. Сюда выходили три двери – моя, с лестницы кабинета сенатора и из апартаментов этого этажа. На предыдущих, нижних

этажах в этом конце только одна дверь, поэтому и коридор такой узкий. Коридор переходил в площадку с дверьми турболифта и чёрного хода из двух более скромных квартир, расположенных, соответственно, в левом и правом крыле большой башни здания. Как и в апартаментах, в каждой из квартир был доступ к двум турболифтам на наружных торцах башни, поэтому внутренним пользовались редко. Вот и теперь кабина так и стояла на верхнем этаже с той самой минуты, как я поднялся на ней после лекций. Стенки её были непрозрачными, за исключением полосы напротив двери: смотреть в глухой пермакритовой трубе особенно не на что. Такова плата за прочность и надёжность этого лифта, в отличие от открытых основных. Впрочем, и здесь строители ухитрились сделать нечто оригинальное. Против транспаристиловой секции кабины во всю высоту шахты была выполнена голографическая картина, потрясающая по глубине перспективы. По мере спуска кабина словно бы приближалась к планете с орбиты. У середины башни картина затуманивалась, изображая облака, а ниже другая голограмма показывала панораму города, каким он был во время строительства здания – без соседних башен и хаотичной застройки внизу.

Едва мы вышли из подъезда, к Падме, путаясь в полах длинного пальто из синтетического материала, кинулся круглолицый, наполовину лысый мужчина средних лет. Он не выглядел опасным, и всё же, я сделал шаг вперёд, готовый загородить кузину собой. Мужчина это заметил, сбавил темп и остановился в нескольких шагах.

— Сенатор Амидала, какое счастье! — воздев руки к небесам, словно узрел спустившуюся оттуда богиню, запричитал он. — Я-то надеялся встретить кого-нибудь из Ваших помощниц, а тут Вы… Прошу, уделите мне буквально пару минут.

— Сударь, — Падме строго посмотрела на него. — Сенаторы, конечно, служат народу, но нельзя же лишать

нас сна и отдыха? Приходите в Сенат, и я с радостью выслушаю Ваш вопрос, не на ходу, а в подобающей обстановке.

— Увы, мне сказали, что у меня недостаточный приоритет…

— Стоп. Какой сектор, какая планета?

Мужчина назвал.

— А к своему Сенатору обращались? — спросила Падме.

— Да. Он не желает в это встревать. Между тем, вопрос-то общегалактический. Работодатели не хотят платить за увечья.

— Мы как раз сейчас рассматриваем этот закон и близки к финалу. Не волнуйтесь, он будет принят в течение двух недель.

Мужчина помотал головой:

— Нет. Дело не в увеличении выплат, а в том, что они вообще не платят. Нашли способ.

— Рассказывайте, — королевским тоном велела Падме. — Только в двух словах.

— Да-да, я кратко, а фактические материалы вот здесь, на кристалле.

И мужчина, действительно, кратко и доходчиво поведал, что в последнее время по Республике прокатилась волна судебных дел, как из копировальной машины. Работник получает травму, фирма подаёт на него в суд за халатность, судья признаёт его виновным, а работодатель тут же вносит прошение не наказывать работника, поскольку он и так пострадал. Бедняга уходит довольный тем уже, что его не заставили выплачивать «ущерб», и об оплате лечения не заикается.

— Я, как член правления профсоюза, прошу Сенат закрыть эту лазейку, — закончил он.

— Конкретные идеи есть? — спросила Падме.

— Разумеется. Организует работу кто? Работодатель. Он должен обучить, проинструктировать, проследить. В конце концов, действительно опасные операции следует поручать дройдам.

— Хотите сказать, что изначальная вина за травмы всё равно лежит на фирме?

— Именно так, — закивал профсоюзный деятель. — Плохой подбор кадров, некачественное обучение, ненадлежащие условия работы. За это фирму надо штрафовать…

— Да так, чтобы оплатить лечение было дешевле? — подхватила Падме.

— Точно! Вы ухватили самую суть, Сенатор.

— Идея мне нравится. Штрафы в законе прописаны, а сделать их обязательными и повысить размер… Вполне вероятно, такую поправку могут одобрить.

— Благодарю Вас. Не смею больше Вас задерживать, — профсоюзный деятель коротко поклонился и пошёл прочь.

— М-да, умереть спокойно не дадут, — пробормотал я.

— Точно, — вздохнула кузина. — И к гробу подойдут либо с прошением, либо с петицией. Поехали скорей, куда ты там собирался, а то ещё кто-нибудь докопается.

Система магнитопоездов Корусанта состоит из «слоёв», примерно так же, как сам экуменополис – из уровней, с тем отличием, что каждый слой служит и средством сообщения между уровнями. Самый верхний слой охватывает два «двойных нуля» – поверхностный и тот, что под ним, остальные – по три, иногда четыре стоэтажника. Прямых пересадок между ними нет, только с помощью турболифтов, а физически системы соединены в нескольких точках планеты крутыми наклонными отрезками, по которым поезда могут спуститься ниже, но обратно, даже без пассажиров, уже не вытянут. Да это и не нужно. Вниз каждый поезд отправляют для очередного

планового ремонта, там он и остаётся на следующие пять лет, а на смену ему сверху приходит другой, поновее, или совершенно новый, если сеть самая верхняя. На самых нижних уровнях, где ещё есть транспорт, в трёх тысячах этажей от поверхности, ходят поезда, построенные полвека назад, там они и завершают своё существование под искросиловыми резаками дройдов-утилизаторов. Я знал на нашем факультете экстремалов, которые отваживались спускаться туда, чтобы прокатиться на этих развалинах. Кто-то из них привозил снизу сувениры и любительские голофильмы, вызывая смешанный с ужасом восторг среди девушек, а кто-то там и сгинул. Что с ними случилось, скорее всего, не узнает никто и никогда – это Корусант, ребятки, Нижние Уровни, а не альдераанский парк развлечений. Я со своей головой обычно дружу, поэтому ниже четвёртого слоя не спускался никогда, а пользовался, в основном, двумя верхними. Здесь имелась хитрость: для поездок на средние расстояния вторая сеть порой была выгоднее верхней. Поэтому, миновав сверкающий транспаристилом комплекс верхнего пересадочного узла, мы спустились ниже, на второй, тоже достаточно чистый и ухоженный, но чем-то неуловимо отличающийся. Может быть, дело было в архитектуре, всё же, строился этот уровень многие сотни лет назад. А может – в количестве рекламы, которой наверху гораздо меньше, и наборе рекламируемых товаров и услуг.

Подошёл поезд нужного направления. В отличие от надземных «скайтрейнов» и подземных гиперпоездов дальнего следования, он передвигался не по направляющим кольцам, а по сплошному жёлобу и имел более короткие вагоны с часто расположенными дверьми, возле которых находились продольные сиденья-лавки для пассажиров, проезжающих одну-две станции. Мы прошли глубже и уселись возле окна. Поезд, едва слышно звеня двигателями, нёсся через подземные кварталы. Внутри салона не было

слышно характерного шелеста рассекаемого воздуха, и говорить можно было тихо.

— Начала забывать, как выглядят поезда этого типа, — сказала мне Падме. — Когда я только прилетела, на верхнем слое их оставалось совсем мало. «Хрустальные» мне нравятся меньше.

— Да, окна во всю стену – единственный плюс. Зато нельзя сделать вот так, — я положил локоть на выступающую оконную раму. — И хотел бы я посмотреть в глаза существа, придумавшего сделать там сиденья полупрозрачными. Из какой лечебницы его выпустили?

— Ты не понимаешь, это называется «дизайн», может быть, даже «высокое искусство», — насмешливо заметила кузина.

— Ещё можно пол прозрачным сделать, — проворчал я. — Тогда и с давкой проблема сразу решится, половина народу будет бояться в вагон заходить.

Вдалеке послышалась резкая музыка. Из дальнего, носового конца поезда по проходу двигались двое. Коротышка *агнот* пиликал на раздвоенной дудочке странного вида, высокий болезненно-худой *забрак* в тёмных очках-консервах правой рукой крутил ручку колёсной лиры с Кашийка, левой давил на клавиши ладов. Незамысловатая мелодия сопровождалась надтреснутым голосом забрака:

Я сижу в своей машине,
Пропускаю Палпатина.
Мы в тоннеле битый час,
Но проезда нет для нас.

Палпатину весело, остальным не здорово:
Канцлер следует в Сенат – пробки на полгорода.

Мы сидим в своих машинах,
Пропускаем Палпатина.

Если кто-то стартанёт,
То его патруль собьёт.

Палпатину весело, остальным не здорово:
Канцлер едет на обед – пробки на полгорода.

Я сижу в своей машине,
Пропускаю Палпатина.
Да куда же это, дядь,
Ты собрался, на ночь глядь?

Палпатину весело, остальным не здорово:
Канцлер в оперу летит – пробки на полгорода.

Владельцев собственных спидеров в поезде, думаю, было не так уж много, но едкие частушки и рифма, граничащая с нецензурной, публике явно нравились. Усиленные меры безопасности последнего времени начинали доставать жителей всё больше и больше. Поезд, тем временем, приблизился к очередной платформе, музыканты подошли к двери, и за несколько секунд до остановки забрак выдал:

— Уважаемые люди и не люди. Мы не побираемся, мы просто так, из любви к искусству. Рады, если доставили удовольствие.

И выскочили на платформу.

— Неожиданно, — с уважением заметила Падме. Прищурилась лукаво: — Ты не у них свой романс подслушал?

— Нет, что ты, там был *чадра-фэн* с бубном и *киффар* с синтезатором, — с серьёзным лицом ответил я.

Станция, до которой мы доехали, находилась на краю огромного колодца, по которому из недр планеты один за другим поднимались грузовые космические корабли. Одни уносили прочь мусор огромного

всепланетного города, другие – продукцию подземных заводов, третьи, доставив по назначению груз, уходили пустыми, так как ввоз на Корусант всегда значительно превышал вывоз.

— Алекс, а не в Дикий ли Парк ты меня привёз? — поинтересовалась кузина.

— Ты в нём была?

— Давно. Меня… водили. Ещё до Анакина.

— Не Джа Джа Бинкс, надеюсь?

— Фи, брат, какой ты гадкий! — она толкнула меня плечом. — Всё равно, с удовольствием поброжу по этим зарослям.

Я только улыбнулся. Сейчас будет сюрприз.

Выйдя из турболифта, Падме уверенно повернула за угол… и замерла, точно как я и рассчитывал. Дикий Парк, как его называли когда-то, давным-давно, может быть, во времена Руусана, был огромной оранжереей на крыше гостиничного комплекса. Со временем гостиница обеднела, затем вовсе разорилась, климатический купол отключился. Одни завезённые растения погибли, другие приспособились, к ним добавились новые, семена которых занесло либо из Ботанического сада, либо ещё дальше, из Городского парка. К тому времени, как я поступил в университет, здесь были почти что джунгли. По краям Дикого Парка охотно гуляли влюблённые, поглубже забирались разные компании, приличные и не очень, кто на пикник, кто «перетереть о бизнесе». И вот те, которые устраивали здесь свои сходняки и разборки, в конце концов стали очень мешать компаниям, владевшим теперь зданием под парком. Перед самой войной владельцы, договорившись с экологами, решили парк благоустроить. Заросли кустарника убрали, деревья аккуратно подрезали, а на газонах между деревьями водрузили каменные глыбы разных размеров и форм, привезённые с других планет Республики. Но самым интересным в обновлённом парке

стали деревья-кристаллы. Их вырастили в гигантских печах одного из заброшенных заводов Фабричного района и установили вдоль аллей. В свете вечернего солнца эти причудливые каменные «растения» переливались всеми цветами радуги.

— Как красиво… — прошептала Падме. Я повёл её по аллеям, показывая всё, что знал сам об особенностях планировки парка.

— Сколько, по-твоему, камней на этой площадке? — спросил я в одном из мест.

— М-м, восемь.

— Их девять. Но ни с одной точки вокруг ты не увидишь их все одновременно.

Кузина не поверила, обошла площадку кругом. Убедилась сама. Покачала головой:

— Какая должна быть идеальная точность планировки, чтобы добиться этого!

— Садовники народа мин по с Карлака мастера на такие эффекты. Кристаллические деревья размещали тоже они.

— Соединить живое и неживое в одном саду – гениальная идея, — сказала Падме.

— Ещё бы! А вот подождём немного, не то увидишь.

— После того, как уйдёт солнце? — догадалась она.

Тень от западной стены закрывала всё большую и большую часть сада. В наступающих сумерках стеклянные деревья таяли, становились сначала туманными, а затем вовсе исчезали, лишь иногда силуэты прохожих причудливым образом искажались, преломляясь в них. Ещё несколько минут… Погасла последняя полоска золотого света на восточной стене. И в тот же миг все кристаллы озарились изнутри переливчатыми разноцветными огнями. Падме тихо ахнула. И не одна она. Парк совершенно преобразился, заиграл по-новому в неверном сумеречном свете, смешанном с этим

удивительным освещением. Жаль, что кристаллы давали слишком мало света, и по мере того, как сумерки сгущались, в Диком Парке становилось всё темнее и темнее. Наконец, подсветка кристаллических деревьев стала постепенно гаснуть, а вдоль дорожек загорелись чистым белым цветом линии бордюров, помогая публике найти дорогу к выходам. Световое представление закончилось.

— Поразил. И порадовал, — с улыбкой сказала Падме, останавливаясь под первым из уличных фонарей за пределами парка. — Что дальше?

— Пройдёмся поверху до ближайшей верхней станции? — предложил я. — Тут неподалёку есть магазин, где торгуют настоящими книгами.

— Ещё один? — удивилась она. — Я думала, что их в округе всего два, в цоколе Большой Ротонды и в Пятисотке.

— Это немного не то. Там раритеты в хорошем состоянии, ну, и цены, сама знаешь. А тут восстановленные и законсервированные книги. Серьёзных коллекционеров они не интересуют, а историки и просто любители берут охотно.

В это время из проулка, выглядевшего, как обычный технический тупик, вылетел какой-то толстый человек – или хуман? – и помчался по улице прямо на нас. Я только и успел дёрнуть кузину за локоть и упасть на пермакрит, роняя её на себя, иначе этот полоумный сшиб бы её, и, думаю, без травм бы не обошлось. А следом за беглецом на улицу, стуча противоскользящими подковками металлических ног, выскочили два полицейских дройда.

— Подозреваемый, немедленно остановитесь и сдавайтесь!! — громогласно выдал один из них через вокодер на полной мощности. Ответ последовал незамедлительно: беглец извернулся, выбросил назад левую руку и дважды выстрелил из зажатого в ней

армейского бластера. Беднягу полицейского разорвало пополам. Второй дройд с бесстрашием машины прибавил ходу.

— Стой, Превис, тебе не уйти! — донёсся с неба другой голос, по всей видимости, живой. Между домами снижался спидер полиции. Беглец выстрелил и в него, однако, пилот был опытный, знал, чего ожидать, и резко дёрнул машину вверх, пропуская серию плазменных плевков под днищем. Я понял, что перед нами очень серьёзный преступник. Уничтожить патрульного дройда одно, а стрелять по машине, где заведомо находятся живые полицейские – совсем другое. Рука нырнула в карман куртки, обхватывая рукоять бластера, вполне законного, между прочим. Вообще-то, гражданским разрешения обычно выдавали только с двадцати трёх лет, но мог же я хоть чуть попользоваться тем, что сестра у меня Сенатор? Я перещёлкнул регулятор на парализующий режим, молясь, чтобы успеть прицелиться раньше, чем беглец скроется за углом. Не успел. Но совсем по другой причине. Кузина, выхватив из сумочки собственное оружие, синим импульсом наэлектризованной плазмы отправила беглеца в нокаут.

— Метров с двадцати, — уважительно сказал я. — Глаз как шило. Тебе удобно, сестра?

— Ох, извини, — спохватилась Падме, обнаружив, что сидит прямо у меня на ноге. Оперлась на колено, поднимаясь, протянула руку, но я, как уважающий себя мужчина, встал без посторонней помощи. К тому моменту, как мы подбежали к преступнику, вокруг него уже стояли три дройда и полицейский сержант. Спидер приземлился поодаль. Вокруг начали собираться зеваки. Когда сержант перевернул лежащего на спину, и капюшон пальто слетел с головы, какая-то дама с домашним любимцем на руках, ахнула:

— Да это женщина? Беременная?

Другая прохожая, кривясь от боли, набросилась на Падме, размахивая одной рукой, вторая висела плетью:

— Ты в кого палишь, сучка?? Не видишь?? Беременную оглушила, меня зацепила! Сержант, отберите у неё лицензию и оштрафуйте!

— Спокойно, спокойно, дамы и господа, — обогнув разбушевавшуюся даму, к лежащему приблизился нескладный, высоколобый и тонконогий полицейский офицер. Вышагивал он важно, как болотная птица во время охоты за квакшами. Этого человека я видел раз или два в Сенате, фамилия его была Диво. Он любил поважничать и покрасоваться, но, по словам магистра Кеноби, дело своё знал.

— Парень с длинными волосами, — назидательно подняв палец, произнёс он тягучим неспешным тенором, — не становится женщиной, даже будучи накрашен. А содержимое данного животика мы сейчас проанализируем. Бешмамб, анализ, пожалуйста. Мамбеш, съёмку.

Глазастый дройд-эксперт склонился над телом, маленький дройд-помощник нацелил голокамеру.

— Синтетический наркотик, сэр! — доложил эксперт. — Состав отличается от предполагаемого незначительно, примеси позволяют однозначно установить место производства.

— Прекрасно, прекрасно, — улыбнулся офицер. Приподнял бровь, уставившись на мою кузину, будто только что заметил: — Сенатор Амидала? Добрый вечер. И снова Вы оказываетесь рядом с местом преступления… Однако, на сей раз Вы оказали большую, не побоюсь этого слова – неоценимую услугу следствию. Обязательно упомяну в рапорте комиссару.

— Лейтенант, а могу я попросить Вас не делать этого? — проникновенно заглядывая ему в глаза, попросила Падме. — Решат, что я хочу организовать себе рекламу.

— Мэм, я обязан…

— Прошу Вас.

— Ну, хорошо, хорошо. В таком случае, Вам лучше уйти, пока не явились репортёры, а случайных свидетелей следствие сможет убедить. Оскорбление Сенатора обычно влечёт за собой крупный штраф… — он покосился на шумную свидетельницу. Та заметно сдулась и отвела глаза.

Пользуясь великодушием лейтенанта Диво, мы поспешили покинуть место происшествия.

— Всё, — сказала кузина. — Погуляли. На сегодня приключений хватит. Теперь предлагаю поужинать.

— Уже домой? Неохота, — поморщился я.

— Зачем же? Я знаю неплохое местечко. Правда, частушек там не поют, и пострелять, думаю, тоже шанса не будет, но кухня превосходная.

Мы сели на местный «бегунок», асимметричные вагончики которого катились вдоль треугольной решётчатой фермы, с каждой стороны в своём направлении, и через двадцать минут оказались на другой, поверхностной линии «магнитки». И вскоре вышли на станции, что висела, будто переливающийся хрустальный астероид, над небольшой круглой площадью, заглублённой в наземные кварталы этажей на двадцать, не больше. Вдоль её периметра и многочисленных балконов, опоясывающих строение-колодец, располагались магазины, парикмахерские салоны и другие заведения. А, так вот мы где, сообразил я, прочтя название на стене станции. Район Фобоси, но не та часть, где университет и медцентр, а дальняя относительно Сенатского района.

Кантина, куда привела меня Падме, разместилась на углу площади и отходящей от неё магистрали, в самом нижнем уровне, и удивляла спокойной обстановкой, тихой музыкой живого инструментального трио и очень приличной публикой. Это, считай, в двух шагах от университетского кампуса! Я сказал об этом кузине, она

засмеялась и объяснила, что за портьерой при входе обычно сидит и читает что-нибудь один очень интеллигентный, но решительный вуки. Шумные студенческие компашки или сомнительные личности вылетают на улицу прямо с порога. Кого вуки не мог остановить, так это падаванов, и те временами беззастенчиво пользовались его попустительством. Платиново-серый дройд-официант проводил нас к столику, вручил даме «стекляшку» меню. Падме без долгих раздумий сделала заказ, вернула пластину официанту, и тот укатил исполнять.

— Обрати внимание вон на ту пару за столиком в углу, — сказала она.

Я поглядел в том направлении, куда указывал взгляд Падме. Мужчину за столиком я узнал не сразу, вернее, не сразу поверил, что вижу именно его. Потому что одет он был несколько иначе, чем я привык видеть джедаев: просторная рубаха навыпуск, украшенная на груди и плечах полосами орнамента, бежевые брюки – по-моему, из натуральной замши – с бахромой в боковых швах, словно у аборигена планеты-заповедника. И всё же, это был он, наутолан Кит Фисто, Магистр Ордена. Сидящую напротив него женщину не узнать было невозможно, ведь это при виде неё у меня отнимался язык, мозги и… я об этом уже упоминал. Айла Секура тоже выглядела… необычно. Вместо знакомого мне брючного костюма на ней было платье. Верх со спущенными плечами и баской, узкая юбка, глубоко разрезанная на боках. Всё, кроме белой полосы шёлка, охватывающей плечи, такой же каймы на талии и по баске – глубокого тёмно-синего, почти чёрного цвета, и по этому тёмному полю в разных местах разбросаны россыпи перламутровых точек. Словно звёздные скопления, словно пятнышки рисунка на лекках самой Айлы. Рукава платью заменяли длинные полуперчатки, сплетённые из нешироких белых лент –

очень эффектно на голубой коже женщины, на ногах были сапожки на каблуке, с такими же плетёными голенищами и носами. Даже традиционный головной убор имел сине-белую расцветку и был украшен на лбу орнаментом из продолговатых поблёскивающих камней. Удивительно, но и световой меч, подвешенный на двойном шнуре, выходящем из-под баски, смотрелся с этим платьем как-то естественно и органично. Не обращая внимания на окружающих, джедаи тихо о чём-то беседовали. Айла безотрывно глядела в огромные, непроницаемо-чёрные глаза наутолана, он деликатно держал её за кончики пальцев.

— Они похожи на влюблённую парочку, — прошептал я.

— А ты не знал? — удивилась Падме. — Они давно встречаются.

— И Кодекс это допускает?

— Сексуальные отношения Кодексом не запрещаются, — сказала кузина. — Они взрослые существа. Думаю, нам лучше не смотреть в их сторону. Джедаи чувствуют поток внимания, мы им помешаем.

Задача оказалась не из простых. До этого дня Айлу Секуру я видел много раз, и всегда недолго, урывками: возле Храма, на космодроме, на каких-нибудь мероприятиях. Да мероприятия вообще не в счёт, в официальной коричневой хламиде и капюшоне джедайку едва можно было отличить от других женщин. И сейчас я очень старался смотреть либо на сестру, либо себе в тарелку, но взгляд всё равно как-то по собственной инициативе убегал к угловому столику. Приходилось его с усилием оттаскивать. Посетителей, тем временем, в кантине прибывало. И, как по мановению волшебной палочки, в зале возник дополнительный официант. К двум *битам* и женщине человеческой расы на сцене присоединились ещё четверо музыкантов: двое людей,

забрак и тиилинка. Музыка стала громче, по-прежнему оставаясь приятной и не беспокоящей. А немного погодя я понял, почему столики в кантине расставлены именно так, по периметру ротонды. Здесь было принято танцевать – большая редкость на Корусанте, кстати. Первые две пары медленно кружились в середине зала, когда Кит Фисто неожиданно поднялся и направился к нам.

— Могу я пригласить Вашу даму на танец? — спросил он меня, улыбаясь своей фирменной улыбкой, по которой сходили с ума чуть ли не все девицы на нашем факультете.

Я покосился на Падме. Она улыбалась одними уголками губ, в глазах её плясали смешливые искорки, мол, ну-ка, братец, как ты поступишь в этой ситуации? Но я-то тоже не первый день на свет появился. Поэтому ответил уклончиво:

— Такие вопросы моя сестра решает самостоятельно.

Улыбка Фисто сделалась ещё шире.

— Сенатор Амидала? — обратился он уже к кузине.

— Магистр Фисто, — Падме величаво выпрямилась, подала джедаю руки, мгновение – и он, вальсируя, увлёк её к центру ротонды. Я остался за столиком один. Айла – тоже. Она наблюдала за своим парнем и Падме, выражение лица мне точно понять было трудно, но, вроде бы, не хмурилась. Не она ли подала ему идею? В любом случае, вот отличный шанс подсесть к ней и посоветоваться по одному важному вопросу. Кого ещё об этом можно спросить, как не её? Жалко, танцор я неважный. Или, всё-таки, пригласить? Ксир, с которым мы десять лет просидели в одном классе за соседними партами, говорил: не умеешь – учись, учишься – тренируйся. При любом удобном случае. Собрав волю в кулак, я встал и направился к красавице-джедайке, медленнее, чем намеревался, потому что ноги всё время

старались свернуть куда-то в сторону, и приходилось их уговаривать.

— Мастер Секура, — сказал я, кажется, невольно копируя интонации Фисто. Ну, хоть не выражение лица, так улыбнуться я всё равно не смог бы. — Позвольте Вас пригласить? Простите, не очень хорошо танцую…

— Это ничего, — улыбнулась она. — У нас говорят, важно не бояться и стараться, тогда научишься.

Левой взять её за правую, правой – за талию. Не бояться и стараться… Сейчас. Как бы не так. С первых же тактов я проклял свою дурацкую затею и свою самонадеянность. Она же твилека! А я об этом и забыл, а понял только сейчас. Айла не шагала, она плыла, словно в подошвах её плетёных сапожек были вделаны репульсоры. Казалось, я могу в любой момент повернуться хоть кругом, и партнёрша с той же лёгкостью совершит и этот пируэт. Я считал такты, стараясь не сбиться и надеясь, что получается хоть что-то хоть как-то, как вдруг почувствовал, что Айла придержала меня на мгновение. И тут же вновь расслабилась, позволяя вести, как мне вздумается.

— В университете учат танцам? — поинтересовалась она.

— Н-нет, — сказал я. — Меня фрейлины Падме когда-то учили. Всё так плохо?

— Напротив. Ты сейчас сбился первый раз. Держись увереннее, имеешь на то все основания, — Айла улыбнулась ободряюще, и я подумал, что совершенно зря боялся к ней подойти. Вполне она нормальная, не то, что Оффи.

— Могу я задать Вам личный вопрос, Мастер? — помолчав, произнёс я.

— При условии, что «Мастером» называть перестанешь, — сказала она. — Раз уж общаемся просто по-дружески.

— Да, хорошо. Тебе… — я запнулся, не слишком ли смело обращаться к ней ещё и на «ты», но увидел одобрительный лёгкий кивок, правильно, мол, и продолжал: — наверное, часто приходилось слышать признания от мужчин?

— Почему ты так думаешь? — она чуть склонила голову, глаза её смеялись. У Секуры интересный, редкий цвет глаз, они карие, но значительно светлее, чем у меня и Падме – цвета опавших листьев, цвета рейтанских орехов.

— Ну, Вы… ты такая красивая…

— По меркам нашего вида я почти дурнушка. Видел бы ты жену моего покойного брата и её сестёр, вот они красавицы. Но, вообще, да, в любви мне признавались много раз. Хочешь узнать, что говорят в таких случаях?

— Скорее, что не надо говорить.

— Мудрая постановка вопроса. За всех женщин говорить не берусь, а лично мне не нравится, когда говорят заранее подготовленными словами. Хуже того, чужими. Выглядит настолько фальшиво и неискренне, что можно всё испортить. К тому же, готовятся к одной ситуации, а получается чаще всего совершенно другая. Сказать лучше то, что пришло в голову здесь и сейчас, а не загодя. Она твилека?

— Что? Нет. Почему ты спросила?

— Стало интересно, отчего ты спрашиваешь именно меня.

— А какая красивая женщина, кроме джедая, стала бы разговаривать со мной на эту тему?

— Мне кажется, минимум одна стала бы, — Секура стрельнула глазами в направлении Падме.

— У неё значительно хуже с выборкой, — видя, что Айла не вполне поняла, я пояснил: — Опыта меньше. Извини, математический термин.

— Понимаю. Значит, как я и предполагала, все сплетни о её многочисленных тайных ухажёрах…

— Бред пёстрого нерфа, — кивнул я. — Тайный ухажёр у неё один, и ты его знаешь.

Из кантины выходили вместе. Ехать на «магнитке» в такой час становилось рискованно не на шутку, поэтому Падме вызвала представительский спидер. И предложила подвезти джедаев до Храма. Кит и Айла согласились, с условием, что высадим мы их на краю площади. Интересно, в Ордене все такие, поголовно?

— Всё-таки, ты у меня настоящий брат, — сказала Падме, когда спидер взвился с посадочной площадки у Храма, направляясь в сторону сенатской башни. — Не будь тебя, я бы весь вечер просидела, страдая от разных мыслей. Переживала бы, что поссорились, что день пропал, а он ведь через пару дней снова улетит курочить дройдов своей лазерной отвёрткой… Чего фыркаешь, сам же эту аллегорию предложил. До сих пор от смеха давлюсь, как представлю.

— Язык мой – враг мой, — покаянно повесил голову я.

Разумеется, кузина с мужем помирились уже на следующий день, как обычно и бывало. Предвидя это, я предусмотрительно задержался в университете допоздна. А вечером узнал, что на следующий день Анакин и Осока вновь улетают на задание. Падме по этому случаю позорно прогуляла пленарное заседание и до обеда, и после. Я прекрасно её понимал и не осуждал. Кто знает, когда в следующий раз выгорит время побыть наедине? На военную базу, с которой должен был стартовать свежеотремонтированный разрушитель, как обычно, летели порознь. Но на этот раз я решительно уселся в спидер вместе с кузиной.

— Ты со мной? — слегка удивилась Падме.

— Да, — небрежно ответил я. — Тоже хочу проводить кое-кого.

Кузина повела бровями, глаза у неё были заинтересованные, но вопросов она задавать не стала.

Когда мы вышли из спидера, Анакин посмотрел в мою сторону с неудовольствием, тебя, мол, только тут не хватало. Можно подумать, я сам маленький и не понимаю! Коротко с ним попрощавшись, я поддел за локоть Осоку и увёл в сторонку, за одну из колонн, подпирающих раздвижную крышу дока. Сейчас секции исполинских створок были отодвинуты в стороны, чтобы не мешать старту корабля, и в гигантском проёме полыхал в полнеба знаменитый корусантский закат – золото, переходящее в голубизну, всё более и более тёмную, до фиолетового на противоположной стороне горизонта.

— Хорошо, что догадался приехать, — сказала Осока. — Я собиралась зайти в универ, да не получилось, закрутилась с погрузкой. Думала, не увидимся до следующего раза.

— А я, знаешь, представил себе, как они прощаются, а ты сидишь где-нибудь в сторонке и скучаешь…

— Кстати, так обычно и бывает, — вставила она.

— Ну, вот, я с Падме и увязался.

Некоторое время мы продолжали говорить о каких-то ерундовых, малозначащих вещах. Ни с того, ни с сего я стал рассказывать Осоке про сиюминутные дела в университете, потом она мне что-то в этом же духе… Стояли рядом и глядели в небо над доками.

— Ты, вот что… береги себя, — наконец, сказал я. — Не забывай, что я здесь тебя жду.

Осока с недоумением покосилась на меня, отчего глаза её блеснули не теперешней, рассветной синевой:

— Ты чего?

— Того самого, — ответил я, точь-в-точь как сама Осока говорила Ситре тогда, в Храме. Сейчас, по идее, нужно было сказать ещё какие-то слова, те самые, о которых упоминала Айла, и которые должны, просто обязаны были прийти в голову в нужный момент. А их и не было. Вообще. Язык мёртвым грузом лежал во рту и

выдавать что-нибудь путное не желал категорически. А, будь что будет! Я неуклюже схватил девушку в охапку и быстро поцеловал. В губы. Осока дёрнулась, наверное, от неожиданности, а потом я убедился, что целоваться она умеет, и ещё как. Обоюдное безумие продолжалось целую минуту, не меньше, затем она чуть отодвинулась, но не настолько, чтобы высвободиться из моих рук. Взглянула на меня в упор, произнесла непривычно робким голосом:

— Алекс… я – дура?

И как прикажете отвечать на подобный вопрос? Главное, понять бы, о чём она. А, скорее всего, о своих попытках сосватать меня с Рийо.

— Почему сразу дура? — сказал я. — Ты же не могла знать.

— Да в том-то и дело, что могла. Я ведь… Кстати, — перебила она сама себя, — а ничего, что Кодекс Ордена запрещает привязанности?

— Хм. Кого в **нашей семье** это когда останавливало? — усмехнулся я.

Осока непроизвольно бросила взгляд туда, где мы оставили Анакина и Падме, но, конечно, не увидела их за колонной. Улыбнулась в ответ:

— Да уж. Знаешь, а **он** мне недавно говорил, что цель всегда превыше чувств.

— Ой, чья бы банта рычала.

— Угу. Видел бы ты его позавчера, когда поцапались. Стрилл в клетке.

— Могу себе представить. Ты приглядывай там за ним.

Осока кивнула:

— А ты – за ней… Жаль, что приходится так внезапно улетать, но ничего не поделаешь.

— Я недавно наткнулся на один старинный текст, там есть такие слова:

Наш ещё не зажёгся рассвет,
Нам с тобою пока суждены
Расставанья на тысячи лет
И свиданья в антрактах войны…

— Как точно сказано.

— Шпилька! — послышался сзади голос Анакина Скайуокера. — Куда ты подевалась?

— Ну, всё, — Осока вздохнула. — Мне пора.

— Да, как всегда:

Но опять, выполняя приказ,
Мы шагаем навстречу судьбе.
До свиданья, я в следующий раз
Допою эту песню тебе.[1]

— Ты, всё же, неисправимый романтик, — улыбнулась она.

— А ты?

— Да, и я, наверное, тоже. Как иначе можно бы выносить этого несносного Небошлёпа? Пока-пока.

Падме и я остановились на самом краю площадки, там, где обрывалось ограждение, и смотрели, как широченная лента грузового траволатора уносит Анакина с Осокой через стометровую пропасть дока к тёмному проёму большого переходника разрушителя. Девушка стояла боком и, хотя с такого расстояния нельзя разобрать направление взгляда, я почему-то был уверен, что она то и дело смотрит в нашу сторону, лишь из вежливости делая вид, что слушает своего Учителя. Возле самых стыковочных механизмов Скайуокер обернулся, поднял руку в прощальном жесте. Падме в ответ помахала обеими руками, за себя и за меня. Опустевшая лента транспортёра

[1] Стихи Игоря Морозова

повернулась, складываясь вдоль балкона дока, массивные створки люка медленно сомкнулись. И тут же беззвучно вздрогнуло всё вокруг, это включились корабельные репульсоры. Командир разрушителя явно не собирался ждать, пока генерал Скайуокер поднимется на мостик, и отдал приказ взлетать.

— Может быть, зайдём куда-нибудь и выпьем каф? — предложил я, провожая глазами величаво уплывающую высь махину корабля.

— Не сейчас, — покачала головой Падме. — Мне нужно в Сенат.

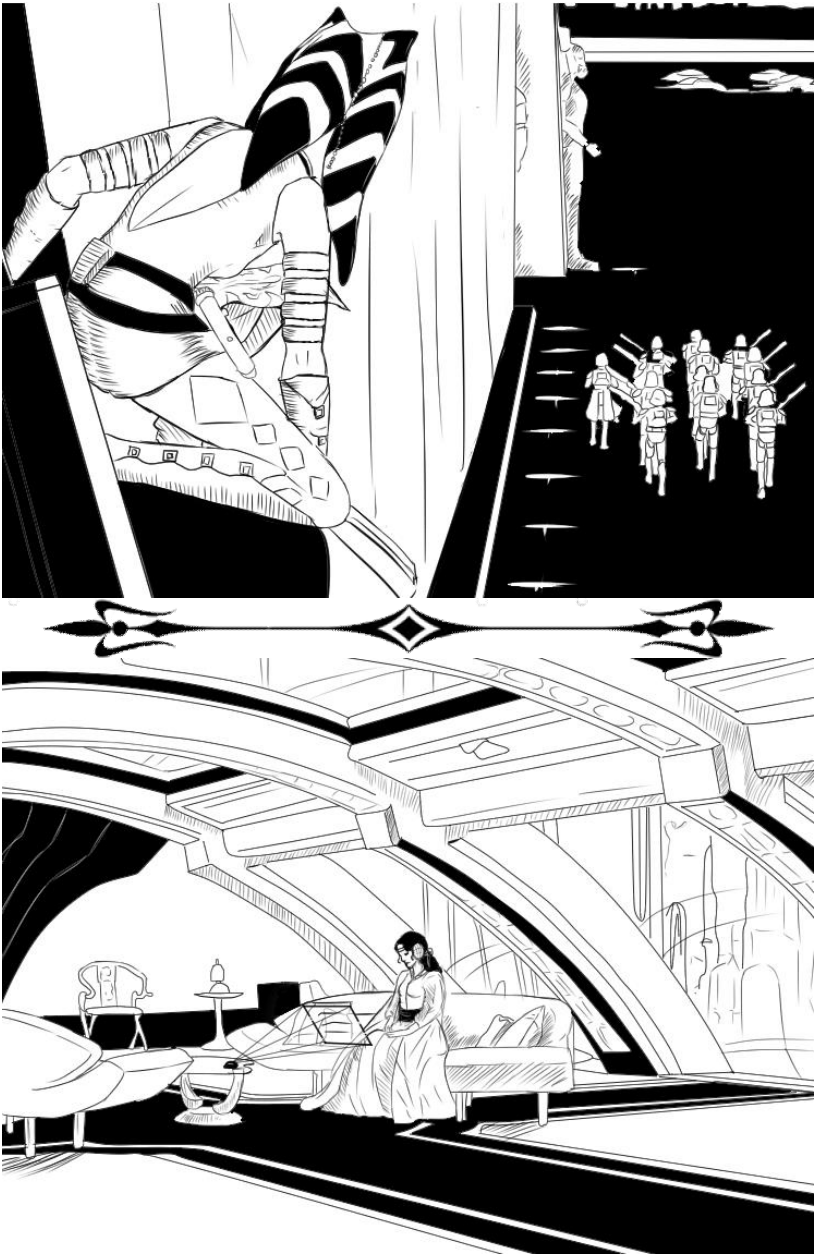
— Тогда и я с тобой.

— И что ты там будешь делать, позволь спросить?

— Сначала, всё-таки, выпью с тобой каф, — ответил я. — Текла его прекрасно варит. Затем, скажем, напишу что-нибудь для курсовой работы. А, главное, прослежу, чтобы кое-кто не слишком засиживался.

— Хорошо, хорошо, — улыбнулась она.

Нечаянная передышка заканчивалась. Завтра у Падме опять заседания, комитеты и подкомиссии, встречи и разбор обращений. У меня – лекции, лабораторные, а на той неделе завкафедрой устраивает внеочередной коллоквиум, тоже придётся попыхтеть. Ну, и ладно. Чем больше дел, тем меньше времени скучать.



Этюд второй. Подстава

Быть в Галактическом Сенате Сенатором – занятие довольно нервное. Одни, их большинство, хоть и делают вид, что наслаждаются жизнью, на самом деле в глубине души постоянно боятся, что их поймают за руку, или что там у кого есть, и отправят на родину, лишив самого необходимого: комлинка с правительственной «вертушкой», лимузина орбитального класса и штата прислуги. На законотворческую деятельность, ради которой, в теории, они и посланы на Корусант, им на практике плевать с высокого облакореза, кроме, конечно, случаев, когда она сулит личную выгоду самому голосующему. Другие – ну, то самое исключение, что всегда только подтверждает правило – на самом деле переживают по поводу законопроектов, жалоб избирателей и тому подобных документов. Один такой пример у меня перед глазами последние три с половиной года. Я даже научился определять, насколько нервным был сегодняшний день у сенатора Падме Наберри Амидалы по верному признаку – обращению с ни в чём не повинной сумочкой по возвращении с работы. Положит аккуратно на столик – ура, денёк выдался отличный. Бросит на диван – «в рабочем порядке». Закинет на дальнее кресло – уже хуже. А может и об ковёр шмякнуть, после чего обычно следуют слёзы. Другой мой знакомый сенатор, Рийо Чучи, тоже нередко бывала в расстроенных чувствах по поводу работы. В последние два месяца, когда она уже не стеснялась заходить к нам в гости, я часто слышал их разговоры с Падме на эти темы. И тихо восхищался, как Рийо всё это выдерживает. Магистр Кеноби однажды говорил при мне, что, выдвигая Сенатора от Панторы, тогдашний правитель планеты Председатель Чи Чо специально выбрал тихую девочку с огромными

глазами, рассчитывая получить в высоком кресле красивую марионетку и вертеть ей, как вздумается. А девочка оказалась из *стресскрита* с *кортозисной* арматурой внутри… Управлять ей из-за кулис пытались и после, и тоже не получалось. Рийо лавировала, уступала в мелочах, без этого тоже нет политики, а в принципиальных вопросах стояла насмерть.

Сегодня, рассказывая Падме о визите бизнесменов с родной планеты, она была больше расстроена тем, что ей опять хотели навязать какое-то решение, а тем, насколько бесхитростно это происходило.

— Такое впечатление, что они держат меня за дурочку, — вздыхала она. — Будто я не вижу, кому в итоге на руку их новшества.

— Всё оттого, что мы с тобой выглядим несолидно, — улыбнулась Падме.

— Скажете тоже. Может быть, я и да, а Вы… э-э, ты… — Рийо никак не могла переучиться использовать в неформальной обстановке более простое обращение, как просила её Падме, и то и дело путалась.

— Со мной точно такая же история, — сказала Падме. — То и дело кто-нибудь пытается обвести меня вокруг пальца. Вот к Мон Мотме с подобными предложениями никто не подкатывается, издалека видно, что разжуёт и выплюнет.

— Алекс, почему все считают, что миловидная женщина обязательно глупа? — спросила Рийо у меня.

— По-моему, это проблема философского плана, — осторожно ответил я. — А философия – не мой конёк.

— Не увиливай!

— Я, честно, не знаю. Мне не кажется, что красивых и неглупых женщин намного меньше, чем дур. С другой стороны, может, это мне попадаются умные, так сказать, круг общения. А была бы у меня сестра модной тусовщицей, я бы таких же только и видел.

— Но по улицам же ты ходишь и тоже видишь.

— Вижу, но, слава звёздам, не общаюсь.

— На самом деле, всё логично, — вставила Падме. — Что использует бимбо? Животные инстинкты окружающих мужчин. А для этого что? Ей нужно быть яркой и находиться на виду. Поэтому они бросаются в глаза и чаще запоминаются.

— Логично, — согласился я. — В то время, как более умные на внешность давно махнули рукой и ходят либо в деловых костюмах, либо закутанные с головы до пят… ай, Падме!

Подзатыльник, отвешенный кузиной, носил, скорее, символический характер, но не мог же я в присутствии Рийо уронить достоинство и не возмутиться, хотя бы, для вида.

— Не говори ерунды! — строго произнесла Падме. — Более умные знают, когда и как выглядеть уместно, а когда нет.

— Скорее, внешний антураж вам просто не нужен и не важен, — не сдавался я.

— Нет, Алекс, — сказала панторанка. — Как раз, важен. Только не в положительном смысле, а в отрицательном.

— Не понял.

— Большинство мужчин, когда смотрят, уже не слушают.

— Вот-вот, — подхватила Падме. — И, чтобы донести до них мысль, нужно выглядеть нейтрально. А вот такая юбка или вот такой вырез конструктивной беседе не способствует, — она красноречиво чиркнула пальцем сначала по бедру, затем по груди.

— Скажешь, нет? — прищурилась Рийо.

— Наверное, да, — вынужден был признать я.

На столе тренькнула хрустальная раковина комлинка – официальная линия, переадресуемая из Сената.

— Я сейчас, — Падме, подхватив прибор, вышла в прихожую поговорить.

— Честно говоря, — сказал я Рийо, — не понимаю, что ты так расстраиваешься. Ну, считают тебя наивнее, чем ты есть, плохо ли? Недооценка оппонента это всегда подарок и фора для него. Тот пират, как его, Онака, что ли, тоже думал – да что за опасность, какие-то детишки. А детишки ему всю базу разнесли.

— Ой-ой, не напоминай, — взмахнула руками панторанка. — Лучше бы Осока не рассказывала. Теперь каждый день просыпаюсь и думаю: не влипла ли она ещё в какую-то историю. Она с тобой на днях не связывалась?

— Нет. С тобой, как я понимаю, тоже?

Рийо покачала головой.

— Не волнуйся ты, — попытался я её подбодрить. — Она всё время куда-то влипает. И каждый раз возвращается.

— Спасибо, успокоил. Не может же ей вечно везти.

— А это не везение. Вернее, не только везение. Она джедай, и ей помогает Сила.

Вернулась кузина. Комлинк она несла в одной руке, в другой была кветарра.

— Ну-ка, брат, исполни нам что-нибудь, — велела она, вручая мне инструмент, — для поднятия настроения.

— Ты тоже поёшь? — оживилась Рийо.

— Так, чуть-чуть, — сказал я. — С Дорме ни в какое сравнение, так что, заранее извини.

Что бы такое изобразить, чтобы к месту? Героическое нельзя, Рийо опять вспомнит про Осоку, про военные действия, а она и так вся в миноре. А что-то с юмором в голову так сразу не приходило. Хотя… Есть кое-что. И не вполне серьёзное, и оптимистичное. Пожалуй, будет в самый раз. И розовые волосы гостьи придутся почти в масть. Итак:

По деревням – полный лэхаим,
рушники пестрят петухами,
Добры молодцы мажут ваксой чёрные прохоря.
А княгиня рыжих в печали –
у неё война за плечами
Да семнадцать ходок в сизое марево января.

Уж несладко ей, ох несладко,
у неё на платье заплатка,
У границ враги, с посевной проблемы, казна пуста.
У неё вассалы весёлы –
охламоны, конкистаболы,
Сто рублей убытку с каждого рыжего, как с куста.

И княгиня, бросив ультиматумы в каминное пламя,
В срочном заседанье объявляет перерыв полчаса.
Рыжего зовет петуха, чтобы связался с орлами:
«Слышите, орлы, вернитесь в наши синие небеса».

С каждым днём тревожнее ночи –
злые клоуны бритвы точат,
Крестоносцы напялили свои черные клобуки,
Хунвэйбины вышли из комы
и свирепые управдомы
Перешли границу и встали лагерем у реки.

От такого компота из доисторических мифов и легенд Падме тихо закатила глаза. Ну, извини, из песни слова не выкинешь, рифма пострадает. Зато как слушала Рийо! Она смотрела, вроде бы, на меня, и, в то же время, куда-то вдаль, в бесконечность. А, может быть, в своё собственное прошлое, когда ей было семнадцать лет, и Торговая Федерация устроила блокаду Панторы. И на лице её было выражение… словами не описать. Наверное, именно такие слушательницы вдохновляют настоящих

менестрелей творить всё новые и новые песни. Я вот ни разу не сочинитель, и песня не моя, но и мне было приятно. И я продолжал:

Рыжего кота зовет княгиня, как не раз уж бывало,
К барсам посылает, кот идет, не дожидаясь утра:
«Барсы, синеглазые стражи ледяных перевалов,
Выручайте, барсы, нас, вернитесь к нашим синим
шатрам».

Если кто и летом на лыжах –
этот, значит, точно из рыжих,
Всё не слава богу, любое дело под разлюли.
Но пока фартит воеводе:
с перевалов барсы подходят,
И над Лысой горою кружат орлиные патрули.

Войско объезжает княгиня накануне рассвета,
Главное, манёвр, говорит, всё прочее – чепуха,
Всё уже в ажуре, и, к тому же, начинается лето –
Светлое и ласковое время рыжего петуха.

У неё виктория нынче –
крестоносцы пленные хнычут,
Злые клоуны взяты в клещи, пойманы под мостом,
И бегут, теряя дубины,
потрясённые хунвэйбины,
И в овраге прячется исцарапанный управдом.

Ты гони, княгиня, печали, что толпятся под дверью,
Хватит с нас печалей, мы и так уже хватили лишка.
Пой же, мое лето, рассвет, топорщи рыжие перья,
Шёлкова бородушка, масляна головушка...[1]

[1] Стихи Олега Медведева

— Будто про меня писано, — едва слышно произнесла Рийо. Спросила громче: — Чьё это, откуда?

— Народное творчество, — пожал плечами я.

— Сейчас скажет, что подслушал в поезде «магнитки» у одного забрака, — усмехнулась Падме.

— Нет, почему, это на историческом парень пел. Но, — я многозначительно поднял палец, пресекая возможные вопросы об имени исполнителя, — его в прошлом году выперли за неуспеваемость.

— Ты видела? — кивнула на меня Падме. — Партизан. Подпольщик. Никого не сдаёт.

— Наверное, на то есть причины? — вступилась за меня Рийо.

— Весьма веские, — сказал я. — Этого фольклора столько, и поют его так часто, что никто не помнит настоящих авторов.

— Э-э… Прошу простить… — золочёный дройд-секретарь Ц-3ПО вошёл в гостиную и почтительно остановился на пороге. — Готов ужин, как Вы изволили распорядиться. Прикажете подавать?

— Да, Трипио, можно подавать, — кивнула Падме.

Рийо – и это был огромный прогресс в её случае – не попыталась отказаться от ужина под надуманным предлогом и осталась. Правда, за столом разговор опять вертелся вокруг работы, то есть, в нашем случае – политики. Некоторое время я терпел, женщины, всё-таки, надо проявить уважение, потом кашлянул и произнёс:

— Дамы, я, конечно, дико извиняюсь, но вам в Большой Ротонде за день не надоедает до хаттов эта тематика? Ну, вот, что будет, если я весь вечер буду рассказывать, как мы… — тут я хотел привести в пример написание программ на «Эпилоге» или Z###, но увидел, как в гостиной в который уже раз появился Трипио с явным намерением спросить, не нужно ли нам чего-

нибудь, и сказал совсем другое: — …на лабораторных препарируем дройдов.

— Препарируете? — подняла брови Рийо. — Это как? Как биологические образцы на медицинском факультете?

— Очень похоже. Лаборатория и выглядит почти так же, как анатомичка, только, скорее, не на медицинском, а на биологическом, где исследуют инопланетные формы жизни. Нам привозят образцы из самых разных систем. Свалки, блуждающие корабли, покинутые колонии… А мы их описываем.

— О. Нет. Нет, — запричитал Трипио. — Мои схемы! Я этого не вынесу. Госпожа Падме. Позвольте мне уйти.

— Да, иди, займись зарядкой аккумуляторов, — разрешила Падме. Трипио, собранный Анакином Скайуокером на Татуине из старого шасси и запчастей, мог, в принципе, обходиться без подзарядки длительное время. Но иногда его схема питания давала сбои, неправильно показывая уровень зарядки, и он предпочитал заряжаться чаще, дабы не отключиться в неподходящий момент.

— Вы и боевых дройдов сепов тоже изучали? — расспрашивала, между тем, Рийо.

— Не говори в прошедшем времени, — ответил я. — У них новые модификации появляются раз в месяц. Надоело уже искать и описывать отличия. Я больше люблю что-нибудь оригинальное. Вот недавно нам привезли партию антикварных дройдов со старой станции в секторе Аурил. «Стражники», слышала о таких?

— Н-нет.

— Эпоха мандалорианских войн, — подсказала Падме. Подтянула к себе панель компьютера, вывела на проектор голограмму: — Вот такие.

— Похож на мандалора.

— Верно, — подтвердил я. — Их стилизовали под броню того времени и выпускали исключительно для военных целей.

— Ну, антропоидная форма, вообще-то, универсальна, — возразила Рийо. — Хотя бы, Трипио…

— Нет-нет. Посмотри на их руки, — Падме приблизила часть изображения. — Видишь, какие сдвоенные пальцы? Для тонких работ они не годятся.

— Я ещё не говорил, что какие-то кудесники решили это исправить? — спросил я. Падме покачала головой, и я продолжил: — Нескольким из них сделали нормальные кисти. И на подошвы наварили каблуки, чтобы походку изменить. А снимаешь вот эту лицевую панель, за ней пластиковая мимическая маска, лицо богини.

— То есть, сделали девочек?

— Да. Декан так впечатлился, что одну сразу забрал в музей факультета. А с остальными тремя сейчас мы возимся. Удивительно совершенная конструкция. Представляете, сочленения гнутся, приводы работают!

— Спустя четыре тысячелетия? — изумилась Падме.

— А логические схемы? — поинтересовалась Рийо.

— Не знаю, должно быть, протухли. Нам не разрешают проверять. После того, как одна странная машина стала биться на столе и переломала рёбра преподавателю, все такие тесты только в формалине. Ну, в смысле, на стенде отдельно от механической части. Но наш экземпляр я обязательно попробую запустить, где-нибудь на заднем дворе, подальше от всех. Если, конечно, ребята за две недели её окончательно не доломают.

— Пригласишь на испытания?

— Конечно, раз тебе интересно!

— А по-моему, Сенатор хочет тебя подстраховать своим присутствием, на случай неудачи, — лукаво прищурилась Падме. — Чтобы с факультета не выперли.

— Ты разве не придёшь?

— Приду, конечно, только смотреть придётся откуда-нибудь из окошка, откуда меня не видно. Я ведь, так сказать, «человеческое лицо» комитета Лоялистов, мне семейственность разводить нельзя.

В гостиной мы просидели допоздна. У меня назавтра день начинался с «пустой» пары, а мои сенаторши вообще нечасто вставали рано, утреннее заседание в Сенате начиналось в десять часов, до него планировать какие-то встречи было не принято. Утром Падме, благополучно позабыв свою же фразу о человеческом лице, всё-таки развела семейственность и предложила подбросить меня до университета на спидере. Я отказываться не стал, хотя обычно утром иду пешком: после ночного дождя, насланного «шаманами»-климатологами, в Галактик-сити особенно легко дышится, а идти по отмытым за ночь улицам и переходам верхнего уровня приятно и как-то даже не утомительно. Ладно, что ж, значит, прогуляемся в обратную сторону, после лекций.

Девочку на улице я заметил боковым зрением, спускаясь по лестнице с висячего перехода. Такая инородная точка в упорядоченном хаосе движения тысяч пешеходов. На Корусанте все куда-то направляются, все идут быстро, настолько, насколько способны, а эта крохотная фигурка нерешительно двинулась в одну сторону, остановилась, вернулась назад, заглянула в переулок и снова остановилась… И никому, как обычно, не было до неё никакого дела. Галактик-сити, мать городов человеческих! Ускорив шаги, я преодолел последний пролёт, вышел на бульвар и остановился перед девочкой. Она была совсем маленькая, лет шести или семи и, судя по паре гибких хвостиков по бокам головы, принадлежала к расе твилеков. Я наклонился и спросил:

— Ты заблудилась, ребёнок?

— *Ка*, то есть, да. Немного.

— Где живёшь, можешь назвать?

— Могу. Только это не здесь, а на Рилоте, сюда мы по делам приехали.

Приехали, значит. В смысле, приплыли. Как прикажете искать этих приезжих? Тем более, Рилот… На Корусанте, когда имели в виду самую кондовую, дремучую деревенщину, говаривали «как второй день с Рилота». Причём, так же выражались и сами братья-твилеки в том числе. Ну, хоть на *базик* она говорит уверенно и чисто, значит, семья образованная.

— Где же могут быть твои родители? — спросил я.

— Не родители, мамина сестра, — серьёзно поправила девочка. — Она зашла в магазин, меня на улице оставила. А я теперь тот магазин найти не могу.

— Понятно. Знаешь, что, пойдём-ка вот туда, на перекрёсток, где скамейки. И там подождём.

Скамейки на корусантских бульварах сделаны из огромных каменных блоков, чтобы шпана не могла их разломать или утащить. В каждом блоке вырезана выемка, в ней посажены на цемент пластиковое сиденье и спинка, а в бортике могут крепиться опоры фонарей или уличных указателей. На высокий бортик я и поднял девочку, чтобы её было лучше видно. Да и разговаривать так удобнее.

— Вот, — сказал я. — Может, твоя тётя нас найдёт. А не найдёт, в пять часов свяжемся с вашим сенатором, скажешь ему, как зовут твоих родителей, тётю, и он будет их разыскивать.

— Хорошо. А почему в пять часов?

— Потому что в пять заканчивается заседание.

— Теперь поняла. Можно узнать, откуда Вы знакомы с сенатором Орном Фритаа?

— Сам я с ним почти не знаком, — признался я. — Знакома моя кузина, она тоже работает в Сенате.

— Ага.

— Давай знакомиться, что ли? Меня Алекс зовут, а тебя?

— Извините, — она посмотрела на меня своими большими глазами, очень, кстати, красивыми, — мама не велит называться.

— М-м, — слегка растерялся я, — ну, раз мама не велит, тогда не надо, Сенатору скажешь.

— Извините, — повторила девочка.

— Чего уж там, у каждого народа свои правила. Смотри внимательнее по сторонам, может, тётя твоя тебя ищет.

— Ладно.

— Эй, парень, — окликнули меня, — твоя девочка?

— Моя, — уверенно ответил я, ещё не успев до конца повернуть голову, потому что голос мне не понравился. Субъект, его обладатель, не понравился ещё больше. Безволосая – или бритая наголо – голова, украшенная от переносья к затылку полосой сложного орнамента татуировки, широкий нос, висячие усы, между ними, на подбородке, тоже вытатуированы какие-то завитушки. Человек был роста высокого, а сложения крепкого, носил толстую кожаную куртку с рукавами, плетёными из полосок, и широкие штаны-трубы.

— Чего-то ты на твилека не сильно смахиваешь, — продолжал незнакомец.

— Ты на соцработника похож ещё меньше, — огрызнулся я.

— Он похож на работорговца, — громким шёпотом, специально, чтобы слышал субъект, сообщила девочка и демонстративно вцепилась обеими руками в мою куртку.

— Девчонка может сколько угодно оскорблять честного труженика космических трасс, — высокопарно произнёс незнакомец, из чего нетрудно было заключить, что перед нами, скорее всего, контрабандист. — Но права на неё, парень, тебе предъявить придётся, иначе я её заберу.

Ситуация попахивала отработанной смазкой. Даже если девочка поднимет крик, вряд ли кто-то решит

вмешаться, настолько здесь всем всё до хатта. Вибронож у лысого наверняка имеется, а как быстро и ловко умеют орудовать им на Внешнем Кольце, я был наслышан. Полиция? Как всегда, не успеет и имеет все шансы обнаружить лишь моё остывающее тело. Бластера у меня с собой, увы, не было: в университет оружие проносить запрещалось. Всё же, капитулировать я не собирался, хоть и было мне страшновато.

— Надоел ты мне, мистер, — как можно более уверенным голосом сказал я. — Вызываю полицию.

— И что ты им скажешь? Что похитил ребёнка? — ухмыльнулся субъект. — А не ты, так я им это скажу. И лететь тебе на Кессель.

Он сделал ещё полшага вперёд, и я подался навстречу, стараясь не подпустить его к девочке. Внезапно лицо субъекта вытянулось, и он поспешно отступил.

— Да это же Алекс! — послышалось сзади. К нам подходила большая компания студентов. Я отвлёкся лишь на секунду, а когда вновь посмотрел на контрабандиста, его уже не было, испарился. И правильно. Связываться с целой студенческой кодлой в одиночку не отваживались и бойцы *терас-каси*. Это по отдельности мы народ мирный, а когда больше четырёх соберёмся, можем и затоптать.

— Какая милая девочка! — воскликнула, а вернее, завопила красавица Миринда Фуясе, обладательница густых и длинных волос цвета топлёного молока. Кажется, маленькую твилеку её реакция напугала не меньше, чем появление страшного контрабандиста. А Кладий Грюц, постоянный кавалер Миринды, тут же попытался меня подколоть и поинтересовался:

— Что, отыскал плод своих бурных похождений молодости? Народ, гля, мы прервали воссоединение семейства! Алекс объясняет крошке, что его следует называть **папой**!

Девочка нахмурилась. Смерила Грюца надменным взглядом, что твоя принцесса и, демонстративно отвернувшись, спросила меня:

— Этот человек – идиот? Он не видит, что я слишком большая?

— Как ты меня назвала, головастик?? — тут же вскипел Кладий. Обычно он пребывал в благодушном настроении, однако, терпеть не мог никаких выпадов в свой адрес и тогда становился очень груб.

— Прекрати! — одёрнула его Миринда. — Дайте, лучше я с ней поговорю.

И задала вопрос на непонятном языке. Девочка озадаченно наморщила лобик и, лишь услышав фразу вторично, ответила что-то. Я, признаться, был немало удивлён. Миринда родилась и выросла на Альдераане, при этом страшно гордилась тем, что отец у неё – чистокровный велмориец и носит древнее имя длиннее, чем самые витиеватые ругательства вуки. Наверное, поэтому они с Кладием и сошлись, потому что тот вёл себя как настоящий велморийский дворянин: неосторожное слово, перчатка, дуэль – в данном случае на словесном уровне. Но откуда она знает язык твилеков? Своему рилль, насколько я знал, разноцветные уроженцы Рилота чужеземцев обучали крайне неохотно. Неужели сама выучила? По страдальческому выражению лица Миринды можно было предположить, что девочка говорит ей что-то кошмарно-трагическое.

— Ну, в общем, она наполовину сирота, — объявила Миринда, выслушав ответы ещё на несколько вопросов. — Отец умер, дядя по материнской линии погиб в битве за Рилот, а сейчас они с матерью и тётей прилетели искать сведения о другом дяде, брате отца, возможно, он ещё жив.

— Мастер ты выспрашивать, — покачал головой один из ребят.

— Женщины всегда найдут общий язык! — гордо улыбнулась Миринда.

Я тряхнул рукой, вызывая на индикатор комлинка точное время. Без пяти пять. И… едва устоял на ногах, моментально оказавшись в метре от маленькой твилеки. Как, впрочем, и все остальные. Роль смерча, разметавшего нас в стороны, сыграла женщина в слегка неадекватном состоянии. Как нетрудно догадаться, она тоже была твилекой, и не требовалось большого ума, чтобы понять: это и есть пресловутая тётя, сестра её матери. Они были очень похожи, с той лишь разницей, что у тётки зелёная кожа, скорее, салатового оттенка, у племянницы – сильнее в голубизну.

— С тобой всё в порядке? Тебя не обижали?? — женщина лихорадочно ощупывала девочку, словно сомневалась, целы ли у неё кости.

— Всё хорошо, тётя, — отвечала та. — Вот Алекс, он меня спас от большого бандита, а вот та крашеная мисс знает торговый жаргон, на котором говорили тысячу лет назад.

Миринда сначала побагровела, потом побледнела, другие девицы хихикали, прикрываясь ладонями. Альдераанская дива была уязвлена до глубины души, но, похоже, не знала, чем больше. Во-первых, публично раскрыта её страшная тайна (по правде сказать, давно известная всем окружающим). И кем – маленькой девочкой вида, у которого вовсе не растут волосы! Во-вторых, Миринда оказалась в положении того рассеянного учёного из старинного фильма, что, отправляясь в экспедицию во Внешнее Кольцо, выучил для общения с аборигенами не тот язык. Я живо представил, как потешались про себя другие твилеки, когда она обращалась к ним на этом замшелом диалекте.

Тем временем, тётя девочки посмотрела на меня, и у неё на лице почему-то появилось озадаченно-растерянное выражение, как недавно у контрабандиста.

— Зачем ты… — начала она, обращаясь к племяннице. Та перебила, нахмурившись и топнув ножкой:

— Потому что я так хочу! Имею право!

— Имеешь, имеешь, — вздохнула взрослая твилека. — Что ж, раз так…

Она дотронулась двумя пальцами до пояса, и я с удивлением увидел, что этот широкий ремень – двойной, и между его слоями скрывается множество предметов. Твилека – пожалуй, она примерно нашего с ребятами возраста, хотя кто их, красоток, разберёт, запросто могла быть и вдвое старше – извлекла узенький голографический листочек, склонила голову, протянула визитку мне:

— От всего сердца благодарю Вас за нашу девочку, в клане всегда будут Вам рады и окажут любую посильную помощь. Обязательно свяжитесь с нами в ближайшее время.

— Да-да, разумеется, спасибо за высокую честь, хотя я, право, не заслужил… — пробормотал я в ответ, понимая, что это всего лишь формальность, и никуда я звонить не буду. Достаточно того, что и так всё хорошо закончилось.

Однако, придя домой, я вынужден был изменить решение. Потому что Дорме, увидев меня, протянула руку и спросила:

— Что это у тебя?

На нагрудном кармане куртки, зацепленный за булавку значка в форме набуанской геральдической лилии, висел странный символ, сплетённый из узенькой золотой ленточки.

— Не знаю, — озадаченно сказал я. — А, может быть…

И рассказал ей историю с девочкой. Когда она ухитрилась прицепить эту штуковину, ума не приложу. Должно быть, пока я разговаривал с контрабандистом, а она стояла рядом, держась за меня. Всплеснув руками, Дорме бросилась к компьютеру, вызвала на экран какую-то разлинованную матрицу и, поглядывая на плетение, стала вводить один за другим коды. Постепенно в клеточках матрицы сформировалось точь-в-точь такое же изображение.

— Ничего себе… — сказала незаметно подошедшая Падме. — Это зачем тебе понадобилось?

— А вот Алекс отличился по дороге домой, — с потрохами сдала меня помощница. — Знаете ли Вы, принц, кто мать этой девочки? Баронесса самого известного клана наёмных убийц Рилота! Так, посмотрим, что у нас там… Последний барон геройски погиб, защищая небо Рилота, и не оставил сыновей.

— Это значит – Наследница Крови.

— Именно так. А Алекс у нас её доверенное лицо со всеми вытекающими.

— И что же из этого вытекает? — осведомился я.

— Ты обязан высказывать своё мнение по любому вопросу, с которым обращается к тебе Наследница, — объяснила Падме. — И вправе давать ей советы, когда сам сочтёшь нужным, а она должна принимать их во внимание.

— Ответственность.

— Ещё какая. Этот клан – не занюханная семейка в захудалом посёлке, они, бывает, переворачивают политику целых планет. По сравнению с их женщинами Орра Синг – жалкий любитель.

— Падме, это ещё не всё, — сказала Дорме. — Отцом девочки был не кто иной, как…

Тут у меня в голове словно щёлкнуло. Глаза! Они были точь-в-точь…

— Покойный брат Айлы Секуры, — уверенно сказал я.

Повисла минутная пауза. Самый мощный клан Рилота. Самый богатый и влиятельный. Звёзды, с кем я связался!

— Там, вроде, есть ещё один баронет, — наконец, произнесла Падме. — Нат, кажется.

— Дай, — я отодвинул помощницу от панели. — Девочка говорила, что они прилетели выяснить, жив ли её дядя. Нат Секура… М-да. «Никаких вестей, начиная с…»

— Срок давности, — молвила моя кузина. — Следовательно, она ещё и Наследница Крови Секура.

И, словно подтверждая значимость этого факта, над городом пронёсся тяжёлый грохочущий удар.

— Что это?? — вскинулась Падме.

Сквозь прозрачные купольные панели гостиной хорошо просматривалась панорама города вокруг, вернее, та её часть, что не загораживалась соседствующими башнями. Источник жутковатого звука первой обнаружила Дорме.

— Смотрите, Храм! — воскликнула она.

Над зиккуратом Храма джедаев поднимался столб дыма, с каждой секундой он становился всё толще и чернее.

— Трипио! Макробинокль! — распорядилась Падме.

— Да, госпожа, несу, вот он, — дройд-секретарь торопливо подал ей прибор. Пока кузина наводила его на далёкую пирамиду, я подключился к преобразователю беспроводным каналом и открыл изображение на панели компьютера. Дым валил откуда-то из ангаров в крыше сооружения. Генератор, что ли, рванул у какой-то посудины? Странно. Механики Храма свои машины всегда содержали в идеальном состоянии. А вот и пожарные спидеры, молодцы, быстро прибыли. Главный

вопрос, не погиб ли там кто-нибудь, в этих ангарах всегда достаточно много народу.

Истошно зазвенел комлинк.

— Не дёргай ты объектив, на, говори, — я поднёс к щеке Падме гарнитуру.

— Алло? — сказала она. — Здравствуйте, Бэйл. Нет, я не могу включить изображение, у меня бинокль в руках. К сожалению, правда, я это сейчас и наблюдаю. Да, прилечу немедленно, до встречи. Алекс, Алекс, ты запись включил?

— Само собой! — отозвался я.

— Поставь быстрее стационарную голокамеру, пусть пишется всё, что будет там происходить. Мне срочно надо лететь в Сенат.

— Сейчас, — я кинулся за штативом.

Едва Падме умчалась, позвонила из сенатского офиса Текла Миннау, ещё одна помощница. Её я знал меньше других, на Набу она и её сестра Нанди занимались домом семьи Наберри в Варыкино, что в Озёрном Краю. Здесь, на Корусанте, Текла постепенно заняла нишу «дежурной по Сенату», к явному облегчению Дорме, которой для общения с высокими сановниками порой не хватало твёрдости. В башне апартаментов она появлялась нечасто, лишь на время отпусков кого-то из остальной троицы. Зато в Большой Ротонде у Теклы имелось множество знакомых.

— Сенатор Амидала, как я понимаю, уже отбыла на совещание к сенатору Органе? — спросила она. Дорме кивнула:

— Только что.

— Эх, не успела я.

— Что-то ещё случилось?

— По моим данным, Совет джедаев поручил расследование происшествия в Храме Анакину

Скайуокеру. Сообщение я ей послала, включит комлинк – прочтёт.

— Что у них, вообще больше никого дельного не осталось? — изумился я, когда Дорме завершила сеанс. — Все дырки им затыкают. Его и на планете-то нет, они с Осокой где-то в системе Кейто Неймодия.

— Боюсь, именно в этом и дело, — отозвалась Дорме, лицо её было мрачнее тучи.

— Поясни, не понимаю.

— Им понадобился кто-то достаточно дотошный и упрямый, кто способен доискаться правды. Но при этом – тот, кого в момент взрыва на Корусанте не было.

— Хочешь сказать, они подозревают, что это мог сделать кто-то из своих?? — вытаращился на неё я.

— Ты можешь предложить иное объяснение?

— Нет. Похоже, ты права, — вынужден был согласиться я.

К началу следующего дня, когда на Корусант должны были прилететь Анакин и Осока, по Галактик-сити вовсю ползли слухи, именно такие, как предположила Дорме. Говорили, что теракт устроил джедай, недовольный генеральной линией Ордена. Кладий Грюц, отец которого служил в Координационном Департаменте органов криминальной полиции, на перемене болтал, что Генеральный Комиссар внёс в Сенат требование передать это дело под юрисдикцию *крипо*.

— Интересно, с какого перепугу? — спросил я. — Это дело джедаев.

— Вы, юноша, наверное, не в курсе, но при взрыве погибли также клоны, — язвительно ответил он. — А клоны у нас федеральное имущество, не орденское.

Мне решительно не нравилось, когда солдат-клонов называли «имуществом», словно в Республике рабовладельческий строй, однако, с точки зрения законов, Грюц был прав. Великая Армия Республики находилась в

ведении Сената, и рассматривать теракт можно было двояко. Похоже, Падме, Рийо и их союзникам предстоит нешуточная баталия. Так оно и оказалось. Вечернее заседание продолжалось почти на два часа дольше обычного, и кузина вернулась с него выжатой едва ли не досуха. Тем не менее, сумочку она бросила на диван.

— Что там с решением, кто будет расследовать теракт? — спросил я.

— Пока отстояли, — сказала она. — Пришлось трижды брать слово, да ещё сенатор Тиллс и сенатор Чучи выступили по разу. Всё-таки убедили остальных, что надо дать возможность провести расследование самому Ордену. Но лучше бы наши вернулись с какими-нибудь результатами, иначе завтра этот вопрос поднимут снова.

«Наши», как она выражалась, прилетели на закате. Падме сразу усадила их за стол. Анакин ел с большим аппетитом, Осока же вяло ковырялась в своей тарелке. О деле Скайуокер за ужином говорить не захотел.

— Попозже, без посторонних, — сказал он и покосился на меня. Ну, вот, опять двадцать пять!

— Слушай, Анакин, — стараясь не выдать обиды, произнёс я, — неужели это такой страшный секрет, что мне нельзя ничего знать?

— Можно, но не всё, — ответил Скайуокер. — Вон, Осока тебе расскажет. Шпилька! Без подробностей, лады?

— Как скажете, Учитель.

— Ну? — подбодрил я тогруту, когда мы спустились на нижний этаж. — Вы что-то выяснили?

— Основное. Взрыв, конечно же, исполнил не джедай, а один из работников Храма, механик. Сначала мы не могли понять, как такое возможно, работники ведь проходят тщательную проверку…

— Не все же.

— Все.

— А я, например? Меня-то никто не проверял.

Осока посмотрела на меня с изрядной долей снисходительности:

— Алекс, семьи высших чиновников и без нас проверяются до четвёртого колена. Информация есть в храмовой библиотеке, любой магистр или сотрудник внутренней безопасности может ознакомиться. Ни один джедай в здравом уме не доверил бы рехены человеку с улицы, не настолько мы беспечны.

— Ясно.

— Но в том-то и дело, — продолжала она, — что у простых инженеров, клерков, офицеров проверяют только близких родственников, а у рядового работника…

— Вообще никого, кроме него самого? — догадался я.

— Точно. Бедняга механик вообще ничего не подозревал, его использовала втёмную его жена.

— Сколь коварны иногда бывают женщины! Надеюсь, вы её взяли?

— Да. Но так и не добились, кто за ней стоит. Всё, что у неё нашли – прокламации пацифистских ультра. Думаю, для отвода глаз. Эти горлопаны только гнилые овощи в солдат способны бросать. Почерк не их, понимаешь?

— Понимаю. Очень похоже на ширму для хорошо подготовленной диверсии сепов.

— Угу. Нехорошее у меня чувство. Будто мы чего-то не понимаем или где-то ошибаемся. Или – ошибёмся…

— Ладно тебе, не кисни. Смотри, какое расследование вы провернули! За один день. Уверен, завтра или послезавтра найдёте и заказчика.

— Отрадно, что ты в нас так веришь. Ну, а у тебя что здесь происходит, пока нас нет?

— Да много всего.

— Расскажи.

Я стал рассказывать. Про университет, про древних дройдов, про потерявшуюся Наследницу и приставшего к

ней контрабандиста. Подруга слушала, подперев рукой щёку. Сначала она что-то переспрашивала, кивала, но только в первые минуты. На веранде царила полутьма, и я, увлёкшись, не сразу заметил, что Осока меня уже не слышит. Умаявшись за день, девушка уснула так же, как сидела на диване. Вздохнув, я тихонько встал, осторожно уложил её по-нормальному, накрыл пледом. Она всё же проснулась, хотя, наверное, и не совсем, сонно пробормотала:

— М-м, спасибо, извини, мы обязательно поговорим завтра…

И заснула вновь. Я снял ботинки и улёгся прямо тут же, на соседнем диване. Падме, конечно, опять будет ругаться, скажет, что вы, как на вокзале. Зато завтра проснусь и сразу увижу Осоку. Может быть, и правда, успеем поговорить?

Не тут-то было. Когда я проснулся от утренней прохлады, Осоку на диване уже не увидел. Они со Скайуокером спозаранку улетели обратно в Храм. А в университете сегодня было как-то… неуютно. Продолжалось обсасывание несвежих вчерашних слухов, из чего я сделал вывод, что об успехах следствия никто ничего не знает. Некоторые договорились уже до того, что джедаи-де сами подстроили теракт, как повод для продолжения войны. Пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы не влезть в разговор и не высказать этим умникам, что я о них думаю. На лекции один из преподавателей тоже начал ни к селу, ни к городу поругивать джедаев. Он говорил довольно смелые вещи, за которые год или два назад коллеги на кафедре запросто могли устроить бойкот, но с передних рядов было видно, как побледнело его лицо, и как бегают глаза. Значит, где-то есть мнение, что теперь – **можно**. Выглядело это настолько мерзопакостно, что даже Грюц, любитель всякой чернухи, не смог смолчать и поинтересовался:

— А что ж Вы сами-то им служили, раз они такие лицемеры?

Это была чистая правда. На третьем курсе именно этот преподаватель хвастался, как в молодости работал при Храме помощником гида. Сейчас, услышав вопрос, он поперхнулся, побледнел ещё сильнее, и, заикаясь, промямлил:

— Я… я… был молод и наивен. У меня не было выхода, с работой в те времена было трудно, и я был вынужден…

По амфитеатру пробежало оживление. Об огромном конкурсе на каждую должность работника при Храме знали все, вплоть до младших школьников. Мне стало настолько противно, что я встал и вышел вон. Настроение было поганое, хотелось плюнуть на всё и уехать домой. Наверное, так я и сделал бы, если бы следующим часом у меня не была «дройдная анатомичка». С «препаратами» мы работали, разбившись на бригады, и я имел основания опасаться, что в моё отсутствие ребята отвинтят что-нибудь у нашего дройда, а обратно не поставят. Не потому, что не умеют – в нашей бригаде из шестерых в предмете нормально разбирались трое, считая меня. Просто никому из них не было жалко древнюю машину ни на децикред. Несколько результатов титанических усилий других команд, где троечников было больше, уже громоздились у дальней стены грудой разобранных доспехов, годных только на утиль. Накануне я снял с одного из тех бедолаг плечевой сустав, припрятал в инструментальном ящике и сегодня собирался поставить его на нашу «стражницу» взамен повреждённого.

— Почему у меня возникает подозрение, будто ты собрался её запустить? — спросил один из напарников.

— Потому что так и есть, — тихо сказал я, закрепляя на суставе металлическую «кость» плеча. — Тебе разве не

интересно? Давай сегодня после лабораторки? Выкатим её на задний двор и включим.

— В принципе, можно. Надо только дождаться…

Договорить он не успел, у меня зазвенел комлинк. Осока? Я торопливо вытащил мини-проектор, включил. И увидел Рийо.

— Алекс, ты можешь говорить? — спросила она. Фигурка на таком проекторе крохотная, выражение лица разобрать трудно, но голос сообщил мне достаточно. Я бросился в дальний угол, подальше от всех. Сказал:

— Теперь могу.

— Осока арестована.

— Что?? — спохватившись, что от изумления и возмущения почти заорал, я понизил голос: — За что? Когда? Кем?

— Ничего пока не известно, знаю лишь, что поехала в Зиндан, там её и взяли под стражу.

— Я сейчас приеду!

— Выходи на стоянку университета, я уже на подлёте.

— Да. Приземляйся в секторе номер один, преподавательском. Там всегда есть место, — посоветовал я. И кинулся к столу за вещами.

— Что-то случилось? — задал вопрос кто-то из ребят.

— Мою девушку арестовали, — сказал я чистую правду, выдумывать не было ни сил, ни времени. — Ничего пока не знаю, всё, бывайте.

Рийо была на грани нервного срыва, она машинально теребила пальцами перстень на левой руке и даже не обращала внимания, что один из шиньонов на её голове утратил монолитность, и несколько прядей свисали на плечо.

— Рассказывай, — потребовал я, бросаясь рядом на сиденье.

— Мне почти ничего не известно, говорю же. Её вызвали в Зиндан, якобы арестованная террористка готова дать показания…

— Погоди-ка, но террористку держали в Храме!

— Ночью адмирал Таркин приказал перевести её в военную тюрьму. Она же не адепт Силы и не чужак, она гражданка Республики.

Спидер мчался по высокой параболе, уходя от солнца всё дальше и дальше к линии терминатора. Сквозь транспаристиловую полосу в перегородке кабины мне был виден профиль и плечо пилота, он сидел в своём кресле спокойно, даже расслабленно. Конечно, он просто делает свою работу, ему беспокоиться не из-за чего.

— Падме тоже не в курсе? — спросил я. Рийо покачала головой:

— Она мне всё это и сказала. Одна надежда на мастера Скайуокера. По словам Сенатора Амидалы, он сразу бросился туда. Возможно, к нашему прилёту что-то прояснится.

— Вот и ладно. Ты, знаешь, что, не психуй раньше времени. И, кстати… — я показал на её волосы.

Рийо глянула в зеркало, охнула и занялась причёской. Пока она разбирала сложнейшую конструкцию из металла, стразов, заколок и собственных волос, закручивала и собирала снова, уже вместе с выпавшими локонами – немного успокоилась. Спидер, меж тем, всё ощутимее наклонял нос, устремляясь к поверхности планеты. Внизу под нами расстилались бескрайние облачные поля: это климатологи нагнали на ночную сторону очередной дождь. Сверху облака под нами казались белыми и пышными, только впереди, там, куда не доставал солнечный свет, серели, затем чернели под тёмным небом в россыпях искусственных огней. Когда же машина проколола облачность, оказалось, что внизу царит ночь. Центральная военная тюрьма, проще говоря, Зиндан,

располагалась на подземных уровнях одной из военных баз, с виду точь-в-точь такой, как та, с которой совсем недавно мы с сестрой провожали разрушитель Анакина. Приземистое верхнее сооружение базы напоминало какое-то древнее святилище, тылом ориентированное к гигантскому разлому большого ремонтного дока, а входным порталом – в поле. Тонкие высотки служб были похожи на посвящённые божеству стелы, и лишь размещённые по углам крыши башни – две орудийные, главный калибр от разрушителя, и две комбинированные, лазеры ближнего боя плюс скорострельная ракетная установка – несколько смазывали впечатление. Мы приземлились рядом с «кальмаром» – новым атмосферным прыгуном, какими в последнее время переоснащались ангары Храма взамен прежних тихоходных моделей. И почти тотчас же увидели Скайуокера. Вернее, в сумерках, при свете фонарей, я узнал его далеко не сразу. Анакин выглядел просто жутко. В такой ярости я последний раз видел его… никогда. Кулаки сжаты, лицо перекошено, шрам над правым глазом побагровел.

— Что там? — без лишних предисловий задал я вопрос.

— Меня к ней даже не пропустили!! — прорычал Анакин.

— Но в чём её обвиняют? — спросила теперь Рийо.

— Убийство арестованной.

— Да они охренели??? — воскликнул я. Выразиться более грубо мешало лишь присутствие панторанки.

— Ага, воистину, — Скайуокера, по виду, слегка отпускало. — Они заявляют, что она задушила эту Тармонд при помощи Силы. И показывают видео. Только оно почему-то без звука, который и мог бы внести ясность. Неисправность, говорят.

— Именно здесь и именно сейчас? — скривился я. — Чем-то это попахивает…

— Сказал бы я, чем, да тут дама!

— Сейчас я вызову адвоката, — мрачно сказала Рийо, — и он из них сделает форшмак.

— Не возьмётся твой адвокат, госпожа Сенатор, — отмахнулся Анакин. — Главную скрипку здесь играет Таркин, а с ним бодаться никому не охота.

М-да. Адмирал Уилхафф Таркин пользовался личным расположением самого Палпатина, а это даже не политика, это сферы сродни божественным, никакой самый скандальный адвокат не рискнёт связываться.

— Может быть, тогда я попробую к ней прорваться? — предложила Рийо. — Я ведь сенатор.

— Без постановления Комитета по правосудию – нереально.

— Так я добьюсь его! — воскликнула панторанка. — Вернее, мы с сен… с Падме. Алекс, ты летишь?

— Да я вот думаю, не покараулить ли здесь? — сказал я.

— Будешь всю ночь сидеть в её машине и предаваться воспоминаниям? — съязвил Анакин. Я посмотрел ему прямо в глаза, произнёс:

— Знаешь, в отличие от тебя, мне и вспоминать-то пока нечего.

— Ну, ну… Ладно тебе, — Скайуокер сменил тон. — Будет и у тебя, что вспомнить. А домой, всё-таки, поезжай. Там, по крайней мере, ты будешь в курсе всех событий. Я сейчас наведаюсь в тренировочный лагерь Пятьсот первого легиона, тут недалеко, и тоже приеду.

— В самом деле, — поддержала Рийо. — Поехали. Всё равно, основные дела нас ждут утром. Сегодня уже ничего существенного не произойдёт.

Зря она это сказала. Нет, сначала всё, вроде бы, вошло в нормальную колею. Падме и Рийо, одна в кабинете, другая в гостиной, повисли на линиях связи, обзванивая сенаторов – членов Комитета, чтобы завтра с

утра потребовать участия в расследовании представителей Сената. Я спустился к себе и с головой залез в Голонет. Падме дала мне интересную зацепку: диверсия была проведена с использованием «саранчи», как на жаргоне назывались нанороботы, да не простой, которая размножается, разъедая металлические объекты, а состоящей из легкогорючего вещества. Они, собственно, и составили взрывное устройство в теле исполнителя. Годились любые упоминания об этой разновидности, всё, что хоть как-то могло приблизить к ответу на вопрос: где диверсанты их достали? А потом… Потом открылась дверь, на пороге стояла Падме, и лицо у неё было – краше в гроб кладут.

— Звонил Анакин, — убитым голосом сказала она. — Осока сбежала. И теперь её обвиняют в убийстве клонов.

— Что за бред? — растерялся я. — Зачем ей бежать?

— Возможно, не было другого выхода. Со слов Анакина, она сказала, что её подставили, но так ловко, что всё равно никто не поверит.

— Что же теперь делать?

— Совет Джедаев отправил два поисковых отряда, под командованием Анакина и Пло Куна. По крайней мере, гарантия, что Осоку не застрелят при задержании.

— Но привезут прямиком обратно в тюрьму. Нам нужно найти её раньше. И спрятать, пока всё не выяснится.

— Как ты себе это представляешь?

— Машины у нас есть, люди есть, — пожал плечами я. — Тоже организуем поисковый отряд.

— Два, — в коридоре стояла Рийо. — Я не намерена сидеть, сложа руки.

— Не кажется ли Вам, Сенатор, что это авантюра? — от волнения Падме заговорила, словно на сенатских дебатах, но тут же поправилась: — Ох, извини. Я к тому, что мы не знаем планировки нижних уровней, даже

расположенных непосредственно под нами. Не разбираемся в тамошней жизни…

— Конечно, с подземной полицией нам не тягаться, — не позволив панторанке и рта раскрыть, сказал я, — но, кажется, я знаю, где раздобыть проводников!

Достав визитку, я набрал номер. На проекторе высветилось лицо той самой твилеки, что не уследила за своей племянницей.

— Здравствуйте, баронесса, — официально произнёс я.

— Здравствуйте, — ответила она. — Хорошо, что позвонили. Мне были нужны Ваши контакты на случай, Если Наследнице потребуется Ваш совет.

— Номер определился?

— Да, всё в порядке.

— Скажите, баронесса…

— Просто Сумари, без титулов.

— Сумари. Среди ваших, м-м… специалистов есть те, кто хорошо знает Подземелье?

— Есть. Я, например. Найдём и ещё нескольких.

— Тогда мне потребуется помощь. Дело в том, что мою девушку обвинили в военных преступ…

— Не будем засорять комлинк подробностями, — с той же милой улыбкой перебила твилека. — Где Вам удобнее переговорить лично?

Полчаса спустя, в одной из кантин верхнего подземного уровня Сенатского сектора, к нам подошли две твилеки в длинных вечерних платьях – салатовая Сумари и женщина постарше, с кожей коричневого цвета.

— Это Фийн, — представила её молодая баронесса. — Лучший наш специалист из тех, что сейчас на Корусанте.

— Рада познакомиться и с Вами, и с Вами, — по очереди кивнула Фийн Падме и Рийо. — Наслышана.

Падме сжато, по-деловому, обрисовала ситуацию. Особо при этом подчеркнув, что помощь важнее всего

именно для меня, я же являлся доверенным лицом Наследницы.

— Надеюсь, мы можем на вас рассчитывать? — закончила она.

— Безусловно, — ласково улыбнулась Фийн. — Мы не только выделим вам оперативниц, но и поставим на лекки всю нашу подземную агентуру. Поверьте, «кротам» о таких возможностях и не мечталось.

— Кто такие «кроты»? — тихо спросила Рийо.

— Подземная полиция, — пояснил я.

— Итак, — подытожила Падме, — формируем два отряда. Рийо руководит одним, а я…

— Ты, твоё величество, — перебил я, — сидишь дома, координируешь наши действия и периодически звонишь Анакину, узнать, как продвигаются поиски, и, главное, где он находится. Кроме тебя, эту информацию нам никто не добудет. А я уж как-нибудь займусь «полевой» работой.

— Алекс, ты уверен, что справишься? У тебя совсем нет опыта…

— Вот и пора его набираться. В случае чего, Вейз поможет, он опытный командир.

— Хорошо. Уговорил.

Те жители поверхности, которые полагают, что подземные уровни Корусанта представляют собой что-то вроде астероидных городов-катакомб или шахтных выработок, сильно ошибаются. Когда-то ведь и эти этажи Галактик-сити строились в качестве Верхнего Города, и только затем позднейшие конструкции, сомкнувшись выше них, закрыли небо, и уровни превратились в Подземелье. Здесь были точно такие же дома, улицы, фонари, транспорт, и, в большинстве случаев, имелось достаточно места, чтобы летать на спидерах. Древние строители, возводя следующие уровни, не хотели, чтобы жители задохнулись от недостатка воздухообмена, а

больше того – не желали тратиться и возводить систему вентиляции для них. В общем, город как город, только старше, беднее и грязнее. И вечная ночь над головой. Я прекрасно понимал, что найти в этом городе одно-единственное живое существо практически невозможно, он простирается на десятки тысяч километров, охватывая планету. А ещё – сотни уровней один над другим. Мы не могли, как джедаи, организовать полномасштабную полицейскую операцию. Однако… нам это было и не нужно! У нас был хакер – мальчишка-подросток с кожей лимонно-жёлтого оттенка – и его «шарманка». Устройство представляло собой кучу разномастных блоков, слепленных вместе клейкой лентой, сверху таким же манером крепилась дека военного образца. На тыльной стороне из нескольких блоков торчали проволочные завитушки антенн. С помощью этого прибора парень, шмыгнув носом, за минуту подсоединился к полицейской сети, и мы получили возможность слышать все переговоры.

— А джедаев так можешь? — поинтересовалась Рийо.

— Не, у них криптуха со стойкостью пять веков, — развёл руками юный талант.

Судя по разговорам «кротов», беглянка пока обнаружена не была. Поэтому наши машины двигались по замысловатым маршрутам, загодя начерченным Фийн и Сумари, останавливались там, где говорили сэск’обирри, и женщины то подходили к каким-то тусующимся на улице компаниям, то заговаривали с проститутками, то скрывались в тёмных проездах и вскоре выныривали обратно, получив сведения от очередного агента. Я понимал, чем мы занимаемся. Охватываем площадь, и как можно больше. Сомнительно, что Осока станет пользоваться спидером, неважно, с водителем или угнанным: передвижения машин легко отслеживаются

через трафик-контроль, каждая имеет номер, зашитый в транспондер. Фальшивые номера сделать можно, для этого нужны связи и время, а его-то у Осоки и не было. Значит – будет передвигаться пешком, на «бегунках» и «магнитке». Самое скверное было то, что мы знали цель Осоки – Анакин обмолвился моей кузине, что она собирается найти того, кто её подставил – но не представляли, что тогрута предпримет для её достижения.

Чем глубже под поверхность, тем хуже работали комлинки: за многие сотни лет сети износились, а ремонтировали их компании только там, где есть платёжеспособное население. Приходилось оставлять «прыгуны» сенаторов где-нибудь в более или менее открытых местах в качестве ретрансляторов. Да они и не протиснулись бы в узкие улочки плотно застроенных кварталов. И всё равно связь временами барахлила: голоса Падме, Рийо и командиров машин исчезали в ровном шорохе белого шума. Первое сообщение об Осоке пришло по полицейскому каналу через несколько часов, когда в салоне спидера начало сгущаться осязаемое чувство усталости. Тут же всю апатию как ветром сдуло.

— Сектор Сент-восемь-четыре? — Сумари, одетая в неприметный комбинезон работника коммунальной службы, прокручивала на проекторе карту. — Мы далековато.

— Пошлём машины два-три и два-четыре, — долетел из динамика голос моей кузины.

— Да. Рийо! Ты близко к колодцу, давай через поверхность, так будет быстрее.

— Поняла! — откликнулась панторанка.

— Алекс, выше на три этажа, — подсказала твилека мне. — Видишь впереди перекрёстки? На втором налево. Там длинный прямой участок.

— Вот за это спасибо! — вписав машину в поворот, я притопил на полную мощность, стараясь выиграть хоть

немного времени. Меня очень беспокоило, что подземная полиция получила указание на розыск Осоки, но никто не говорил о том, чтобы брать её живой. Я отключил микрофон комлинка, чтобы не услышала Падме, и сказал об этом напарникам.

— Наверняка будут стрелять, — кивнула Сумари. — Но она джедай, у неё боевое предвидение.

— А в случае чего, у нас тоже есть чем огрызнуться, — заметил с заднего сиденья Вейз, поглаживая бластерную винтовку. — Кстати, прибавь мощность на своей пушке, Алекс. У «кротов» броня, парализующий их только пощекочет.

— Сделаю, сделаю, рули! — сказала Сумари, видя, что я снял руку со штурвала. Наклонилась и сама выставила регулятор на моём бластере. — Сейчас вниз, затем снова вверх и развилка направо. Нам нужно попасть на подуровень тринадцать-двенадцать.

— Скайуокер засёк её, — донёсся голос Фийн. — Они выпустили «праулеры», мы подключились к их видеоканалу.

— Направляй нас! — выкрикнул я.

— Три-двадцать семь, четыре-двадцать два и четыре-восемнадцать.

— Принято! — произнесла Сумари. — Пока вперёд, но не разгоняйся, в конце прямой угол.

К тому времени, как, петляя по улицам Подземелья, я довёл спидер до сектора С-8-4, погоня снова потеряла след нашей подруги.

— Не успела совсем чуть-чуть, — сокрушалась в комлинке Рийо.

— Народ! — вмешался в переговоры мальчишеский голос. — Дроны тут мне насвистели, что ей помогает какая-то женщина. Не ваша знакомая?

— Веди себя подобающе, Силайс, — осадила его Фийн, они находились в одной машине.

— Что за женщина? — спросила Падме.

— Высокая, худая, очень подвижный тип, — сжато охарактеризовала Фийн. — Лицо в кадр не попало. Они вдвоём заломали отделение клонов. Агент передаёт, что оружие одна из них эффектно порубила световыми мечами на металлолом.

— Куда направились дальше? — нетерпеливо спросил я.

— По проезду 84-507, дальше непонятно.

— Пошлю в том направлении два-три, — сказала Падме.

Теперь мы прочёсывали сектор очень внимательно, буквально ползком. И почти напали на след. Один из панторанцев сообщил, что видит пожар тремя уровнями выше, на границе соседнего сектора. Но тут же в комлинках раздался голос Падме:

— Алекс, Рийо, слышите меня?

— Слышим, — практически синхронно ответили мы.

— Звонил Анакин. Они её задержали. Не причинив вреда. Везут в Храм.

От огорчения я стукнул кулаком по обивке дверцы. Не успели! Совсем чуть-чуть! Вот невезуха… Писк собственного комлинка я услышал не сразу, только когда Сумари кивнула на него и сказала:

— Сообщение?

— Наверное, от кого-то из ребят с факультета, — поморщился я. Но всё же открыл. И очень удивился.

Сектор Реск-8-4, подуровень 13-14,
ниже места пожара.
Найдёте то, что вам понадобится.

Подписи или номера, откуда послан текст, не было.

— Проверим?

— Почему нет? — пожала плечами Сумари. — Спешить уже некуда.

— Но ты не обязана…

— Забей. Я с самого начала добровольно полетела. Фийн могла и кого-то другого отправить.

Горел какой-то то ли склад, то ли цех. Огонь и дым уносило током воздуха, и уровнем ниже было прохладно, и не пахло гарью. То есть, лучше бы гарью, вонь, которая царила здесь, была намного мерзопакостнее.

— Фу-у. Это здесь, что ли? — задумчиво произнёс я, опуская спидер. — Вейз, доставай фонари, пойдём, посмотрим.

— А я вот тот угол осмотрю, — сказала Сумари. — Сажай фарами в ту сторону. Да, так.

Обычный грязный проулок, все углы «помечены» местными бродягами, куча мусора, смешанного с гнилыми отбросами синтетической пищи. Что тут можно найти нужное? Так думал я первые две минуты, пока в луче фонаря не блеснул чистый белый металл. Мгновение – и я держал в руке хорошо знакомый световой меч!

— Вейз! Сюда! — крикнул я.

— Вот так да… — крякнул подбежавший капрал. — То есть, и второй может быть где-то тут?

— Нет. Второй потерян гораздо раньше, — из темноты в пятно слабого света уличной лампы вышел клон в полной броне. Сзади маячили ещё трое.

— Это я заберу, — офицер протянул руку.

— А вот уж дудки, — возразил я. — Я сам верну его владелице. Тем более, что я хорошо с ней знаком.

— Отдай меч, мистер. Не заставляй меня применять силу. А ты, секьюрити, лучше не трогай свой бластер, дольше проживёшь.

Дула пистолета и трёх бластерных ружей смотрели на нас.

— Неправильное решение, — сказала сзади Сумари, и я увидел, как дрогнул шлем офицера. Покосившись через плечо, я обнаружил, что твилека держит наперевес странное оружие. Ого… Тяжёлое плазменное ружьё,

только без бустера на дульном срезе. Мощность сопоставима с выстрелом зенитной турели, дальность в атмосфере – до девятисот метров. Существенный недостаток – большое время перезарядки. Но что за радость офицеру в том, что остальные потом сделают из нас головешки? Его-то самого разорвёт в клочья первый же плазменный болт. Вместе с бронёй.

— Так что меч я тебе не отдам, — сказал я.

— А я вас отсюда не выпущу.

Ситуация была патовой. И в это время высокая не лишённая изящества фигура бесшумно возникла за спинами солдат.

— Командир! Вы превысили свои полномочия! Ваши действия записываются, голозапись будет основанием для служебного разбирательства в установленном порядке, — произнёс чёткий металлический голос.

— Что теперь, командир? — ехидно осведомился Вейз. — Предлагаю разойтись миром, пока не поздно.

— Разумно. Однако, я настаиваю, чтобы световой меч был сдан Ордену джедаев незамедлительно.

— Вот это законное требование, — Сумари опустила ружьё.

Решили, что офицер полетит в нашем спидере в Храм и проследит, чтобы формальности были соблюдены, а его люди на военной машине будут нас сопровождать.

— Меня, пожалуйста, подбросьте в соседний сектор, к пересадочной станции, — с милой улыбкой попросила Сумари, укладывая оружие в кофр. — Домой пора, сестра с племянницей волнуются.

Я тем временем поманил пальцем металлическую фигуру. Она послушно приблизилась. Да, это была именно она, вот и инвентарный номер университета на корпусе возле шеи.

— Кто активировал тебя? — спросил я.

— Сама, — ответила дройдесса. — В мой механизм встроены замаскированные «свечи», к счастью, их нашли не все.

— Одноразовые химические источники питания? — переспросила Сумари. — Предусмотрительно.

— Выходит, твой мозг всё это время работал в дремлющем режиме? — задал я следующий вопрос.

— Да, — дройдесса кивнула. — Аварийную изотопную батарею заменили всего восемь лет назад, она в отличном состоянии.

— Значит, ты всё слышала. И рванула нам помогать. Сообщение тоже отправила ты?

— Я. Увидела, как падает джедайский меч, и пришла к выводу, что нужно его забрать. Самой мне запрещает программа.

— Но как ты вообще нашла это место?

— Полицейские сводки. У меня большой опыт анализа информации.

Дальше всё было как обычно. Формальности, бюрократия. В Храме, несмотря на требование клона, ни с кем из магистров нам увидеться не удалось. Все на совещании, включая и Скайуокера. Я наорал на дежурного, и он согласился поискать кого-нибудь ещё из рыцарей. Айлы и Баррисс в Храме не оказалось, зато вскоре прибежала Ситра. Ей я и вручил Осокин меч.

— Ничего не известно? — спросил я.

Рати покачала головой:

— Нет. У нас все хотят знать. Команда юнлингов пыталась даже подняться по башне снаружи и подслушать, о чём говорят в зале Совета. Так их поймали и на три дня отдали на расправу Старшему Инструктору Синубэ.

— Наслышан о нём.

— Загоняет теперь ребят до полусмерти.

— Угу. Если что, в любое время дня и ночи… — я умоляюще поглядел на неё.

— А то я сама бы не догадалась. Конечно, сообщу.

Как добрался до дома, помню плохо. Падме начала было ругаться, что не позвонил, да махнула рукой. Действительно, стоило ли поднимать волну, если отметка моего спидера всё время была у неё на экране?

Университет я в тот день бессовестно проспал – сказалась бессонная ночь. А, выйдя наверх к обеду, вместо «здрасте» спросил кузину:

— Что-нибудь известно?

Падме кивнула. Только тут я заметил, что она-то, похоже, вообще не ложилась.

— Известно, — сказала она. — Её будут судить судом Высшего военного трибунала.

— Джедайку? Трибуналом? — возмутился я. — Это нарушение всех…

— Решением Совета джедаев Осока исключена из Ордена и лишена всех джедайских привилегий.

— Вот… подонки! — я насилу сдержался, чтобы не фугануть прямо при кузине что-нибудь нецензурное. — А ещё магистры! Неужели все проголосовали?

— Нет, семь против пяти. Против, насколько я знаю, были Оби-Ван, Шакти, Пло Кун, Фисто и сам Йода. Увы, точка зрения Мейса Винду победила.

— Да и пропади они пропадом. Кто будет адвокатом?

— Я, — как нечто само собой разумеющееся, ответила Падме. — Привезла материалы дела, буду изучать. Следствие, как всегда у вояк, проведено молниеносно.

— Ну, давай посмотрим, что они там…

— Нет, — перебила она. — Ты сейчас спускаешься вниз, набираешь Рийо и заговариваешь ей зубы. Что угодно, как угодно, но завтра суд, и она нам нужна вменяемой. А в данный момент Её Превосходительство лезет на стенку. Не удивлюсь, если опять рыдает.

— Слушаюсь, моя королева.

Подозреваю, что мой разговор по комлинку с зарёванной панторанкой стал неофициальным всегалактическим рекордом по длительности соединения в категории «мужчина – женщина, не пара». Почти четыре часа я пытался вывести её из глубокого депрессивного состояния, в ходе чего, отчаявшись и плюнув на приличия, предложил приехать лично. Хорошо, что Рийо не согласилась, вероятно, не желая, чтобы я увидел её в таком ужасном состоянии воочию. Голограмма, всё-таки, немножко маскирует и синяки под глазами, и искусанные губы, и всё остальное. Падме, когда я вернулся в гостиную, выглядела немногим лучше. Она всё так же сидела у стола, а по стеклянной его крышке были разложены материалы следствия: распечатанные голоснимки, листы флимсипласта с подлинными подписями свидетелей, дека с данными.

— Ну? — спросила она.

— Превосходительство при мне поели и обещали лечь спать до завтра, — отрапортовал я.

— Молодец!

— А у тебя как?

— Ох… Ума не приложу, как тут строить защиту, — простонала Падме. — Все улики против неё.

— Правильно, при грамотной подставе так и бывает. Именно количество улик и свидетельствует…

— Рассуждаешь прямо как лейтенант Диво. Как раз только что с ним консультировалась.

— А он тебе не говорил, что подставщик должен на чём-то проколоться?

— Говорил. Только на чём? Есть небольшие косвенные мелочи. Например, почему никто не отреагировал на сигнал открытия камеры, на картинку видеонаблюдения? Это может означать, что клоны у входа в тот момент были уже мертвы. Но с тем же успехом

обвинитель может возразить – это неисправность, стечение обстоятельств, как в случае с миссис Тармонд, когда в камере не работал микрофон.

— Позвольте, мэм? — бесшумно, как всегда, подошедший начальник охраны капитан Тайфо наклонился над столом и принялся изучать единственным глазом материалы. Щёлкнул комлинком: — Тентат, поднимитесь в гостиную.

Не прошло и полминуты, как в дверях гостиной возник бывалый капрал:

— Да, капитан?

— Ты в Зиндане бывал?

— Сидеть не доводилось, — хохотнул неунывающий Вейз, — а арестованных пару раз привозил.

— Помнишь планировку помещения охраны?

— Так точно. Примерно так и вот так, — набросал на листе несколько линий Вейз. — Эти стены с окнами, там, видимо, караульное, здесь дверь в него. А входной шлюз вот здесь.

— Понял, — Тайфо ухмыльнулся. — Как я и предполагал.

— Что? Вы что-то заметили, капитан? — спросила Падме.

Тайфо стал объяснять. Двое клонов, лежащих в коридоре, были часовыми, а третий? Судя по всему, оператор. Но как получилось, что он покинул пост, прошёл через караульное помещение – иначе в коридор не попадёшь – и оказался вместе с остальными? А в показаниях начальника караула Фокса чёрным по белому значилось, что он сам всё время находился в караулке.

— Ментальное воздействие? — предположила Падме.

— Несомненно, — кивнул капитан. — Но, чем отводить этому Фоксу глаза, не проще было завлечь в

коридор и его и расправиться? Значит, он был нужен живой. Для чего?

— Поднять тревогу, — уверенно сказал я.

— Вот это уже кое-что! — лицо Падме просветлело. — Спасибо, капитан. И Вам, капрал.

Судебное заседание состоялось на другой день. Поневоле вспоминалось древнее изречение «суд скорый, суд неправый». Падме в свинцово-сером узком платье, с гладко зализанными волосами и положенным по протоколу адвокатским шарфом на плечах молчала всю дорогу. Я её не трогал. Всё было говорено-переговорено десять раз. Другие сенаторы, выходящие из машин перед зданием той самой базы, располагался и Зиндан, и трибунал, тоже были молчаливы. Рийо, перехватив мой взгляд, кивнула и плотно сжала губы, чтобы опять не дать волю чувствам. Бэйл Органа крепко пожал мне руку. А Мон Мотма подошла к Падме, хотя члену сенатской Наблюдательной комиссии и негоже общаться с адвокатом подсудимой перед процессом.

— Не волнуйся, — сказала она. — Процесс политический, все это видят. Мы не допустим казни и в любом случае будем голосовать за минимальный срок…

Дальнейшего я не слышал, они отошли слишком далеко. И всё равно был возмущён до глубины души. Что она мелет? Какой срок? Она, что, заранее считает процесс проигранным?? Ну, да, конечно, подумаешь, несколько лет тюрьмы ни за что! Не ей же сидеть!

Пропустив сенаторов, офицеров и чиновников, ворота шлюза базы сомкнулись. Я остался один на площади, под развевающимися флагами, возле исполинской стелы с именами павших бойцов. То есть, вокруг, конечно, были и другие: водители возле машин боссов, солдаты, по одиночке и подразделениями спешащие по служебным делам, но моё сознание отказывалось их воспринимать. Я только отметил

мельком, что наш гвардеец и панторанский пограничник стоят отдельно от других, да и понятно: накануне они вместе с остальными участвовали в поисках, им есть что обсудить. Подумал, и забыл. Все мысли были сейчас о Ней, об Осоке. Как она стоит сейчас перед этим военным судилищем, перед сушёным кальмаром Таркином, который на этом судилище не правду ищет, а политический капиталец сколачивает. И никто, кроме моей сестры, не сможет сейчас сказать слова в её защиту.

— Ждёшь? — спросил у меня кто-то.

— Жду, — вяло ответил я. Обернулся. Клон. В расчерченной синими полосами броне Пятьсот перового легиона, снаряжение спецподразделения и спецназовский же шлем подмышкой. К ним очень трудно привыкнуть, к клонам. Все на одно лицо, на один голос, и, в то же время, все разные, когда поговоришь толком. Этого я знал, вон и приметная татуировка на правом виске. Сержант Пятерня. Он снял с пояса металлический кругляш, похожий на гранату, отвинтил крышку, протянул мне:

— Выпьешь? Чистый, девяносто шесть оборотов.

— Нет, спасибо, развезёт.

— А я выпью.

— Ничего на службе-то?

— Да пошли они все! Меньше группы не дадут, дальше боя не пошлют, — он сделал глоток. — Ты не думай. Не предатель она. И ребят не она убила. Лажа всё это. Уж я её знаю.

— И я знаю, — сказал я. — И тоже не сомневаюсь.

— Паскудство какое-то получается. Вот генерал Крелл, его же с самого начала видно было. Злой, жестокий, а разве джедай может быть злым? Но до последнего момента не верили, что он предатель. А тут девчонка всей душой… Настоящий джедай! А они её… — Пятерня длинно и с чувством выругался.

— А какие они, по-твоему, настоящие джедаи? — спросил я.

— Будто ты сам не знаешь, ты же с ними знаком.

— Да с кем я знаком? Со Скайуокером, с Кеноби, с ней вот, и с Айлой немного. И все они разные.

— В чём-то да, а в чём-то и одинаковые. Они все себя не жалеют. Ради других. А других – жалеют, и тоже ради них же самих. И ещё не сдаются. Никогда. Думаешь, почему генерала Скайуокера здесь нет? Он подставщицу найти пообещал. И найдёт, думаю.

— Известно, кто это?

— Есть вариант, что Вентресс, слышал?

— Ещё бы.

— Но я что-то не очень верю. Генерал Кеноби однажды вблизи её видел. Не дрался, а именно видел. И говорил, что она немного на голову стукнутая, а в принципе баба не подлая. Убить убьёт, а в таком дерьме мараться не станет. Я ему верю. Другой это кто-то, расчётливый и беспринципный. Как там говорится? Цель оправдывает средства? Вот из этих.

— Ну, будем надеяться на Скайуокера, — вздохнул я.

— Тебе как, получше?

— Да, вроде.

— Тогда я пойду. Служба.

— Пятерня! — окликнул я вслед. — Спасибо!

— Пустое.

Казалось, прошла целая вечность после его ухода, прежде чем натужно загудели приводы, и ворота приоткрылись. Из них показались люди и другие существа. Впереди бежала – почти летела, позабыв про солидность – Рийо.

— Невиновна!! — закричала она, кидаясь ко мне. — Оправдана!!!

— Это просто замечательно! Падме удалось убедить трибунал?

— Нет! Анакин нашёл виновницу. И знаешь, кто это? Оффи!

— Эта зелёная… — я в последнюю секунду проглотил готовое сорваться с губ ругательство. — Давно она мне не нравилась. Тварь.

— А для Луминары какой позор… — покачала головой Рийо. — Воспитала мерзавку.

— Но где же сама Осока?

— Анакин повёз в Храм, — сказала подошедшая Падме. — Надо ведь уладить недоразумение с Орденом…

— Недоразумение??? — взорвался я. — Хорошенькое, мать его, недоразумение!! Да они на коленях должны просить у неё прощения!

— Думаю, они и собираются. Анакин обещал сразу после Совета привезти её домой. Поехали. Рийо, ты тоже с нами.

— Я и не собиралась отказываться, — ответила сияющая панторанка.

Дома Падме распорядилась готовить праздничный обед, а сама удалилась в спальню переодеться. Мы с Рийо сидели на диванах, пили сок. Как вдруг открылась дверь спальни. На пороге стояла моя кузина, непричёсанная, в наполовину застёгнутой блузке.

— Звонил Анакин, — безжизненным голосом произнесла она. — Осока ушла из Ордена. Сама. Ребята, да как же это… После всего…

Я вскочил, подвёл её, как сомнамбулу, к дивану, усадил, сунул в руки чашку с чаем:

— Выпей-ка. И расскажи по-человечески. Они, что, не извинились?

— Извинились. Просили прощения, хвалили, предлагали вернуться.

— А она ушла?

— Да, — Падме, кажется, справилась с шоком, отхлебнула ещё глоток, твёрдой рукой вернула чашку на стол. — По-моему, я знаю, почему.

— И? — спросила Рийо.

— Да мой идиот, вместо того, чтобы потребовать посвятить её в Рыцари, предложил снова идти к нему в падаваны!

— Он сам это тебе сказал? — уточнил я.

— Ну, да. Косичку ей протянул, о, звёзды…

— Нет, он, конечно, иногда тупит, но не до такой же степени!!

— Да уж. Она такой заговор раскрыла, это им, что, не испытания на зрелость?? — возмущённо сказала Рийо.

— Наверняка опять Винду воду мутит, — вздохнула Падме.

— Ничего, сейчас прилетит Анакин, мы его подробнее расспросим, — сказал я.

— Не прилетит. Сказал, что у него срочное задание, и он немедленно отправляется во Внешнее Кольцо. Подозреваю, он никого не хочет сейчас видеть.

— Точнее, стыдно посмотреть нам в глаза, — проворчал я.

— Алекс, — Падме обняла меня за плечи, — Анакин, конечно, часто поступает необдуманно, но он добрый человек. И для него уход Осоки – большой удар.

— Где же её теперь искать? — задумчиво произнесла Рийо. — Ума не приложу.

— Она придёт, — твёрдо сказал я. — Обязательно.

— А если не придёт… ну, значит, мы для неё ничего не значим.

— Ты в ней сомневаешься?

— Алекс, я не знаю. Смогла же она бросить всё, чем жила?

— Думай, что хочешь, а я верю. И буду ждать.

Я сидел за компьютерной панелью, тупо решал очередные уравнения для курсовой работы и старался не впадать в уныние. Ну, неужели ты не слышишь, не чувствуешь, как я тебя жду? Как верю… Звонок в нижнюю дверь выбросил меня из кресла, как сирена атомной тревоги. На пороге стояла Осока. Цепочки-косички на её виске больше не было. Но оба меча, зелёный и жёлтый, гордо висели на поясе.

Некоторое время разговаривать мы не могли – губы были очень заняты. А потом я спросил, как можно небрежнее:

— Говорят, ты из Ордена ушла?

— Почти ушла. Но до конца уйти мне, всё же, не дали. Короче, ранг Странствующего Рыцаря и – погуляй, проветрись, приведи в порядок мысли. Как раз то, в чём я сейчас нуждаюсь. А то мозги дыбом. Что делать теперь буду, ума не приложу.

— Первым делом ты поднимешься наверх и расскажешь всё Падме и Рийо, которая, кстати, не собиралась уходить, пока ты не вернёшься.

— А Анакин? Почему-то я его не чувствую.

— Улетел. Стыдно, наверное, стало, что делал-делал дело, а в финале так обмишурился.

— Да ты что? Он же меня спас, разоблачил Баррисс!

— Знаю, Падме рассказала. Но это не извиняет его за то, что он тебя не удержал. И не признал, что ты достойна быть джедаем.

— У него такое бывает, что поделаешь.

Праздничный стол у нас в тот день, всё же, состоялся, правда, не обед, а ужин. Осока, сбиваясь с пятого на десятое, не один раз пересказывала, как всё было с самого момента ареста, мы – как искали её, что называется, всем миром. Дорме, сидя в уголке на кресле, тихонько перебирала струны кветарры, совсем как дуэнья из старинного фильма в покоях госпожи.

— В общем, не знаю, что мне теперь делать, — повторила Осока для всех то, что сказала мне внизу. — Может быть, улететь куда-нибудь подальше? На дальнюю планету, где никого нет…

— А как же мы? — спросил я. — Как же… я?

— Ну, это ведь не навсегда, Алекс. На некоторое время. С тобой я, пожалуй, полетела бы, но тебе ещё учиться два года.

— Учёбу можно и отложить.

— Нет-нет, ещё чего не хватало! — Осока погрозила мне пальцем. — Специальность надо получить! Я уж лучше сама с собой разберусь. А к тому времени, как ты закончишь учёбу, я, глядишь, и вернусь.

Я покосился на Падме: что же ты молчишь, ну, не то она говорит, не то, скажи ей! Но кузина молчала. И, в общем-то, её можно было понять. Это не в Сенате о насущных проблемах всей Галактики вещать, в своей собственной семье всё намного сложнее. А вот Дорме, которая, как и я, с Осокой была явно не согласна, наверное, высказалась бы, да не позволял этикет. Кто она такая, чтобы вмешиваться в дела семьи? Всего лишь фрейлина. И Дорме поступила иначе. Ленивые аккорды стали громче, превратились в чёткий ритм, и девушка негромко, себе под нос, запела:

Ветер треплет стремена,
гонит время скакуна,
Как на гору ни взбирайся, вся дорога не видна.
Не умеешь, не берись,
не умеешь, но дерись!
Ни обрыва, ни ухаба – ничего не сторонись.
Три дороги – лютый зверь,
предсказателям – не верь.
Если дверь тебе закрыли, бей тараном в эту дверь!

Ну, а кто–то позовёт
хоть под землю, хоть в полёт,
Собирайся и не медли – а дорога подтолкнёт.

Осока ощутимо навострила уши, хотя их и не видно под полосатым кожистым башлыком. И то сказать, текст баллады оказался удивительно к месту. Особенно следующий куплет:

Если другу не везло,
не держи на друга зло,
Если он из арбалета попадёт тебе в крыло.
Кто–то в спину саданёт,
кто–то просто подтолкнёт...
Оборачиваться поздно, раз пошёл – иди вперёд!

За дорогой виднокрай,
а за краем ад и рай.
Говорят: «Умри, но сделай...» – Сделай, но не
умирай!
Лучше друга повстречай,
а врагов не замечай,
На любой удар кинжалом новой песней отвечай.

Ветер треплет стремена,
гонит время скакуна,
Как на гору ни взбирайся, вся дорога не видна.
Не умеешь, не берись,
не умеешь, но дерись...
Вот такая вот, простая – удивительная жизнь![1]

Повтор первого куплета Осока уже подпевала фрейлине в голос, отбивая ритм пальцами по колену.

[1] Стихи Светланы Никифоровой

— Спасибо тебе, Дорме, — сказала она. — Встряхнула меня твоя песня. Теперь, кажется, я знаю, как поступить.

— И как же? — тут же спросила Рийо.

— Есть у меня одно интересное предложение. И лететь надо будет, и с пользой. Не бежать от всех, не прятаться под одеялом. Пожалуй, соглашусь…

Старый док в стороне от центров военной и гражданской жизни Корусанта был не примечателен ничем. Официально он давно не использовался по назначению и был превращён в склад. Со стороны входа именно так и казалось: насколько хватал глаз, цех был заставлен штабелями контейнеров и ящиков. Но стоило нырнуть в проход и сделать зигзаг, становилось видно, что штабеля – всего лишь тонкая стена, скрывающая пространство дока. Часть его занимали машины и механизмы для обслуживания кораблей, в гораздо меньшем количестве, чем в доках, где ремонтировались разрушители. С другой стороны у стены стояло несколько тяжёлых истребителей. Середина оставалась свободной, и через эту пустую площадку был прекрасно виден лежащий под сдвижной крышей центральной части исследовательский звездолёт. Он принадлежал к одной из недавних серий лёгких республиканских крейсеров, треугольный, как разрушитель, но гораздо меньше по размеру, и снабжённый сзади вынесенными на кронштейне тремя двигателями от быстроходного посольского корвета. Сторонний наблюдатель, увидев небольшую группу существ возле переходника, должно быть, решил бы, что провожают дипломата или духовного лидера какой-нибудь отдалённой планеты, не входящей в Республику. Взвод солдат в качестве почётного караула, в числе провожающих – трое сенаторов и хранительница Великой Библиотеки Джокаста Ню. Впрочем,

приглядевшись внимательнее, наблюдатель весьма удивился бы. В почётный караул обычно назначают рослых импозантных комендачей, а не этих приземистых ребят в мундирах без знаков различия, но с офицерскими кокардами на кепи. Спецназ флота занимается совсем другой работой, особенно в период войны. А присутствие магистра Йоды удивило бы наблюдателя ещё больше. Если бы сюда пускали посторонних.

Сенатор Бэйл Органа произнёс несколько напутственных фраз, что-то короткое, но ёмкое и мудрое сказал Йода, и участники экспедиции мимо короткого строя почётного караула двинулись к переходнику.

— Я буду очень скучать, — сказал я Осоке.

— И я. Но, ты же знаешь, мне нужно… хм, чуть не сказала «развеяться». Привести в порядок мысли и планы. Ты университет закончить не успеешь, а я уже вернусь.

— Всё равно, мне за тебя тревожно.

— Перестань. Не на войну летим.

— То-то, что не на войну, а неизвестно куда. Что там ожидает, одним звёздам ведомо.

— В любом случае, Гривуса и Дуку там не будет. И потом, Сила со мной, слышал, что сказал Йода? А уж он-то знает.

— Ладно. Ты только возвращайся.

— Наш корабль называется «Бумеранг», а бумеранг всегда возвращается туда, откуда запущен.

Я притянул её к себе, поцеловал. И не отрывался так долго, как только мог. А потом створки переходника сомкнулись, отрезая её от меня. Вздрогнул воздух от неслышной работы репульсоров, и «Бумеранг» плавно воспарил через раскрывшиеся створки крыши к рассветному небу.

Этюд третий. Предательство

Над Храмом джедаев поднимался столб дыма. Сейчас, в сумерках, с высоты башни Сенатских Апартаментов был виден не только дым, но и зарево пожара. Уже второй раз! А ведь с момента диверсии Летты Тармонд прошло меньше года. Во время нападения на столичную планету Храм не пострадал, и вот снова… Падме стояла у окна на южной стороне гостиной и молча смотрела на Храм. Я буквально печёнкой чувствовал исходящую от неё тоску и боль, но помочь сейчас не мог ничем. Мыслями кузина вся была где-то там, а не здесь, и слабо поддавалась на уговоры.

Дройд-секретарь Си Трипио появился в дверях гостиной, проковылял своей мелкой механической походкой через гостиную, приблизился к ней.

— От канцлера сообщение, что господин Анакин вернулся в Храм джедаев, — скрипуче произнёс он. И добавил, увидев своими круглыми жёлтыми зрительными сенсорами, как вздрогнула хозяйка: — Не волнуйтесь, с ним будет всё в порядке.

Я махнул ему рукой: уйди, мол, утешальщик золочёный. И услышал всхлипывания: Падме снова плакала.

— Сестра… — тихо сказал я. Подошёл, положил руки на плечи. — Ну, что ты опять двадцать пять! Ничего же ещё не известно. Сейчас он там проведёт расследование, как тогда, с Осокой…

— Вот именно!!! — вскричала она, оборачиваясь ко мне. — Напомнить, чем это кончилось для Осоки??

— Обошлось же, тем не менее. Именно благодаря ему. Ну, слушай, ну, давай, я возьму спидер, слетаю туда да погля…

Падме не дала мне договорить. Плаксивое выражение на её лице сменилась паническим ужасом, она вцепилась в мою рубашку:

— Нет! Я не хочу, чтобы ещё и с тобой что-нибудь случилось!

— Да я осторожненько, с воздуха гляну, круг сделаю, да и всё. Кто остановит сенатский спидер?

— Ракета! Террористы могут быть вооружены чем угодно! Сказала, нет, значит, нет!

— Хорошо, хорошо, не полечу, — щека к щеке, так лучше всего её успокоить. — Ну? Ну… Полегче?

— Капельку.

— В твоём положении нельзя себя так изводить, это может отразиться на ребёнке.

— Знаю. Я пытаюсь сдерживаться, но… В последнее время всё будто нарочно выводит меня из равновесия.

— И это тоже следствие твоего положения, так говорит доктор Риг Нима. Потерпи, совсем немного осталось.

— Да, уже немного. Спасибо, братишка. Пойду, наверное, я на веранду, воздухом подышу.

— Конечно, иди, — кивнул я. Добавив про себя: «А я в Сеть залезу, посмотрю, что народ говорит, который возле Храма бывает».

Но выполнить свою задумку мне толком не дали. Во-первых, несколько поисковиков на ключевую фразу намертво зависли, один – выдал окошко, что я «нарушаю ограничения, введённые распоряжением Верховной Канцелярии Республики». Когда же я залез на «Теневой порт Тройной Ноль», меня попросили подождать, поскольку «сервер дьявольски перегружен запросами страждущих». Дьявольски – это не «жутко» и не «дико», это предпоследняя степень перед «галактически», что означает полное зависание сервера. Ждать предстояло минут пять-десять. И тут стеклянными осколками зазвенел

комлинк, личная линия моей кузины. Судя по звонку, абонент не определялся. Кто бы это мог быть? Я нажал сенсор приёма.

— Падме? — спросила голографическая фигурка худенькой черноволосой женщины в белом платье, пытаясь увидеть того, кто ответил на вызов. Я прекрасно её знал. Шелтай Ретрак, главная помощница сенатора Бэйла Престора Органы.

— Нет, Шелли, это я, — произнёс я, придвигаясь в фокус передающей камеры, и машинально добавил: — Добрый вечер.

— Добрый? — лицо помощницы было бледным, губы болезненно кривились. — Я бы так не сказала. А где твоя кузина?

— Вышла на веранду. Сейчас позову.

— Нет времени, — качнула головой Ретрак. — Мы стартуем. Слушай и передай Падме. Мой босс летал в Храм. Там полно клонов. Судя по меткам – 501-й легион. Они ищут и убивают всех обитателей Храма.

— Что??? Шелли, у тебя опять токсикоз?? — от изумления я даже забыл о приличиях. Насчёт токсикоза была чистая правда: в прошлом году, когда Шелтай была беременна, она часто от него страдала. Впрочем, Ретрак не стала обращать внимание на мою резкость и продолжала печально:

— Лучше бы так. Сенатор сам видел, как клоны застрелили мальчика-падавана. А, улетая, заметил обломки нескольких спидеров. Гражданских, в том числе, один с медицинской эмблемой. Они пытались улететь, но их сбили. Ему чудом удалось спастись. Передай это Падме. И будьте осторожны! Всё, пошла команда «земля-борт», сейчас отключат сеть.

Изображение дрогнуло и рассыпалось фонтаном цветных точек. Я вскочил. Надо срочно рассказать Падме! Через кабинет и по лестнице вниз, на веранду. Но,

выскочив на лестницу, я затормозил так, что чуть было не полетел вниз кувырком. Потому что услышал голоса.

— Как ты? — говорила сестра. — Я слышала о нападении на Храм джедаев, даже отсюда виден дым.

— Всё нормально, — отвечал мужской голос, Анакина Скайуокера, — я зашёл узнать, нет ли угрозы для тебя и ребёнка.

— Что происходит?

Я услышал, как Анакин вздохнул.

— Джедаи пытались свергнуть правительство, — сказал он.

— Я тебе не верю.

— Я сам видел, как магистр Винду покушался на убийство канцлера.

— Что же ты будешь делать? — спросила Падме. Она была настолько растеряна, что не придала значения очевидным странностям в ответах мужа. Впрочем, она ведь ещё не знала… Я решил вмешаться.

— Вопрос пока не в том, что делать дальше, а в том, что произошло, — произнёс я, входя. — Привет, Анакин. Ты говоришь, канцлер убит?

— Убит? — эхом повторила Падме.

— Почему убит? — переспросил и Анакин. — Я этого не говорил.

— Ты сказал, что на его убийство покушался Мэйс Винду, — медленно сказал я. — Лучший из бойцов Ордена. Так что, либо он убит, либо Винду и не хотел убивать. Никакая охрана не смогла бы остановить его.

— Да, — поддержала меня Падме. — Я тоже не понимаю.

— Его остановил я, — с явной неохотой, не глядя в глаза ни мне, ни жене, ответил, наконец, Анакин.

— Извини, конечно, но и в это слабо верится, — покачал головой я. — Ты один из лучших, это все говорят, но Винду…

— Я становлюсь сильнее! — в голосе зятя прозвучала такая внезапная злоба, что я поёжился, да и Падме невольно отступила на полшага назад. — Скоро мне не будет равных во всей Галактике!!

— Ладно, ладно, не кипятись, я ведь просто выясняю ситуацию. Всё так странно получается… Предположим, Винду сошёл с ума и решил убить Палпатина. Я с ним не знаком, но мне говорили, что он довольно злобен и жутко подозрителен. Допустим, эта подозрительность в итоге переросла в… — я покрутил пальцем у виска. — Но нельзя же на основании этого обвинять всех джедаев?

— Конечно! — с явным облегчением воскликнула Падме. — Мэйс Винду – это не весь Орден, и даже не весь Совет!

— Однако, — продолжал я, — на основании этого кто-то поднимает Пятьсот первый легион и идёт громить Храм своего собственного Ордена, — слова срывались с губ почти что сами собой, уверенность, что так оно и есть, пришла, как только я заговорил. Больно уж всё складывалось одно к одному.

— Что? Что ты говоришь, Алекс? — ахнула Падме.

— Когда ты ушла, позвонила Шелтай Ретрак. Бэйл Органа был в храме и видел, как клоны Пятьсот первого легиона искали и убивали выживших после нападения. На его глазах застрелили мальчишку-падавана.

— Звёзды… Это правда, Анакин?? Ты приказал убить своих соратников? Своих друзей??

— Ты не понимаешь! — Анакин сжал кулаки. — Вы оба не понимаете!! Война идёт уже четвёртый год, и конца ей не видно. Разумные существа Галактики не хотят этой войны, никто не хочет. Кроме главарей сепаратистов… и джедаев. Те и другие боялись за свою власть и влияние! Сейчас, когда одна из угроз устранена, осталось устранить ещё одну. По данным канцлера, главари сепаратистов

собрались в системе Мустафар. Я уничтожу их, и в Галактике воцарится мир! **Я** принесу мир Галактике!!

— Ты только послушай себя! — схватилась за голову Падме. — Массовые убийства ради мира и порядка… Разве это путь джедая?

— Не говори мне о джедаях!! — жуткие нотки вновь громыхнули в голосе зятя. — Эти глупцы погрязли в своих догмах и правилах, думая, что это автоматически делает их чистенькими и беленькими, что бы они не вытворяли! В то время как на деле думают только о власти и славе!

— А ты? Ты же говоришь, как завзятый злодей из голодрамы! «Всех убью, один останусь».

При слове «один» у меня в голове будто распахнулись тёмные шторы, и свет хлынул на происходящее. Как там выражался по этому поводу магистр Кеноби?

— Не один, Падме, — непослушным языком произнёс я. — Двое их. Всегда двое. Учитель и ученик…

Падме Наберри Амидала – девушка всесторонне образованная и очень быстро соображает, ну, кроме случаев, когда находится в заплаканном состоянии. Вот и сейчас она поняла всё моментально, хоть и не была согласна. Тряхнула головой:

— Не может быть! Анакин уничтожил владыку ситов, это был граф Дуку! А его ученица, Вентресс, ушла в наёмники.

— Осмелюсь уточнить, госпожа, — неожиданно подал голос стоявший у стены Трипио, о котором все забыли. — Граф Дуку не мог быть учителем татуированного забрака, который напал на вас на планете Татуин. В то время он ещё не стал ренегатом.

— Верно… — голос Падме сел, опустившись до шёпота. Собрав волю в кулак, она посмотрела на угрюмо молчащего мужа: — Анакин, скажи мне! Ответь. Ты действуешь по указке владыки ситов??

— У меня своя голова на плечах!

— Чем дальше, тем больше я в этом сомневаюсь, — буркнул я себе под нос.

— Заткнись! — огрызнулся Анакин. — Падме, ты же знаешь, я делаю всё, чтобы спасти тебя!

— Спасти меня?? — вспыхнула Падме. — От чего? От твоих параноидальных видений? Приносить кровавые жертвы своим женщинам становится для тебя традицией, не находишь? Сначала Шми, теперь я… И ты хочешь, чтобы я приняла эту жертву? Может быть, мне следует ещё **гордиться** тобой, убийца?

— Ты не смеешь так говорить, неблагодарная! — набычившись, произнёс он и – я не поверил своим глазам – замахнулся на Падме.

— Не тронь её!! — заорал я. Выдержал тяжёлый, давящий взгляд зятя, добавил тише: — Какое благородство! Бить беременную женщину только за то, что она с тобой не согласна. И это притом, что на всех углах кричишь о любви к ней. Настоящий мужч…

Договорить я не смог. Почему-то стало не хватать воздуха, будто язык распух и перекрыл вход в гортань. Падме в ужасе перевела взгляд с мужа на меня, затем снова на Анакина, на его вытянутую руку… В отчаянье замолотила кулачками по его запястью – с тем же успехом она могла бить по дюрастиловой балке:

— Остановись! Прекрати! Ты хочешь убить ещё и моего брата??

— Я научу этого щенка не встревать в разговор взрослых людей!!

— Щенка? Да ты сам только на два года старше него!

— А что он видел в своей жизни, чтобы судить обо мне? Тепличный дворцовый мальчик…

— Ты никогда не говорил так. Это не ты! Ты… ты безумен!

Анакин расхохотался, как одержимый, словно подтверждая её слова:

— О, нет! Впервые за всё это время я, наконец, в своём уме!

Сквозь багровый туман удушья я вдруг увидел, как Падме сделала шаг, второй. Вниз, по ступеням веранды. К пропасти в сотню этажей. Я попытался крикнуть, остановить её, но получился только хрип. А она, встав на самом краю, ледяным тоном, которым, бывало, отдавала приказы во дворце, произнесла:

— Отпусти. Моего. Брата. Иначе я убью себя!

Давление на моё горло ослабло. Анакин оглянулся, повёл левой, неповреждённой рукой – и кузину подняло в воздух и бросило на подушки дивана рядом со мной.

— И кто из нас безумен?? — прорычал зять, нависая над ней. — Они так запудрили тебе мозги, что ты готова убить моего ребёнка??

— Анакин! — хрипло произнёс я. — Я готов извиниться перед тобой за каждое моё слово. Ты только успокойся, и давай подумаем, как можно выправить ситуацию.

— Приди в себя, дорогой, — поддержала Падме. — Нельзя громоздить одну ошибку на другую. Опомнись, Анакин. Остановись, пока не поздно…

— Не поздно? Не поздно, говоришь?? Скажи это горе трупов там, в Храме!! Скажи юнлингам, которых я зарубил вот этой рукой! Нет. Теперь я пойду до конца. И уничтожу любого, кто встанет на моём пути!

— Даже свою любовь? — нахмурился я. Это, наверное, было ошибкой. Невидимый захват снова стиснул мне гортань. Звон в ушах стал сильнее, сердце работало с перебоями.

— Ты не восстановишь её против меня! — жуткий жёлтый огонь загорелся в голубых только что глазах Скайуокера. Не та золотистая теплота, что так нравилась мне у Рийо, и не спокойный уверенный взгляд хищника, нет. Там плескалась ярость, всесжигающая и безжалостная.

— Никто не отнимет её у меня! — рычал он. — Она будет со мной!!!

— Когда-то я думала, что быть с тобой – величайшее счастье во Вселенной, — прошептала Падме, и глаза её вновь наполнились слезами. — А теперь вижу: нет доли горше, чем эта. Безумие. Пора. Остановить.

Сквозь стремительно чернеющий кровавый туман перед глазами я успел увидеть, как Падме сорвала с пояса мужа световой меч, нажала кнопку и с мертвенно-бледным, как у покойницы, лицом ткнула огненным лезвием ему в сердце…

***

Меня чувствительно стукнули ладонью по грудине. Я закашлялся. Открыл глаза.

— Дыши, Алекс, дыши! Ты как малое дитя, честное слово! Надо же было уткнуться лицом в подушку и мучиться от удушья! Хорошо, что мне бежать не надо, щёлк – и я тут.

— Падме… — сипло сказал я. — Ты…

— Что?

— Нет, ничего. Наверное, от недостатка кислорода привиделось. Знаешь, я тут подумал… как, всё-таки, обидно, что я не знал тебя при жизни.

— Какое совпадение. Я тоже думала, было бы здорово познакомиться с тобой рань… Секунду. Ты тоже видел этот «концерт по заявкам»?

— Похоже на то.

— Ну, вот, а досмотреть не дал.

Я мысленно перевёл дух. Кажется, концовки Падме не видела, иначе бы она не улыбалась так мечтательно. Слава богу. Всё-таки, мы друг другу не чужие, и мне категорически не хотелось, чтобы из-за моего вызванного гипоксией бреда она снова страдала.

— Кристаллический парк – это было здорово, — заметила Падме.

— Наверное, вспомнил пещеры Кварцита, — развёл я руками. — По-другому объяснить не могу.

— На самом деле, на Корусанте ничего подобного и в помине нет.

— Но ведь могло бы быть?

— Вполне. А ещё мне очень понравилось про дворец. Вот чего не хватало тогда, чтобы развеять эту липкую скукотищу.

— А, то есть, фрейлин в качестве игрушек тебе было недостаточно, и ты решила притащить меня? — нахмурился я.

— Но тебе же самому нравилось.

— Да я терпел, чтоб тебя лишний раз увидеть!

— Слушай, мы уже обсуждаем это, как будто всё было на самом деле... — покачала головой голограмма. — Как думаешь, хоть один психиатр возьмётся лечить Силовую копию сознания?

— Вряд ли, — усмехнулся я. — Или нам потребуется психиатр-призрак.

— Какая жалость. Придётся оставить всё, как есть. Ладно, может, в следующий раз мультики покажут? Всё, хватит валяться. Вставай, умывайся и – завтракать. Нам сегодня ещё нужно куда-нибудь долететь.

— Ну, кто у нас корабль, ты или я? Сколько, кстати, до выхода на досвет?

— Час восемнадцать. Вставай, вставай, — своими почти материальными руками она потянула меня с кровати. Пришлось подчиниться. Королевы ведь не любят неповиновения, даже бывшие. Просто потому, что бывших Величеств не бывает.

Мы не виделись целую вечность

Встреча с резидентом Сопротивления должна была состояться на одной из орбитальных станций планеты Лианна. Несмотря на то, что этот экуменополис являлся одной из важнейших верфей Империи, штаб-квартирой Сиенар Флит Системз, де-юре планета сохраняла независимость и нейтралитет. Что автоматически означало менее строгие законы и ослабленный контроль по сравнению с имперскими гарнизонами. Серьёзно охранялись местной службой безопасности лишь сами верфи, но не такие вот второстепенные станции. И всё же, светить здесь «Амидалу» было бы крайне неосмотрительно. С точки зрения обычного имперского персонала она, возможно, и не сильно отличалась от серийного многоцелевика «Мгла», однако, кто-нибудь из «ветеранов предприятия»

вполне мог опознать построенный на этих самых верфях уникальный экземпляр. Поэтому Осока Тано выбрала для путешествия другое, более невзрачное судно. Старенький занюханный кореллианский грузовик типа «Барлоз» гораздо меньше привлекает к себе внимание. Довооружение его аракидской турелью «8-XXII» и двумя спаренными средними пушками «Тайм энд Бак» не является чем-то из ряда вон выходящим, многие владельцы так делают. Ну, а то, что стандартный гиперпривод заменён нубийским, стоимостью полторы таких посудины, снаружи вообще незаметно.

Потолкавшись немного на местном рынке, Осока зашла в кантину, заказала лёгкую закуску и коктейль. Делая вид, что прикрыла глаза от удовольствия, сконцентрировалась и слабым, размазанным током Силы оглядела окрестности. Как она и ожидала, существ, чувствительных к Силе, вокруг оказались десятки – ничего удивительного при населении планеты больше пяти миллиардов. Выделить среди них нужного ей незнакомого человека было почти невозможно, да Осока и не пыталась. Зато поисковый импульс скользнул по краю трёх сознаний, поражённых Тьмой, и теперь джедайка знала, чего следует остерегаться. А с резидентом она встретится в назначенное время в условленном месте. В штабе Сопротивления на Чандрилле не было его голограммы, по соображениям безопасности, но Осоке сообщили приметы и опознавательный код. Подозвав дройда-официанта на скрипучем одноколёсном шасси, Осока расплатилась и медленно вышла в центральный коридор. Тревожило внезапно возникшее недоброе предчувствие. Что-то, связанное с одним из тех тёмных сознаний. Она попыталась «взвесить», обкатать его, прикинуть так и этак. Как обычно, самые общие выводы – с аналитикой у Осоки никогда не получалось так хорошо, как у других однокашников. Опасность реальна, но не фатальна,

бывало и похуже. Можно не пойти, но тогда под угрозой окажется резидент. Что в итоге? Вперёд и с песней, как обычно. Первый раз, что ли?

Место встречи располагалось на технических ярусах станции. Выбор сектора Осока мысленно одобрила. Здесь, вблизи складов запасных частей и мастерских, появление постороннего с одного из прибывших кораблей не удивит местный персонал. А найти укромное место для разговора проще простого. Она чувствовала, что идёт правильно, в смысле, прямо навстречу приближающейся опасности, и усмехнулась одним уголком рта. Ну, сейчас посмотрим, кто у нас там. Двери служебного лифта в конце коридора с шипением раскрылись, и порог переступила фигура в длинном чёрном плаще и широких брюках. Двигалась она очень плавно и ловко, тем не менее, Осока обострёнными чувствами сразу уловила неживой холод в нижней части. У человека были механические протезы вместо ног!

Фигура медленно, картинно сдвинула назад капюшон с головы.

— Я не обозналась, это и вправду ты, — произнесла она.

Осока молчала, с некоторой грустью глядя на ту, с кого начались самые чёрные дни Ордена джедаев. Эта женщина всегда считала себя самой правильной, самой ортодоксальной, а, в конце концов, возомнила, что вправе жертвовать другими для достижения своих «великих» целей. И тем самым поставила себя вне закона. Спрашивать, кому она служит сейчас, нужды не было: чёрное с красными кантами – цвета Инквизиции. Что называется, встретились два одиночества, подумала Осока, вспомнив бывшего учителя. Теперь понятно, отчего она не узнала её в Силе. Вейдера после его предательства тоже не узнавали.

— Ты очень изменилась, — продолжала предательница.

— Немудрено. Мы не виделись целую вечность, — ответила Осока. — Ты, как я погляжу, тоже стала другой. Карьеру сделала.

— Да, уж не прячусь по злачным местам и помойкам, шарахаясь от каждого куста! — стремительно включив меч, изменница нанесла несколько ударов, наткнулась на блок, продолжала тем же светским тоном: — Занятное зрелище: бесстрашная героиня – в бегах!

— Ты неточно информирована, — контратака, быстрая связка, «ножницы» двумя лезвиями. — Я всего лишь стараюсь не встречаться с тебе подобными. Очень уж вы в Силе воняете, тошнит.

— М-да, — удар, блок, удар уже двумя красными мечами, клинч, — а, быть может, ты просто боишься?

— Было бы чего, — на пару мгновений разорвав дистанцию, Осока переместилась, нырнула вперед и размашисто ударила в нижней проекции, заставив противницу подпрыгнуть: — Если уж простые историки режут вас, как свиней…

— Посмотрим, как ты одолеешь меня! — град ударов с правой и левой, смертоносные сполохи красного огня. Однако, все они либо уходили в пустоту, либо наталкивались на такой же огонь, только зелёный или золотой.

— Ой, кто-то это мне уже говорил… — последний блок и следом стремительный укол вдоль руки изменницы, от которого та едва ушла, — …перед смертью.

— Так это ты убила Сьелика??

— Фамилий не спрашиваю, — Осока, проводя очередной выпад, успела пожать плечами. — Их столько было, всех помнить… — блок, скольжение в сторону, удар сверху наискось, блок. — Кстати, симпатичные ходули… — «слив», контратака, — …выписал тебе хозяин. Почти как у Мола.

— Мол – всего лишь датомирская дешёвка! — изменница несколько раз быстро рубанула с разных направлений, сменила позицию. — Как и та, что оставила меня подыхать без ног! Но я выжила назло ей!

Ах, вот оно что! Вот кому, значит, тогда отрезала ноги Вентресс… Осока не стала никак комментировать эту реплику – зачем давать врагу информацию? Полторы или две минуты поединок продолжался молча. Джедайка без особого труда отбивала яростные наскоки предательницы и несколько раз была в сантиметре от того, чтобы полоснуть её кончиком зелёного лезвия. А у той дыхание сбивалось всё ощутимее, она со свистом выпускала воздух через сжатые губы. Наконец, до противницы начало доходить, что Осока если не забавляется с ней, как *фелинкс* с пойманным *родусом*, то недалека от этого.

— Бейся в полную силу! — прошипела она.

— И так неплохо, — усмехнулась Осока, продолжая говорить в коротких паузах между связками ударов: — Смотри. Ты бесишься всё сильнее. Сейчас ярость подпитывает. Но скоро она ослепит. И тебе конец.

— Раньше я покончу с тобой! — прорычала противница. И обрушила на джедайку град ударов в таком темпе, что блокировать их стало трудновато. Тем не менее, Осока увидела минимум две возможности поразить предательницу, когда та на миг раскрывалась, забывая о защите. И… не воспользовалась. Почему? Она начинала что-то чувствовать, нечто необычное, незнакомое раньше. Как будто неким вторым зрением наблюдала бурлящий тёмный клубок внутри противницы. Струйки тьмы, извиваясь, тянулись к сердцу, лёгким, конечностям, и целый дымный столб упирался в мозг. Повинуясь то ли спонтанному порыву, то ли подсказке Силы, Осока потянулась и рванула этот клубок на себя:

— А ну-ка, **дай сюда**!

Предательница пошатнулась, словно из неё разом выпустили воздух. Мечи выпали из повисших, как плети, рук, она сделала два неуверенных шага, затем искусственные ноги под широкими штанинами задёргались, и она рухнула на пол. Осока видела её изумлённые глаза. Глаза, в которых не осталось злобы, лишь страх и ненависть зверя, посаженного в клетку.

— Чего ты ждёшь? — прошептала она. — Добей меня…

И потеряла сознание. А Осока стояла и смотрела на распростёртую противницу. В душе её смешались противоречивые стремления. С одной стороны, она знала: врага нельзя оставлять в живых, об этом свидетельствовал печальный опыт магистра Кеноби, да, чего далеко ходить, и Вентресс тоже. С другой – ну, не могла она вот так взять и убить беспомощную противницу. Не только из рыцарских побуждений. Она прекрасно помнила голографическую запись, показанную Библиотекарем: Анакин Скайуокер убивает пленённого графа Дуку по приказу Палпатина, тогда ещё канцлера Республики. Радостный оскал на лице будущего Императора давал веские основания полагать, что именно с этого началось стремительное падение бывшего героя войны на Тёмную сторону. Осока категорически не хотела уподобляться ему. Придётся, видимо, обездвижить её и тащить на корабль, раз уж встреча с резидентом всё равно сорвана…

Неожиданно Осока ощутила присутствие, такое отчётливое, рельефное, как импульс на экране древнего эхолота. Мгновенно подобравшись, она прижалась к стене и, едва силуэт человека возник из-за угла, ударила потоком Силы. Фигура в оливковом имперском мундире с размаху шмякнулась о стену и сползла на пол. Мельком коснувшись изменницы в Силе и убедившись, что в себя она придёт нескоро, Осока переключилась на новый объект. Капитанский знак на груди. На воротнике – эмблемы

лётного состава. И – что это – искусственная кисть руки? Всё сходится, именно эти приметы называли ей на Чандрилле. Она протянула руку, лёгким воздействием Силы приводя оглушённого офицера в чувство. Тот потряс головой, стараясь сфокусировать зрение. Пробормотал:

— Ну, что за напасть у меня с этими тогрутами? Одна норовит сосулькой в ухо заехать, вторая о стенку швыряет!

Осока, вместо того, чтобы спросить буквенно-цифровой код, как собиралась, вытаращила глаза:

— Значит, это ты обеспечил им старт?

— Едва успел, — кивнул офицер. — Хотел сделать аккуратнее, но толстый помощник Таркина поломал все планы.

— И лишил наших друзей весьма информированного источника, — Осока подала лётчику руку, помогла подняться на ноги.

— Сам он лишился гораздо большего, — усмехнулся тот и сделал пальцами жест, будто берёт себя за горло. — А источники ещё будут, у меня на «Душеприказчице» целая ячейка.

— Не слишком ли много ты болтаешь неизвестно кому? — прищурилась Осока.

— Почему же «неизвестно»? Я тебя отлично помню. Даже помню, что с Этой, — он кивнул через плечо Осоки на изменницу, — вы были в неплохих отношениях.

— Я тоже так думала, — вздохнула Осока. — А она меня под расстрел подвела, не моргнув глазом. Придётся забрать её с собой, иначе Вейдер узнает, что я жива.

— Тано, ты чокнутая, честное слово! — в сердцах резидент даже назвал её по фамилии. — Тебе охота снова с ней возиться?

— Прикончить её я тоже не могу, рука не поднимается.

— Есть способ лучше. Один мой человечек пойло готовит, называется *yorsch*, от него наутро память начисто отшибает. Даже у меня. Проверено.

Осока внимательно посмотрела на резидента:

— Почему у меня ощущение, что ты хочешь завербовать Инквизитора?

— Что-то в Силе, наверное, — обезоруживающе улыбнулся он. — Согласись, это будет вербовка века! На её деке, наверняка, полно ценных данных. За их утрату Вейдер…

— Поняла твою мысль.

— Раз поняла, забирай деку, вот кристаллы, которые я записал для наших, и уходи. Ребята подстрахуют вас в ангаре, во избежание. Да пребудет с тобой Сила.

— И с тобой, джедай.

Идя быстрым шагом по коридору, Осока с грустью думала, как низко пала та, кого она когда-то называла своей подругой и даже – вот дура – доверяла больше, чем Чучи. Раньше эта женщина блистательно владела Силой, превосходя многих именитых мастеров, сейчас, лишённая гнева и ярости, оказалась неспособной даже держать меч. Вот до чего может довести привычка опираться на Тёмную сторону. Интересный, кстати, вышел приём, Осока и не подозревала, что такое можно проделать – взять и отобрать чужой гнев. С другой стороны, мало ли техник, о которых она когда-то не подозревала, а потом научилась? Верно говорят, нет предела совершенству.

За одним из поворотов человек в техническом комбинезоне возился с раскрытой коммутационной панелью. Угрозы от него не исходило, лишь слабый поток внимания, как от сотрудника «наружки», которых специально учат не фокусироваться на фигуранте, чтобы не спугнуть. Когда Осока поравнялась с ним, техник тихо произнёс:

— Госпожа, не ходите к лифтам, воспользуйтесь лестницей.

Осока так и поступила. Гермодверь запасной лестницы в ангаре оказалась чуть приоткрытой. Джедайка выскользнула с площадки на палубу ангара, и тут же рабочий дройд плотно закрыл дверь и повернул кремальеру. Изменение маршрута оказалось весьма полезным. Обернувшись, джедайка увидела, что на выходе, ведущем к лифтовой площадке, две пары штурмовиков выборочно проверяют тех, кто направляется к кораблям. Остальная часть отделения, во главе с сержантом, с расстояния в три метра держала проход на прицеле автоматических бластеров. Проверке подвергались только те, кто не относился к «базовой линии». Видимо, это по её душу, подумала Осока. Не вполне уверенная в своих ощущениях Инквизиторша приказала останавливать всех «чужаков». Не подсуетись вовремя резидент, тут пришлось бы прорубаться с боем и бежать к кораблю под плотным бластерным огнём. Штурмовиков Осоке жаль не было, а вот шальные выстрелы техников, печально известных своей «меткостью», могли покалечить своих же имперцев, она почти увидела это в Силе.

— Спокойно запроси разрешение на взлёт, — распорядилась она.

— Понял, — пилот с забавной фамилией Малахай, стоявший на верхней площадке пандуса, снял с пояса переговорник, связался с диспетчером.

— Окно через семь минут, не задерживайтесь, — донеслось из динамика.

— Давно появились дуболомы на входе? — спросила Осока.

— Минут десять назад. Я на всякий случай отправил Маграс в турель, а Тима посадил за орудийный пульт.

— Разумно. Предупредил, что без команды не стрелять?

— Да, Мастер.

— Не напрягайся, Влад. Пока всё в пределах нормы.

— Влад, они проверяют корабли! — раздался в динамике голос бортинженера.

— Хреново, — Малахай посмотрел на Осоку.

— Пока не очень, — и под удивлённым взглядом пилота Осока развернулась и пошла вниз по пандусу.

Отделение имперских штурмовиков осматривало ближайший корабль. Джедайка спокойно наблюдала за ними, отсчитывая про себя время.

— Если они пойдут влево, успеем взлететь, — сказал сзади Малахай. — Если нет, мы следующие.

— Не говори под руку, — буркнула Осока. Взгляд сержанта сквозь очки шлема, наконец-то, упёрся в неё. Позволяя коснуться его сознания даже на расстоянии полусотни метров. Штурмовик секунду подумал… и сделал знак подчинённым двигаться дальше. Влево.

— Заводи шарманку, — сказала Осока пилоту.

— Что? А, понял, — Малахай метнулся в сторону рубки. Осока, подняв пандус, не спеша пошла следом.

— Только бы они не закрыли старт, — приговаривал Малахай, спешно выполняя предстартовые процедуры.

— Не каркай, — посоветовала Осока. — Мысль материальна. А вообще, если бы собирались, уже бы закрыли. Но такого указания им не поступало, а инициатива в армии…

— …наказуема, — ухмыльнулся бортинженер Тим Крица, он, в отличие от Влада, служил срочную на родине.

— Верно.

— Всё равно не понимаю, — покачал головой Малахай. — Странные какие-то приказы.

— Дело в том, что ситы самонадеянны. Та, что охотилась за мной, была абсолютно уверена, что убьёт меня в поединке. И, в то же время, они всегда испытывают подсознательный страх. В данном случае, страх неудачи.

А признаться себе боятся. Вот она и подстраховалась наполовину.

— Чудны дела Твои, Сила, — хмыкнул пилот.

Четыре минуты спустя старый грузовик беспрепятственно выскользнул из ангара станции и, выйдя в нужную точку пространства, стремительным прыжком затерялся среди звёзд сверкающего галактического рукава.

Падишахи Галактики

Истребитель шёл над планетой со скоростью, близкой к круговой. Здесь, на высоте почти ста километров над поверхностью, движение казалось медленным и неспешным. Ландшафт, местами подёрнутый пеленой облаков, проплывал под днищем лениво, словно насмехаясь над цифрами панели спидометра. Казалось, ничто не способно изменить это плавное скольжение. При эволюциях машины поверхность продолжала медленно уползать уже под крыло, а поведение истребителя менялось из-за бокового ветра, на этой высоте несильного, но при такой скорости уже ощутимого.

За моей спиной раздался электронный посвист, и на экране центрального дисплея побежали слова:

ТРАЕКТОРИЯ БЕЗОПАСНА, НО НЕОПТИМАЛЬНА. ДЛЯ СНИЖЕНИЯ И ПОСАДКИ СБРОСЬТЕ СКОРОСТЬ ДО 2500 КЛХ, ДЛЯ УХОДА НА ВЫСОКИЕ ОРБИТЫ…

— Спасибо, Кьюти, — улыбнулся я. — Ты очень любезна.

Словно перекликаясь с сообщением астромеха, в наушниках раздался голос Падме Амидалы, моей троюродной сестры и, по совместительству, «духовной сущности» одноимённого корабля:

— Алекс, скорость мала, проваливаешься!

— Знаю, — сказал я. — Хочу опуститься до восьмидесяти пяти и снять тепловые графики.

— На такой скорости?? С ума сошёл? Сгоришь!

— То мала, то велика… Успокойся уже, корабль-нянька. Когда я сижу за твоим управлением, ты никогда так не дёргаешься.

— Да потому что тут я чувствую, что ты делаешь. А там мне не слышно, и машина для тебя незнакомая. Дай телеметрию, хотя бы.

— Это пожалуйста, — я потянулся к панельке связи, расположенной у самого колпака в районе локтя. Чёрт, как неудобно! Прежняя владелица истребителя таких сложностей, наверное, не испытывала: панели управления по бокам располагались, как раз, в зоне досягаемости её лекк.

— Другое дело!

— Иду на режим, — для протокола сообщил я. — Снижение на эшелон девяносто – восемьдесят пять, снимаем температуру корпуса. Кьюти, карту термодатчиков на центральный дисплей.

Экран потемнел, и вместо навигационных данных на нём появился контур машины, обведённый двумя жирными зелёными линиями – внешняя температура и температура внутри корпуса под теплоизоляцией. Движением рукоятки я направил истребитель в отлогое снижение. Честно говоря, органы управления на этом классе машин мне не нравились. Я понимал «гражданскую» систему со штурвалом, фирменные лоронарские джойстики, но эта «симметричная»… Галактические истребители, кроме «двустволок», управляются парой одинаковых рукояток по бокам кресла пилота, точь-в-точь ручки от лопат. Каждую можно отклонить вверх-вниз, вправо-влево и повернуть вокруг оси. Ну, и кнопка фиксирования ориентации, как водится, под большие пальцы. Рядом, со стороны борта, размещаются ползуны управления тягой, тоже одинаковые с обеих сторон. Вроде, и интуитивно понятно, и гибко – можно «рулить» любой рукой или давать обеими две команды в разных плоскостях – а, всё равно, требует привыкания.

— Закрой маневровые, — подсказала Падме.

— Да, спасибо, что напомнила, — я тронул переключатель, и полуэллиптические кожухи, за которыми скрывались сопла маневровых блоков, надвинулись на законцовки крыльев, заодно защитив от набегающего потока пушечные установки.

По мере погружения в атмосферу зелёный цвет наружной линии быстро сменился жёлтым, затем, местами, и оранжевым. Внутренняя температура росла гораздо медленнее и равномернее. Чуть сдвинув рукоятку вверх, я увеличил угол атаки, чтобы не зарываться глубже.

— Кьюти, как оцениваешь температурную кривую? — спросил я.

ТЕПЛОИЗОЛЯЦИЯ В ИСПРАВНОМ СОСТОЯНИИ. ДЛЯ ПОЛНОЙ ПРОВЕРКИ СИСТЕМЫ ОХЛАЖДЕНИЯ УДЕРЖИВАТЬ РЕЖИМ ТРИ МИНУТЫ ДОЛЬШЕ.

— Три так три, держу, записывай.

— Может, хватит? — сказала Падме. — Днище уже докрасна раскалилось.

— Где? — движением шарового контроллера я развернул тепловую схему в профиль. — Только до оранжевого, да и то нос и кромка крыла. Хороший корпус, качественный.

Охладители проверку выдержали так же хорошо. Как только на дисплее замигала надпись «ТЕСТ ЗАВЕРШЕН», я ещё сильнее приподнял нос истребителя и прибавил тяги двигателям. Пробка из бутылки, там можно было охарактеризовать этот прыжок. В разреженной среде ионные двигатели тянули отлично, выбросив меня сразу на сто двадцать километров.

— Сестра, можно, я вас погоняю немного? — предложил я. — Пока корпус остынет.

— Это ещё кто кого! — долетел до меня возмущённый голос моей подруги Осоки Тано. — Дай-ка управление, Падме!

И вот тут я понял, что пилот я по-прежнему так себе, средненький. Казалось бы, лёгкий и манёвренный истребитель должен без труда выиграть у «Амидалы», при такой заправке весящей около пятисот тонн. Не тут-то было! Зайти кораблю в хвост мне не удалось ни разу, а вот Осока так и норовила развернуться ко мне днищем, подставляя под убийственные стволы передних спарок. В реальном бою я раза четыре успел бы стать трупом.

— Вот чего стоят все мои якобы навыки, — вздохнул я, подводя истребитель к раскрывающимся створкам донного люка.

— Можем поменяться, — отозвалась Осока. — И убедишься, что на знакомом корабле картина будет другая. Вот почему, скажи на милость, ты не использовал подвижную установку на «загривке»? Это бы дало тебе фору.

— Тьфу ты, действительно!

— Как аппарат? — спросил механик Иан Кудра, едва трюм наполнился воздухом, и появилась возможность подойти к кабине без скафандра.

— Во! — я оттопырил большой палец, соблюдая стародавний ритуал.[1] Включил механизм открывания колпака и поднялся на ноги, не забыв прихватить меч из зажима на правом борту. Зажим предназначался именно для этого конкретного меча. Вряд ли владелица, приклеивая его когда-то к боковой панели, предполагала, что и зажимом, и мечом воспользуются снова спустя долгое время после её гибели. Возможно, истребитель так и сгнил бы на заброшенной астероидной станции среди груды пустых контейнеров и ставшей ненужной военной амуниции, если бы его местонахождение не подсказал нам призрак.

— Мне тоже нравится эта машинка, — Осока стояла в дверях трюмного помещения, и я не сразу увидел её из-

[1] «В бой идут одни старики», реж. Л. Быков, к/ст им. Довженко

за высокой кормы аппарата. — В трюм влезает, ещё и место остаётся, вооружение просто шикарное. И летать можно вдвоём, в отличие от «Актиса».

— Да, в отсеке для астромеха неплохое складное сиденье, — кивнул другой механик, Базили Вран. — Спинка регулируется по наклону, даже тебе, Мастер, с твоим «украшением» будет достаточно места.

— Раз все так довольны, оставляем себе, — подытожила панторанка Рийо Чучи, Генеральный Директор нашей фирмы.

— Рабочее место пилота придётся перекомпоновывать, — заметил я. — У нас же нет пары хвостов на голове, как у некоторых…

— А у кого есть, не умеют ими шевелить, — развела руками Осока.

— Именно. Поэтому панели в районе локтей нам неудобны категорически.

— Надо думать, куда переносить, — сказал Базили. — Ниже главных ручек – тоже неудобно, ногой загородятся. Может, в борт врезать, над движками тяги? Покумекаем.

— Вообще-то, пара дополнительных конечностей точно бы не помешала, — задумчиво произнесла Рийо.

В этой системе нам больше делать было нечего, и «Амидала», выбрав одну из «экономных» точек, позволяющую затратить меньше энергии на прыжок, ушла за свет. Экипаж во время перелёта занимался кто чем. Механики так и залипли на нижней палубе, видимо, сразу решили взяться за кабину нового приобретения. Фоллинка Натуа Хисс читала что-то на панели компьютера в своём уютном секретарском уголке возле лифта, возле неиспользуемой двери в машинное отделение, делала пометки пером, готовила к отправке почту. Мы с Осокой сидели в рубочном зале, смотрели скачанные из Голонета последние новости, а Падме, успевшая уже глянуть их на

ускоренной перемотке, комментировала. В последнее время она стала относиться к брехне имперского «коллективного Геббельса» значительно проще и с изрядной долей ехидства. Ну, в самом деле, в иных новостях странностей или прямого передёргивания фактов мог не заметить либо восторженный дурачок, либо упёртый фанатик. Дела у императора Палпатина шли вовсе не так безоблачно, как изо всех сил старались показать средства массового оболванивания.

— Не пора ли обедать? — спросила, потягиваясь, Осока, когда закончился очередной новостной блок.

— Да вот и я говорю, пора, — моментально отозвался из гостиной Иан, они с Базили, как раз, только что поднялись на лифте снизу.

— Собственно говоря, обед почти готов, — сказала Падме. — Я же знаю, биологические часы уроженцев Брега в этом плане точнее изотопных.

— А где, собственно, Рийо? — поинтересовался я.

— Ушла из жизни в работу, вернётся к трём пополудни, — съехидничала Осока. — Давайте пока развернём столы, потом позовём.

Хорошо, что мы успели накрыть на стол! Иначе, думаю, кто-нибудь что-нибудь уронил бы. Осока, как раз, протянула руку, чтобы открыть дверь каюты Рийо, когда дверная плита с едва слышным шипением скользнула в сторону, и мы все пятеро остолбенели от изумления. На пороге стояла панторанка. Но вместо привычной пушистой копны розовых волос с головы на её плечи опускались два гибких голубых хвостика.

— Это что у тебя? — хором спросили мы с Базили.

— А помните шпионку, которую мы изловили на Киросе? — лукаво улыбнулась Рийо. — На ней была эта штука.

— Нейроинтерфейс, — подсказала Падме.

— Да, я решила попробовать.

— И как?

— Довольно странно. Как будто на голове ничего нет, и это всё моё тело. Причём, началось с головы, а теперь и лекки чувствуются. Как живые, до самых кончиков.

— Шевелить пробовала? — поинтересовался Иан. Рийо кивнула, развела руками:

— Несколько раз, но ничего не получается. Вот, смотри сама…

Голубые лекки вздрогнули, по правой пробежала волна судорожных сокращений, будто от воздействия током, кончик левой на мгновение загнулся крючком и снова повис.

— М-да, — Осока подошла к ней. — А что ты хотела сделать?

— Закинуть правую за спину.

— Может быть, попробовать радикальный способ? — моя подруга протянула руку и вдруг ущипнула панторанку за лекку в районе уха. Та вскрикнула, пошатнулась, схватилась за Осокино плечо.

— Ошалела?? — возмущённо воскликнула она. — Больно же, в глазах потемнело! И голова опять закружилась.

— Прости, я подумала, что так можно включить в этой штуке рефлексы. И, кажется, не ошиблась. Скажи мне, где сейчас твоя правая лекка?

— За спиной, где! От такой боли и хатт хвост отдёрнет!

— А левая? — с улыбкой продолжала допытываться Осока.

— Вот… — и Рийо показала ей хвостик, легко подняв его усилием «встроенной» мускулатуры. — Ой. Она двигается… Как я хочу.

— Чего и требовалось достичь. Голова больше не кружится?

— Нет. Прошло. В самом начале, когда надела, было так же. Хорошо, диван был рядом, я так на него и села.

— С незнакомыми эксплантами надо быть аккуратнее, — Осока покачала головой.

— Учту, — Рийо снова пошевелила кончиками лекк, добавила: — Интересное устройство. Пожалуй, поупражняюсь с ним немного. Вдруг когда-нибудь пригодится?

Следующие несколько дней панторанка училась обращаться с биокибернетическими лекками так же, как делают настоящие твилеки. Было занятно наблюдать, как она перелистывает ими страницы, водит кончиками по сенсорному экрану или, набирая текст, тюкает по голографической клавиатуре. Второе получалось гораздо лучше: для тонкой моторики пока не хватало координации. Впрочем, Рийо сдаваться не собиралась, она, как и Осока, не привыкла бросать начатое на полдороге. В системе Куларин, куда мы прибыли, проживало довольно много её знакомых ещё по временам Панторы, в том числе, и твилеков. Когда неисправный фрегат «Хелси» вынес нас сюда на резервном гиперприводе, многие из тех, кто бежал от имперцев со станции «Румелия», предпочли остаться на Дорумаа, курортном спутнике внешней планеты Алмас. Кто-то устроился в туристической отрасли, другие – на космодромы, а после появления здесь нашего ремонтного дока многие вернулись к прежнему руководителю. Женщины-твилеки приняли идею Рийо на «ура», подобрали ей традиционную одежду, головной убор и все аксессуары вплоть до ушных фильтров. И представили соплеменникам как Рини’сарэш, то есть, Ринь из семьи Сареш, только что прибывшую с Тариса. Надо сказать, твилека из Генерального Директора получилась вполне убедительная. Большинство женщин этого вида очень красивы: правильные черты лица, изящное телосложение, природная пластика. Рийо этому стандарту

соответствовала почти на сто процентов, недаром и в сенатский период, и позднее её благосклонности добивались самые видные кавалеры с разных планет. Голубой цвет кожи, придающий панторанке толику пикантности в глазах представителей базовой линии человечества, отлично подходил под твилечью расу *рутиан*. Как выяснилось, Рийо знала и *рилль*, родной язык твилеков – не идеально, но вполне достаточно для уроженки Тариса, где в семьях разговаривают, в основном, на стандартном *базике*. Сейчас она училась жестикулировать в разговоре лекками, заменяя жестами те эпитеты, которым не было аналога в куцем словаре базик стандарт.

— Тебя ещё никто не заподозрил? — поинтересовалась Падме, когда панторанка, возвратившись с очередной вечеринки, *энки*, как называли это сами твилеки, и пересказывала новости, которые узнала от какого-то молодого человека, корабельного энергетика.

— Пока нет, — улыбнулась Рийо. Хотя мужчины за глаза и говорят, что я удивительно образована даже для уроженки Тариса.

— Но клеятся, всё равно, да?

— Не то слово. В прошлый раз это была проблема. Прямо отшить нельзя, не принято, приходилось терпеть.

— А сегодня?

— Сегодня я уже учёная была. Девчонки объяснили, что и как надо говорить, чтобы отстали.

Беда случилась на одиннадцатый или двенадцатый день, считая с того момента, как Рийо впервые примерила нейроинтерфейс. После обеда панторанка в компании подруги-твилеки отправилась вниз, в прибрежный посёлок, на базар. Солнце уже коснулось краем поверхности моря, а нашей Генеральши всё не было. Падме позвонила домой подруге. Там тоже беспокоились.

— Не случилось ли чего? — сказал я. — Сестрица, объяви-ка по доку боевую…

— Поздно, — перебила Осока. Она сидела на диване, спина прямая, как гвоздь, глаза прикрыты. — Её нет на планете.

— Похищение? — хором спросили мы с Падме.

— Очевидно. Вы же не думаете, что она внезапно решила слетать в круиз или сбежала с ухажёром?

— Чёрт, — я потёр лоб. — Направление, конечно, указать не сможешь?

Осока только руками развела. На сравнительно небольшом расстоянии она могла довольно точно определить с помощью Силы, где находится знакомый ей индивидуум, но дальше, в космос, ощущения становились нечёткими и туманными. Особенно тогда, когда в дело вмешивалось гиперпространство.

— Всё, что могу сказать – угрозы её жизни в ближайшее время не просматривается. А страдания вероятны, — моя подруга поднялась с места. — Надо искать.

— Каким образом?

— Проверить порт, это раз. Возможно, её видели на посадке в какой-то корабль. Осмотреть рынок, это два. Опросить возможных причастных, это три.

— Опрашивать можно до морковкиного заговения! — возразил я.

— Ну, почему. Похитители – либо работорговцы, либо пираты. Либо случайный отморозок, маловероятно, но вдруг. В последнем случае его могли засечь те или другие. Сделаем вот как…

Через десять минут группа докеров и охраны отправилась в посёлок, две другие во главе с Ианом и Базили – по терминалам космопорта. Себе Осока оставила переговоры с работорговцами, эту публику она повидала и знала, как с ними надо разговаривать. Меня же попросила

пообщаться с местными представителями Адвокатов Куларина. Эта разветвлённая организация располагала офисами не только в здешней системе, но и на планетах других звёзд сектора, и официально занималась вопросами выкупа заложников и кораблей, захваченных местными пиратами. На деле Адвокаты Куларина работали ещё и наводчиками на тех же пиратов. Как я ни спешил, Падме заставила меня надеть пиджак и галстук. И взять с собой Бету: присутствие старинного боевого дройда хоть кому придаст солидности и статуса. В случае драки – тем более.

Офис Адвокатов располагался в том же каньоне, что и доки, то есть, внизу, под главным посадочным полем космопорта. Снаружи, со дна каньона, к нему вела высеченная прямо в скале лестница, она оканчивалась на небольшой ровной площадке, а входной дверью адвокатской конторе служили корабельные взрывозащитные ворота. Поправив галстук, я приблизился к комингсу, где флуоресцентной красной линией была обведена панель замка, надавил на прямоугольный сенсор. Вокруг «кнопки» засветился белый контур, прозвучал низкий хриплый гудок, заставивший меня вздрогнуть от неожиданности, до того он напоминал стрелочный ревун на станции метро. Вслед за этим в комингсе открылась ниша, и из неё со скрипом выдвинулся на гибкой подставке металлический ящичек с полупрозрачной стенкой. Внутри явно находилась голокамера, а, возможно, и голопроектор, при необходимости демонстрирующий изображение швейцара или администратора. Впрочем, если он и был, ради меня его включать не стали. Вместо этого бесцветный бесполый голос из вокодера осведомился:

— Какие проблемы, парень?

— Добрый вечер, — вежливо ответил я. — Необходима консультация по вашему профилю. Сегодня в Крик Маре похищена наша сотрудница…

— Проваливай! — прервал бесполый голос. — Иначе останешься здесь навсегда.

Камера с тем же скрипом убралась обратно в комингс. Одновременно под сплошным на вид каменным козырьком открылся проём, и из этой щели высунулись короткие толстые рыла спаренного автобластера. Я покосился на Бету. Она кивнула и произнесла всего одно слово:

— Замешаны.

Я был того же мнения. В противном случае, зачем так сразу угрожать оружием? Я разве грубил? Хулиганил? Дверь вынес? Ну, что ж. Придётся именно так и поступить. Выдернув меч из пенала на пояснице, я подпрыгнул и рубанул по стволам – чёрт, едва увернулся от падающего обрезка! Затем перечеркнул крест-накрест нишу камеры, вдруг там тоже есть оружие. И, погрузив кончик лезвия в металл, начал аккуратно, но быстро вскрывать дверь. Гермозатвор у них хороший, такой надо резать умеючи, иначе куски створок заклинятся в дыре. Хорошо, что Осока научила меня чувствовать толщину преграды. Каких-то двадцать секунд – и почти правильный полукруг металла с остывающим оплавленным краем вывалился наружу. Теперь вторая половина… Засевшие внутри «юристы» решили не ждать, когда я закончу и примусь за внутренние створки. Косая щель между створками вдруг разошлась, как исполинский рот в кривой усмешке. Ожидая выстрелов, я отпрянул в сторону, а вместо этого через щель вылетел наружу продолговатый металлический предмет. Бета, до той секунды не двигавшаяся с места, ловко подхватила его, не позволив коснуться площадки, и плавным метким движением засунула обратно. Жахнуло так, что из щели между створками ударил столб пыли и каких-то лохмотьев. Противотанковая, гады! В металлических руках Беты уже были бластеры. Несколько выстрелов в темноту – и дройдесса снова замерла.

— Живых нет, механизмы обезврежены, — сказала она. — Режь дальше.

Во внутренней преграде я решил ограничиться одним полукругом и, как только отрезанная створка провалилась в помещение, хотел ворваться следом с мечом и пистолетом наперевес.

— Стоп. Пусти вперёд даму, — удержала меня Бета.

С ловкостью и изяществом, какого не ожидаешь от высокой, под метр восемьдесят, статуи в доспехах, она проскользнула в проём.

«Минус два, — послышалось в моём наушнике. — Охрана. Пять целей уходят по коридору».

— За ними! — приказал я, пробираясь внутрь офиса.

Помещение у Адвокатов оказалось довольно скромным. Скорее всего, раньше это был небольшой гараж или мастерская по ремонту спидеров. Планировка рассчитывалась на то, что клиенты, в основном, будут прилетать на машинах. Правая сторона зала была отдана под стоянку, левая – отгорожена лёгкой стенкой, сейчас заметно вмятой от взрыва тяжёлой гранаты, и за ней располагались собственно офисные помещения. Бета уверенно провела меня по коридору вправо, поворот налево, снова направо, в прежнем направлении. Здесь нас ждал заслон. Дройдов-коммандос Бэ-Икс я уже встречал и знал, как дьявольски быстры эти машины. Бластеры Беты буквально засыпали створ коридора плазменными сгустками, и всё же, только один из механических бойцов получил критические повреждения, рухнув прямо у наших ног. Второй – прыгнул, выставляя перед собой оружие. Электрические дубинки, которыми были вооружены коммандос, способны убить человека через скафандр, необратимо разрушить электронику дройда, а самое поганое – держат, хоть и недолго, лезвие светового меча. Бета применила единственно верный в данной ситуации приём. Выпустила из рук бластеры, блокировала руки

противника за предплечья, чтобы не дотянулся до корпуса, а дальше, как заправский айкидока, использовала инерцию его движения. С ужасным грохотом дройд ударился о монолит стены. Я, так быстро, как только мог, рубанул его мечом, раз и второй. Бета вывернула дубинку из отрубленной руки и молниеносно ткнула другого дройда под металлический череп. Как раз вовремя, потому что в расстрелянном корпусе включились какие-то резервные цепи, вспыхнули огоньки видеосенсоров, и трёхпалая рука дёрнулась в направлении оружия.

— Скорее, уйдут! — поторопил я.

— Теперь – вряд ли, — с механическим спокойствием отозвалась она.

За поворотом коридор пошёл вверх, вдали блеснул дневной свет. Ещё несколько мгновений, и мы выскочили наружу через узкую дверь запасного выхода, Бета впереди, я за ней. Работники адвокатской конторы пиратов были здесь, всё трое. Тощий *муун*, наутолан со щупальцами вместо причёски и человек, судя по оттенку кожи – уроженец какой-то тропической планеты. Все смирно лежали лицом вниз. Человек испуганно косил чёрным глазом на воронку, дымящуюся справа от него. Такие же следы попаданий виднелись с другой стороны и впереди, на каменной осыпи, куда эти трое собирались бежать. А над отрогом каньона, размерами больше похожего на большой овраг, внушительно нависал клиновидный корпус «Амидалы».

— Ну, что, набегались, гаврики? — ласково спросил я, наклоняясь над ними. — Рассказывайте, не томите. А то шкуру спущу.

— Мы просто наёмные служащие и ничего не знаем об этом, — дрожащим тенором заявил муун. Блеял он весьма убедительно, однако, я, научившись за последние годы разбираться в поведении самых разных людей, не поверил ему ни на секунду. Адвокат пытался изобразить

страх, а на самом деле не боялся ни капельки, был напряжён, но собран.

— О чём вы не знаете? — подбодрил я.

— О вашей сотруднице. Её, должно быть, заказали нашему боссу, тот субъект. После разговора с ним босс сразу приказал вызвать охотников.

— А зачем было гранатами кидаться? Я вас, вроде, бить не собирался. Сначала.

— Это охрана! Дураки на всю голову. Я им говорил не связываться с дж… — муун проглотил запретное слово.

— Босс где?

— Удрал на спидербайке, как только увидел меч. Поторопитесь, сэр, иначе упустите.

— Байк догорает чуть выше, на плато, — Падме, пользуясь способностями «технопризрака», сама выбирала, вести ли себя как материальный объект или перемещаться свободно, подобно обычному голографическому изображению. Вот и сейчас она, не тратя даром времени, просто «нарисовала» себя рядом с нами. Усмехнувшись, она продолжала, по-прежнему на базик, чтобы понимали задержанные: — А ваш хромой начальник пытается затаиться в камнях, думает, не найдём.

— Госпожа ошибается, он не хромой, — подал голос наутолан. Э, да это женщина? А со спины и не подумаешь.

— Уже хромой, — качнула головой Падме. — Когда предупреждают по-хорошему, останавливаться надо сразу.

Раскидав камни ещё одним выстрелом спарки, мы извлекли на свет божий главу адвокатской конторы – оливково-зелёного *синитийна* – и втянули его в переходник тракционным лучом. В док возвращались с четырьмя пленными на борту. Там нас поджидала хмурая Осока.

— Вторую девушку нашли мёртвой, — сообщила она. — Но слэйверы не при чём. Как и можно было ожидать.

— Это почему это? — удивился я.

— Накладно похищать взрослую женщину, как бы привлекательна она не была. Потом ломать ей характер, чтобы была покорна…

— Они-то думают, что она твилека, а твилек, насколько я знаю, с детства воспитывают приятными и неперечливыми.

— Попутно прививая умение с тем же невинным видом вить верёвки из своего господина, — усмехнулась Падме. — Ты просто не сталкивался с ними «через стол».

— А у вас что? — перевела Осока разговор в более практическую плоскость. — Чувствую, в кладовках кто-то сидит, беседы дожидается?

Я пересказал эпизод с адвокатами.

— Ясненько, — Осока поправила ремень. — Ну, что же, тащи босса сюда, колоть будем.

— Потолкую я, пожалуй, с наутоланкой, — добавила Падме. — Может быть, запомнила какие-то детали. Мы, женщины, более любопытны, где надо и не надо.

Для допроса Осока выбрала заднюю, гостевую каюту правого борта. Повелительным жестом приказала пиратскому прихвостню сесть на стул, а сама уселась напротив и пристально посмотрела в жёлтые, без зрачков, глаза синитийна. Тот, очевидно, принял паузу за признак неуверенности и попытался взять инициативу в свои руки:

— Что вы себе позволяете? Напали на мой офис, разгромили его…

— Но-но! — оборвала Осока, подняв палец. — Тяжёлых гранат я мужу не давала. У нас их на базе вообще нет. Так что – контору разнесли ваши собственные охранники. С перепугу, видимо. Оставим эту тему. Мне нужна информация. Кто заказал похищение?

— Не понимаю, о чём…

— Прекрасно понимаешь! — моя подруга снова не дала ему закончить. — Упрямиться не советую. Да, я в

курсе, что химия тебя берёт плохо… И про ментальный выключатель тоже.

Адвокат ухмыльнулся.

— Поэтому не будем тянуть вомпа за хвост, — продолжала Осока. — Поступим иначе. Либо ты рассказываешь всё сам, либо я вызываю сюда лантиллианскую эскадру. И одну за другой выжигаю ваши базы по всему поясу, как гнёзда бронекрыс. Ваши главари, конечно, ускользнут, тут-то я и солью им информацию, из-за кого учинён этот разгром. Помнится, Дорел-Кан и Риая – ужасно мстительные существа. К тому же, они весьма изобретательны по части способов долгой мучительной казни…

Оливкового цвета щёки синитийна стали сереть, однако, он ещё пытался хорохориться:

— Блеф! Ты блефуешь, тогрута! Никто не станет выбрасывать в пустоту столько ресурсов из-за какой-то твилеки, даже не баронских кровей! Будь ты даже директором…

— Я – учредитель, — мягко поправила Осока. — И ты, видимо, невнимательно слушал. Она не «какая-то», она – наша сотрудница. А у нас в компании есть одно странное, на твой взгляд, правило: своих мы не бросаем… — она вдруг резко подалась вперёд, так что синитийн невольно отпрянул, и рявкнула: — Говори, слизняк зелёный, хватит препираться!!

И адвокат начал рассказывать. Правда, сначала он, всё же, попробовал вилять, но, когда Осока дважды прервала его речь коротким «лжёшь!», сломался окончательно. Десять минут – и у нас было детальное описание внешности заказчика, его псевдоним, а также клички исполнителей похищения.

— Вот насколько было бы легче, если бы охрана попутно не угробила систему наблюдения, — проворчала Осока. — Зачем нанимать идиотов?

— Как будто их нанимал я! — буркнул синитийн. — Офицеров безопасности назначает Дорел, а подчинённых подбирают они.

— М-да. Ну, иди пока вниз. Бета тебя покараулит, вдруг ещё вопросы появятся.

Искать человека по словесному описанию – дело непростое. Камер уличного видеонаблюдения, которые могли бы помочь нам получить портрет заказчика, в городе не имелось, поэтому Осока особого оптимизма не излучала.

— Давай архивировать его болтовню, — вздохнула она. — Отправим в Службу, может, их аналитики сумеют идентифицировать.

— Вопрос, сколько времени это займёт, — сказал я.

— Погодите! — раздался голос Падме. — Есть нюанс. Секретарша сказала, что на поясе этого типа висел блокнот.

— Вот это уже нечто! — воскликнула Осока. — Игрок!

Тут надо пояснить, что блокнотом в Галактике называется не привычная нам записная книжка из бумаги – или местного её аналога *флимсипласта* – а простенькое устройство на основе голографических технологий. В нём нет ни процессора, ни памяти, только особый светильник, позволяющий активизировать один из сотни слоёв толстой голографической пластины. Активный слой становится виден, на нём можно писать специальным стилом или стирать информацию обратной его стороной. Такое приспособление разрешалось использовать за компьютерным столом для игры в *сабакк*, куда в серьёзных заведениях не допускают электронные устройства, опасаясь мошенничества с колодами. Профессионалы блокнотами не пользуются, во-первых, надеясь на тренированную память, во-вторых, не желая оставлять свидетельств своих подвигов. А вот игроки-любители используют их активно. И больше – почти

никто, кроме, может быть, чиновников, так как голопластина блокнота обходится в два-три раза дороже простенькой деки-«стекляшки». Это была уже зацепка.

Следующие полтора часа ушли на то, чтобы достать архивы видеонаблюдения местных казино за последние несколько суток. Где-то охрана шла на добровольное сотрудничество, где-то приходилось взламывать компьютеры. Среди компьютерщиков нашего дока, к счастью, имелся талантливый хакер, но, увы, только один. В единственном экземпляре был и дройд-аналитик, поэтому параллельно с ним просмотром занимались Падме, Бета и даже медицинский дройд «Амидалы» по имени Герхард, достаточно разумный, чтобы опознать человека по описанию. Живые операторы не могут переваривать видео с такой скоростью, и всё же мы с Осокой тоже подключились к работе, главным образом, чтобы не маяться без дела.

— Ребята, ребята! Кажется, нашла! — воскликнула Падме где-то на третьем часу просмотра. — Смотрите на главном! Похож?

— Да, приметы совпадают все, — подтвердила Осока, обернувшись к главному голопроектору рубки. — Блокнот в руках, чехол от него на поясе, слева, как и говорила секретарша. Стой-стой!

— Что? — Падме тут же застопорила видео.

— Прокрути-ка назад. Да, точно. Старый знакомый, — моя подруга склонилась над клавиатурой. — Одну минуточку… Передай вот этот запрос в контору местного шерифа и в порт.

— Готово… О, быстро они. Есть ответ из порта. Билетов не приобреталось, корабль, зарегистрированный на это имя, стоит на стоянке, владельца дома нет.

— Играет, наверняка. Сейчас поищу его с помощью Силы, — Осока уселась на диван, подобрала ноги, прикрыла глаза, погружаясь в неглубокую медитацию.

— Хорошо его знаешь? — поинтересовался я.

— Нет, не очень, — речь подруги была вялой, как бы сонной, но я знал, что на этой стадии разговор ей не мешает. — У этого типа слегка повышен уровень мидихлориан, примерно, как у тебя. А поскольку он игрок и привык подавлять внешние проявления эмоций, они отдаются такими забавными выплесками в Силе… Ты не волнуйся, Алекс. Мы обязательно найдём её. Не такая наша Рийо, чтобы просто так пропасть.

— Стараюсь не волноваться, — вздохнул я. — Но как тут не думать? Без неё на корабле… пусто, в общем.

Осока заинтересованно приоткрыла один глаз, улыбнулась:

— Как же тогда ты летаешь на задания без нас, только сам и Падме?

— Так и летаю. Я, по крайней мере, знаю, что с вами всё нормально.

— И здесь будет нормально, — она поморгала, опустила на пол ноги. — Полетели в казино. Я его нашла.

В огромном игровом зале Осока уверенно направилась в один из дальних углов, где должен был предаваться пороку искомый субъект. Вскоре и я разглядел за столом у стены его курчавую шевелюру. Осока сделала между столиками крюк, чтобы фигурант не увидел её раньше времени. Придержала меня за руку:

— Подождём минуту-другую.

За столом, кроме нужного нам человека, сидели ещё трое: длиннорогий чагрианин, серокожий виквай и второй представитель человеческого вида, мужчина со странной раскраской на лице. Полоса лба над бровями, верхняя часть щёк и нос имели бронзовый цвет, подбородок и низ щёк были намного светлее. Не сразу я сообразил, что это, скорее всего, след от дыхательной маски. Должно быть, он постоянно работал в атмосфере, малопригодной для

дыхания. Пока я его разглядывал, виквай бросил карты на стол и проскрипел:

— Перебор!

— Бывает, — ухмыльнулся человек. — Вскрываемся, господа?

Чагрианин кивнул:

— Двадцать одно.

— У меня тоже, — сказал человек.

— Двадцать два, — произнёс наш субьект и сгрёб банк середины стола.

— Нужно снять наличные, — вздохнул виквай.

— Конечно, друг мой, мы можем немного подождать, — откликнулся курчавый.

— Я также отлучусь ненадолго, — поднялся с места чагрианин.

Осока в этот момент слегка покивала: то ли радовалась удачному стечению обстоятельств, то ли успела повлиять на чагрианина Силой. Нет, скорее, первое, потому что труженика враждебных планет она таким же образом не сплавила, а, подойдя, сказала:

— Ты тоже погуляй, дядя. У нас важный разговор.

— А ты не обнаглела, дамочка? — угрюмо взглянул на неё тот.

— Обнаглела, — подтвердила она и положила на край стола металлическую кредитную десятку. — Пропусти стаканчик и возвращайся, мы, как раз, закончим.

— Эти бабы! — бурчал трудяга, вылезая из-за стола, одна нога у него заканчивалась дрянным протезом, сделанным явно во Внешнем кольце. — Можно подумать, мне нужны её деньги!

Однако, десятка, всё же, исчезла в его кулаке, и он пошкандыбал в направлении бара. Что касается курчавого, то выдержке его мог позавидовать любой буддийский монах. Он продолжал сидеть на месте, с неподдельным интересом разглядывая свои ногти. Лишь когда партнёр по

столу удалился настолько, что не мог нас слышать, он поднял взгляд и с белозубой улыбкой сказал:

— Хонс, дорогуша, сколько стандартных лет!

— Не так много, как мне, — Осока закинула ногу на ногу. Место она выбрала рядом с курчавым, но развернулась вместе со стулом к нему лицом. Тот повторил её движение:

— Для своего возраста ты прекрасно сохранилась! Между прочим, я так и не выяснил, сколько тебе.

— Не спрашивай, а то узнаешь.

— Какими гравитационными волнами занесло тебя на эту развесёлую планету? — спросил курчавый.

— По работе, — лаконично ответила моя подруга. — А сейчас у меня небольшое дело к тебе.

— Всё, что только в моих силах! — ещё шире улыбнулся курчавый, так что, казалось, кончик его носа сейчас утонет в усах. Осока положила перед ним мини-проектор, включила:

— Этого типа хорошо знаешь?

— Знаю ли я его? О, весьма и весьма относительно. Мне известно, что он эмигрант, бывший политический деятель, а сейчас бизнесмен…

— Понятно, кто же ещё, раз был политиком.

— Любит поиграть в сабакк и на состязаниях. Я имею в виду бега, гонки и всё такое.

— Хорошо. А имя?

— Я не сказал? — курчавый удивился так искренне, что почти можно было поверить: он говорил, а мы прослушали. — Кстати, ты не представила своего спутника.

— Это командир нашего штабного корабля, — ответила Осока. — Мы почти женаты, можешь быть откровенным, как на допросе.

— Твой чёрный юмор неизменно меня восхищает! Фамилия этого человека Жужел, Петас Жужел. Надеюсь, ты не имеешь на него заказ?

— Хуже, гораздо хуже. Сегодня на рынке убита наша сотрудница, вторая похищена. Заказчик похищения – он.

— О-о! — лицо курчавого приобрело страдальческое выражение, глаза глядели скорбно, словно на похоронах. — Мои соболезнования. И, мне неприятно признаваться, но, возможно, именно я – невольно, конечно! – подтолкнул господина Жужела к этим варварским действиям.

— С этого места…

— …поподробнее, понимаю. Видишь ли, как тебе, должно быть, известно, я эстет. Это означает – ценитель прекрасного, питаю слабость ко всему…

— Прошу, обойдёмся без экскурсов в академическую терминологию. Что означает… — светским тоном произнесла Осока. И вдруг резко, с повышением тона, закончила: — …короче, Склифосовский!

— Да-да. Ваша сотрудница – должно быть, та твилека, что я видел у входа на рынок. У неё необычный цвет глаз, я прав? Так вот, обедая с господином Жужелом, я имел неосторожность сказать, что подобная редкая красота высоко ценится у определённой категории разумных, если можно их так назвать.

— И, конечно же, подсказал пару-тройку имён этих низких существ?

— Абсолютно случайно, поверь мне!

— Бесплатно, хотел ты сказать? В это – верю. Нам не шепнёшь?

— Дай деку, напишу. Здесь и у воздуха есть уши, не то что у мебели. Этот отсюда, его легко найдёшь, а этот живёт в пригороде, вот адрес.

— Больше никого не называл?

— Мало кто может позволить себе коллекцию экстремально красивых женщин, — развёл руками курчавый.

— Слово «уникально» подойдёт здесь больше, — поправила Осока. — У тебя такой обширный словарный

запас, Кальриссиан, тебе бы книги писать! А ты губишь молодость за игорным столом.

— С фантазий и сюжетов можно быть сытым, но богатым не станешь, — улыбнулся курчавый в усы.

— Да, для этого есть другие, менее благородные профессии. Счастливо оставаться!

Отойдя на достаточное расстояние, чтобы курчавый не мог нас услышать – вдруг да понимает словиоски? – я сказал Осоке:

— Какой приторно-слащавый тип.

— Под этой слащавостью – монолит, — отозвалась подруга. — Когда отбрасывает в сторону политесы, он становится страшен.

— Должно быть, его кумир – Онака.

— С детства, — кивнула Осока. — Правда, Кальриссиан всегда говорит, что Онака, как все пираты, необразован и склонен к дешёвой театральности.

— Ну, сам-то он прямо-таки упивается знанием мудрёных слов…

— А это следствие убогости базик стандарта. Всякий, кто выражается чуть посложнее, уже выглядит интеллигентом.

— Он назвал тебе покупателей?

— Да. Твилекский барон, а по сути – глава диаспоры планеты Дракенвелл, и богатый *даг*.

— А, помню, ты говорила, этот вид падок на гуманоидную красоту. Думаешь, список исчерпывающий? Не может быть ещё кого-то?

— Нет, я бы почувствовала. Он знает, что лгать мне бессмысленно. Пробовал, — она усмехнулась, и я понял, что та попытка обмана для курчавого окончилась плачевно.

— А что подсказывает Сила? — спросил я. — Кто из двоих?

— Если б я могла так чётко видеть! Вероятность примерно одинаковая. Посетим сначала барона, до Дракенвелла тут рукой подать.

С планеты стартовали в неполном составе: Натуа Хисс решила остаться в системе Куларина. Как секретарь, она была в курсе всех текущих дел компании и могла какое-то время заменять Рийо, но для этого требовалась надёжная связь. Мы её сейчас гарантировать не могли. Кто знает, в какую систему придётся лететь, и какие там условия? В Галактике есть множество мест, где гравитационные аномалии мешают прохождению гиперволн настолько, что для сообщения с внешним миром приходится использовать курьерские корабли или беспилотники.

— О похищении, кроме Главного Штаба, знать никто не должен, — предупредила фоллинку Осока.

— Разумеется, — кивнула та. — Летите, и да пребудет с вами Сила.

Своими размерами баронские угодья клана Афа не уступали поместью сенатора Органы. Стена, окружающая имение, примыкала к крайней улице столичного города планеты. Внутри неё в одном из углов находились дворцовые службы размером с небольшой посёлок, сам же дворец был построен в глубине территории, ближе к противоположной стене. Площадку для спидеров поместья накрывал сиреневый купол силового поля, давая понять всем пролетающим, что внезапным визитёрам здесь не рады. Сканеры «Амидалы» обнаружили и ещё кое-что, скрытое от невооружённого глаза. На крыше одного из флигелей был установлен второй генератор поля, очевидно, затем, чтобы в случае нападения накрыть куполом всё здание. Выдвижные зенитные установки, спрятанные под дорожками парка, обозначали примерный периметр этого поля. Не случайной была и архитектура забора с массивными, якобы декоративными башнями в

форме земной шахматной ладьи. В вершине каждой скрывалась лазерная счетверённая зенитка, во втором поясе – два автобластера ближней обороны. По стенам самого дворца также были распределены огневые точки.

— Дефлекторы – зарядить! — распорядилась Осока. — Алекс, пройди так, чтобы чиркнуть по углу территории, разворачивайся и садись на ту стоянку, что через улицу.

— А не заругают? — усмехнулся я. — Там только для спидеров.

— Падме им стволы покажет, они и успокоятся, — подруга прикрыла глаза, палец её лёг на клавишу включения щитов. Замысел Осоки я понял прекрасно. Оповестить о своём прибытии воем сирен воздушной тревоги, чтобы разглядели как следует. А вздумают палить – Сила подскажет об этом раньше первого выстрела и даст секундочку на включение защиты.

Стрелять по нам не стали, и я спокойно припарковал «Амидалу» прямо среди стоянки, где, должно быть, хранили свои «тачки» жители ближайших многоквартирных домов.

— Пока вы ходите с визитом, мы, пожалуй, слетаем на тот конец города, в промзону, — сказал Иан. — Здесь запчасти для вооружения дешёвые.

Мы с Осокой почти синхронно кивнули. Дракенвелл – резиденция корпорации «Бластек», изготовителя энергетического оружия и узлов для него. Такой OEM-производитель на галактический лад: бласт-каморы их производства обнаруживались в стреляющих устройствах самых разных фирм. Грех не воспользоваться оказией.

— Прут прямо с завода? — поинтересовался я, имея в виду запчасти.

— Фактически, — подтвердил Базили. — Часть годных деталей бракуют как дефектные и сдают барахольщикам, а те делятся с цеховыми.

Корабль стоял немного в стороне от помпезного главного входа в поместье, и мы с Осокой перешли улицу по диагонали, благо наземное движение на ней, как и везде в цивилизованных местах, было незначительным: основной поток спидеров пролетал на высоте четырёх-пяти метров и выше. Вход представлял из себя подобие мавзолея с восьмиколонным портиком, две центральные колонны представляли собой полые прозрачные трубы, внутри которых застыли дройды-охранники. При нашем приближении тот, что слева, пошевелился, поворачиваясь, и произнёс блёклым голосом дешёвого вокодера:

— Что вам угодно?

— Доложите барону, что мы хотели бы его видеть, — сказал я.

— Доложено. Извольте подождать.

Ожидание длилось примерно две минуты, после чего створка высоких ворот чуть отодвинулась в сторону, и в пространство между колонн шагнул твилек. Он был довольно пожилого возраста: от времени сиреневая кожа утратила яркий цвет, подёрнувшись сероватым налётом, и отвисла на щеках, лекки тоже выглядели дряблыми. На виске его я заметил небольшой прибор – простенький компьютерный интерфейс-имплант.

— Добрый день. Моё имя Джар’тракус, я управляющий… — он стрельнул глазами в сторону корабля и продолжал: — Господа представляют власти Империи?

— Нет, у нас акционерное общество, — ответил я.

— В таком случае, прошу изложить, какое дело у вас к Его Сиятельству, — повысив хозяина на целую ступень в иерархии дворянских титулов, сказал твилек.

— Самую суть, — шепнула Осока по-русски.

— Похищена наша сотрудница. Видимо, с целью продажи. По нашим данным, её доставили на эту планету, — коротко изложил я. — Нам известно, что без ведома

господина барона здесь муха не пролетит, и мы надеемся на содействие с его стороны.

— Понимаю, — поцокал языком управляющий. — Похищения это такая мерзость. Я постараюсь устроить, чтобы его сиятельство уделил вам время. Скажем, завтра с утра…

— Простите, но дело не терпит отлагательства. Девушку могут увезти отсюда, и мы никогда её не разыщем. Попросите господина барона принять нас сегодня.

— В этом доме, молодой человек, — назидательно ответил твилек, — приняты строгие правила. Сегодня Его Сиятельство уже никого не примет.

— Господин Ракус, — вмешалась Осока ласковым и, в то же время, страдальческим голосом, — я очень беспокоюсь за неё. Она моя подруга, росла на столичной планете и понятия не имеет о нравах рабовладельцев. Неосторожное слово – и ей причинят вред. Прошу Вас…

— Нет-нет, не уговаривайте, — покачал головой управляющий. — Я не рискую вызывать раздражение его сиятельства, это может кончиться плачевно. Будь вас здесь хоть дюжина…

— И ещё я в придачу! — раздался за нашими спинами знакомый голос. На тротуаре стояла Нола – активистка, спортсменка и, наконец, просто красавица, как, впрочем, девяносто пять твилек из сотни. Выглядела она, словно на приём в Сенат собралась: длинное расходящееся книзу платье, между клиньями чёрной ткани вставлены полоски золотого шёлка с наложенным сверху тонким кружевом, в такой же чёрно-золотой гамме выдержаны перчатки и традиционный головной убор.

— Управляющий! — продолжала она. — Доложите барону, что Наследница Крови Секура и её доверенное лицо просят принять их.

— С-с… сию минуту, Ваше Сиятельство. Буквально несколько секунд, — Джарт Ракус поклонился и скрылся за дверью.

— Откуда ты взялась? — нахмурился я.

— Ребята на курьере подбросили, — церемониальное выражение лица исчезло, как тень, перед нами вновь была та самая Нола, которую два года назад я встретил в кафешке на планете Ансион. Обыкновенная.

— И оставили без охраны? — возмутился я.

— Конечно, нет! Капитан Пятерня меня одну не отпустил. Вон он, на той стороне улицы.

Оглянувшись, я, действительно, увидел капитана, с непринуждённым видом сидящего на столбике ограждения стоянки. Он отсалютовал нам рукой.

— Я как узнала, куда вы летите, — продолжала Нола, — посчитала и поняла, что успеваю. Как думаешь, Осока, она здесь?

— Нет, к сожалению, — покачала головой моя подруга. — Я ещё с орбиты поняла. Но барон может что-то знать, я чувствую.

— Ну, вот, а без меня он бы вас дня два мурыжил!

— Да, у управляющего имплант, давить Силой было опасно.

— Теперь всё в порядке, — улыбнулась Нола. — Барон обязан принять другого барона с визитом и отпустить его невредимым, иначе потеряет лицо. На Наследницу обычай тоже распространяется.

— Правда, на этом правила заканчиваются, — усмехнулась Осока.

— Почти. Гость имеет право взять с собой жрицу клана и, в моём случае, доверенное лицо. В остальном с ним позволено обращаться как угодно. Скажем, пригласить в дом по приставной лестнице в окно третьего этажа. Или беседовать в полузатопленном подвале, чтобы

гость стоял по колено в воде. По части унижений мы большие выдумщики, к сожалению, — девушка вздохнула.

— Думаю, сейчас нас ждёт совсем другой приём. Тебе, правда, от этого не легче.

— Выдержу.

Я не совсем понял, о чём они, однако, спрашивать времени уже не было. Раздвинулись металлические створки, на этот раз, обе, и управляющий вежливым жестом пригласил нас войти… прямо на площадку «летучей персидской туфли», почти такой же, на какой мы передвигались по парку Органы. От ворот ко дворцу вела широкая аллея, обсаженная двумя полосами кустарника – совсем низкого и повыше – за которыми стройными рядами убегали вдаль аккуратно подстриженные деревья. По этой алее мы и… не поехали. Ракус сразу же свернул направо, на отходящую от главной более узкую дорогу, и через минуту вокруг нас сомкнулся настоящий лес, довольно густой. О том, что это, всё же, часть парка, свидетельствовала лишь двухметровая полоса газона на опушке слева и справа, и лента декоративных кустов по её середине. Не успел я решить, чем вызван подобный объездной маршрут, рылом мы, что ли, не вышли ехать по прямой, как впереди показался ажурный пандус из просвечивающего транспаристила. Лэндспидер поднялся по нему до половины высоты деревьев, поворот – и мост окончился на широкой террасе на уровне третьего этажа. Едва мы сошли на мраморные плиты, выскочивший, словно чёртик из табакерки, слуга-виквай занял место за управлением и увёл аппарат прочь. Высокие кованые двери величественно распахнулись, пропуская нас внутрь.

В освоенной Галактике мне раньше довелось бывать всего в двух дворцах – на Альдераане и Набу. У семейства Органы резиденция была выдержана в строгом модернистском стиле, у набуанской монархии – в стиле, схожем с западноевропейским ренессансом, хотя снаружи

дворцовый комплекс имел, скорее, восточный вид. Убранство здешнего дворца чем-то напоминало ближневосточное или индийское и, в то же время, в деталях отличалось и от того, и от другого. Взять, хотя бы, форму колонн, арок. Или решётки, закрывающие «лишние» проёмы. Издали, вроде бы, узор похож на арабский, а взглянешь вблизи – совсем другой, незнакомый. Особенно бросались в глаза двери и окна с характерной ковкой металлических рам в виде стеблей цветущих лиан. Вот мебель, низкая, резная, с толстыми мягкими подушками, пожалуй, неплохо вписалась бы в любой восточный интерьер.

— Прошу сюда, господа, — указал управляющий вглубь анфилады комнат. — И направо.

Он коснулся ещё одной двери, на этот раз, без прозрачных вставок, и она начала открываться. Ракус проскользнул в помещение, и оттуда эхом разнёсся его голос:

— Ваше Сиятельство, Нола, Наследница Крови Секура!

Барон Вуре'нафа восседал в богато украшенном кресле с высокой спинкой, в верхней части которой выделялись три острия со множеством мелких веточек на каждом. Был он не то чтобы толст, но довольно грузен, к основному подбородку прилагались два дополнительных, щёки и лекки тоже изрядно заплыли жиром. Едва мы пересекли центр зала, из боковых ниш бесшумно появились три женщины и проводили каждого к стулу, гораздо более скромного вида, чем у хозяина, с изогнутыми тонкими подлокотниками. Выполнив свою функцию, так же тихо исчезли. Я обратил внимание, что одна из служанок выглядит не совсем обычно, у неё была лишняя, третья лекка – на затылке, почти как у тогруты.

— Приветствую Вас, молодая госпожа, — произнёс барон Вурен.

— Я также приветствую Вас, милорд, — отвечала Нола, повторяя медленный кивок хозяина.

Начались политесы. Восточный характер роскоши дворца сразу натолкнул меня на предположение, что и формальный этикет у твилеков имеет сходный характер. Так и оказалось. Барон осведомился о здоровье местоблюстителя и жрицы, делах клана, Нола отвечала и, в свою очередь, спрашивала что-то в том же духе, вежливо выслушивала… Сначала они беседовали на базик, но постепенно барон перешёл на рилль: то ли ему так было проще, то ли он хотел исключить из разговора нас с Осокой. Не зная, что моя подруга учила этот язык в Храме, а у меня на линии персональный переводчик – Падме с её компьютерной базой данных по галактическим наречиям.

— Слышал я, Ваша матушка нашлась? — спросил, между тем, барон. — Надеюсь, у неё всё благополучно?

— Хвала Рима'ат, — кивнула Нола.

— Чем она занимается сейчас?

— Второе лицо в пресс-службе нашего концерна.

В наушнике я услышал смешок Падме. Да, «пресс-служба». Отдел информации, конечно, занимается связями с общественностью, однако, основная его функция несколько иная. Разведка. Кои Дару-Секура прекрасно соответствовала новой должности, недаром она несколько лет под прикрытием проработала у самого Уилхаффа Таркина и не была разоблачена. Я бы не удивился, узнав, что именно Кои посоветовала дочери лететь к нам на помощь. Иначе откуда бы Нола узнала о ЧП? Она в Главный Штаб предприятия не входит, в отличие от матери.

— Концерн? — переспросил, тем временем, барон. — Секуры отказались от практики множества малых компаний?

— Пока нет, — сказала Нола. — В концерне мы участвуем в качестве акционеров. Дело весьма прибыльное, но, увы, Местоблюститель противится расширению нашей

доли. Его больше интересует благополучие собственной семьи.

Барон покачал головой:

— В таком случае, не лучше ли будет ему основать собственный дом где-нибудь на пустошах?

— Я всё ещё надеюсь убедить его. А нет, — Нола пожала плечами, — у клана моей матери другие методы, более быстрые, чем изгнание.

— Понимаю. По крайней мере, со Жрицей у Вас взаимопонимание имеется?

— О, да. Кое в чём мы расходимся, но это вполне естественно. В общем, всё было бы неплохо, если бы не это похищение, — сумела, наконец, Нола перевести беседу в нужное русло.

— Да-да, похищение. Та женщина, она, что, Ваша родственница?

— Нет, она из союзного клана, Вао'нна с Тариса. Но, согласитесь, когда среди бела дня на безопасной, казалось бы, планете похищают видного экономиста концерна…

— Возмутительно, — согласился барон. — Как она выглядит?

— Рутиан с ярко-жёлтыми глазами.

— Да. Это была она. Экзотическая красота. Мерзавец, похитивший вашу девушку, побывал у меня сегодня утром. Каков наглец! Предлагать мне женщину без документов! Я сразу заподозрил, что контракт с кланом не заключён должным образом. Ах, ну, что мне стоило заплатить и потом вернуть её Вам! Но я же не мог знать…

— А нельзя ли выяснить, куда направился потом этот негодяй?

— Я уже дал поручение. Джарт!

— Да, Ваше Сиятельство, — бесшумно возник рядом управляющий. — Обрадовать нечем. Центр контроля пространства сообщил, что не регистрировал вектор его скиффа.

— Бездельники! — поморщился барон. — Не стану больше им приплачивать. Придётся наводить справки по негласным каналам.

— Не откажите в любезности сообщить, если будет результат?

— Непременно. Оставьте мне адрес. А сейчас, прошу, разделите со мной лёгкую трапезу.

«Тц-тц-тц, отказываться нельзя, кровный абыда, слющай», вспомнил я незабвенного товарища Саахова и понял, что это ещё надолго. Впрочем, барон не просто так пригласил нас к столу. В трапезе, кроме нас, участвовали три его жены и один из сыновей, Бо'кафа. «Сын, просто сын», прокомментировала с ехидцей Падме, имея в виду, что он не наследник, а один из младших. Юноша был довольно красив, тем более, для своего вида, и, хотя унаследовал оранжевый цвет кожи отца, чертами лица очень напоминал одну из жён, красную летанку. Его усадили на противоположном от барона Вурена торце стола, рядом с Нолой, и та бросила на нас с Осокой красноречивый взгляд: ну, вот, начинается. Теперь-то мне всё стало ясно. Какой же баронский отпрыск, включая, кстати, и наследника, откажется жениться на одном из мощнейших кланов Рилота? Для старшего сына это сулит слияние его клана с Секурами, для прочих – просто баронский герб супруги. Парень ситуацию понимал прекрасно и изо всех сил старался понравиться Наследнице. А она… она лишь проявляла учтивость, уж нашу Нолу я за год знакомства изучил неплохо.

— Мне ужасно неудобно, что я не спас вашу работницу сегодня утром, — произнёс барон в один из моментов. — Поэтому я рад буду отправить вам в помощь своего сына. Бок, конечно, не так искушён в полевой работе, как мой старший, Хид, но прекрасно подготовлен физически и поможет поддерживать связь с моими агентами.

— О, милорд, Вы слишком любезны! — попыталась вежливо отказаться Нола, но хозяин был непреклонен, а Бок, довольно улыбнувшись, тихо сказал что-то Наследнице.

— Он ещё не понял, как глубоко влип, — заметил я.

— В смысле? — покосилась на меня Осока.

— Ты собираешься ради него всё время общаться на базик? Я – точно нет, и, думаю, механики со мной согласятся.

— А, вот ты о чём… Его трудности. В конце концов, у них в доме, кажется, принято именно так. Меня больше огорчает, что Падме снова придётся играть в прятки.

«*Ничего страшного*, — тут же откликнулась в наушнике кузина. — *Первый раз, что ли? Вы закругляйтесь там. Сработал троян в личном кристалле Рийо. Сигнал идёт из системы Нексус Ортай*».

— Хороший у него привод, — заметила Осока. Я давно замечал, что моя подруга прекрасно представляет себе расположение друг относительно друга многих звёздных систем, будто у неё атлас в голове.

«*Конечно. На триста двадцать седьмой легко ставится привод с фактором 0.7*».

— Надо туда лететь. Прошу покорнейше меня простить, Ва… — обратился я к барону. Падме быстро одёрнула:

«*Господин барон*!»

— Гоподин барон, — поправился я. — Нам пора. Мой бортинженер сообщает, что поступила информация о местонахождении похитителя.

— Какая система? — спросил Вурен.

— Нексус Ортай.

— Хм-м. Помнится, там есть невольничий рынок. Неужели этот подлец решил продать её, как простую служанку? Такую редкость… Бок! Быстро в мой кабинет, посмотри, остались ли там ещё наши агенты. На Нексусе

резиденция недружественного клана, — пояснил он для нас, — и у них превосходная контрразведка. Сколько раз мои ребята там гибли.

Бок возвратился через несколько минут.

— Отец, активные агенты есть, двое.

— Превосходно, — обрадовался барон. — По прибытии свяжешься с ними. Отправляйтесь без промедления, друзья мои, и высокой вам пустоты!

В холле перед балконом слуга подал Боку снаряжение, баронесса, его мать, вручила мощный ручной бластер, габаритами с пистолет-пулемёт. Парень надел обруч оголовья, проверил, как двигаются стебелёк микрофона и зеркальное голографическое забрало и последовал за Нолой к спидеру, на этот раз, воздушному, за штурвалом которого сидел уже виденный нами виквай. Ни дать, ни взять, бывалый солдат, отправляющийся на боевое задание, далеко не первое в карьере.

— Импозантен, а? — толкнула меня локтем Осока.

Важничал Бок примерно минуты две, до того момента, как спидер коротким прыжком доставил нас прямо к трапу «Амидалы», и баронский сын увидел сначала корабль, а затем сидящего на пандусе Пятерню. Парень мгновенно осознал, что рядом с клоном выглядит примерно как юный оруженосец на фоне былинного богатыря. И что его боевая подготовка нужна нам не больше, чем рыбе зонтик. В общем-то, Афа были не первыми, кто допускал подобную ошибку. По моему виду сразу ясно, что я не супермен, хотя фехтовальные упражнения последнего года и дали некоторый эффект. Осока, на первый взгляд, тоже вполне обыкновенная, к тому же, тогрут в Галактике привыкли воспринимать как сугубо мирный народ, в отличие, например, от забраков. Вот и судят «по обложке» обо всей компании, пока не столкнутся с нашими ветеранами или не увидят Осоку в деле.

— Снаряжение закрепите вот здесь, справа от пандуса, — сказал я Боку. — Свободная каюта есть на средней палубе, наш механик Вам покажет.

— Да-да, не беспокойтесь, стартуйте, время дорого.

После старта все, кроме Базили, собрались в рубочном зале корабля. Я уже собирался заряжать накопители для перехода за свет, когда голос Падме, специально для гостя чуть искажённый, сообщил:

— Вызов по дальней связи. «Фантомы».

— Как всегда, очень вовремя! — поморщилась моя подруга, бросив короткий взгляд на твилека. — Ладно уж, переключай на гостиную, пойду, поговорю.

В открытую дверь мы видели синеватый отсвет включённого голопроектора. Осока перешагнула порог, выжидательно оглянулась.

— Маскиратор настроен, — сказал от пульта связи Иан. — Говори.

— Спасибо, — одними губами произнесла Осока и повернулась к невидимому нам собеседнику: — Здесь Фалкрам, слушаю тебя, «Фантом-1».

Створки двери сомкнулись. Но ненадолго. Отсутствовала Осока всего две или три минуты. Вернувшись в рубку, на мой вопросительный взгляд махнула рукой:

— Они опять влипли в историю. Решили разобраться с пиратской шайкой, теперь те их по всему сектору гоняют.

— «Сначала мы хулиганов ловили, а когда поймали, они нас бить начали», — процитировал я из раннего Хазанова.

— Вот-вот.

— Снова отправим спасателей? — спросил Иан.

— Ага, счас, — фыркнула Осока. — Прямо весь флот фирмы туда и зашлю. Тут как тот тигр, сами напали, пусть теперь сами и отбиваются. Включай гиперпривод, Алекс.

Я передвинул рычаг, и звёзды за блистером вытянулись в сияющие нити.

— Честно говоря, я вообще не могу понять, зачем ты возишься с этой гоп-компанией, — продолжал механик. — Кто тебе эта Синдулла?

— Синдулла? — навострила ушки Нола. — С Рилота? Не дочь ли Чемс'индулла?

— Она самая, — подтвердила Осока.

— Тогда, прости, но я присоединюсь к вопросу, — сказала Наследница. — Связываться с Синдуллами, это…

— Последнее дело? — подсказал я.

— Вроде того, — кивнула твилека. — У нас их не очень любят. Глава семьи, достопочтенный Чем, строит из себя народного вождя, бескорыстного борца, a en fact интересуется только собственной популярностью. Будет ему выгодно, кого угодно подставит, глазом не моргнёт. Вам надо маму мою спросить, она с ним не раз пересекалась.

— Видимо, Гера не совсем в своего отца, — пожала плечами Осока. — Или просто не в курсе. Она, как раз, искренне верит, что делает, как лучше.

— А получается, как всегда, — хмыкнул я. — Знакомо.

— Я, собственно, эту компанию подобрала не из-за неё. Есть там ещё кое-кто… — моя подруга извлекла из кармашка на поясе накопитель, подключила, открыла изображение. На голографии были изображены четверо: Гера Синдулла с кожей такого же точно оттенка, как у матери нашей Нолы, и выразительными изумрудными глазами, худощавый парень с бородкой, девушка-подросток в размалёванной яркими красками мандалорской броне и представитель отдалённо гуманоидной расы, низким лбом, формой губ и волосатостью напоминающий питекантропа.

— Девчонка, что ли?

— Да. Исключительно талантливая негодница. Ты, помнится, хотел посмотреть на того, кто придумал схему генератора для системы «Двойник»?

— Неужели? — механик покачал головой. — В таком возрасте? Умненькая девочка.

— Цены бы не было, кабы не характер и не вечное желание что-нибудь взорвать. Не иначе, наследственное. И в качестве довеска – любовь к настенным росписям.

— Ты их так и собираешься держать на привязи?

— Пока да. Пусть лучше Синдулла и Джаррус выполняют мои задания…

— По большей части, совершенно бессмысленные, — усмехнулся я.

— Хоть бы и так. Они-то этого не знают, — подмигнула подруга. — И тешатся чувством собственной значимости. По крайней мере, не будут искать связи с Сопротивлением и не нарвутся на каких-нибудь отморозков. Сам же говоришь: боец без работы – потенциальный преступник.

— Говорю, — кивнул я. — Как, говоришь, зовут этого парня?

— Кейнан Джаррус, а что?

— Мне кажется, где-то я его уже видел… Мы не могли с ним раньше встречаться?

— Нет, вместе точно не встречались. Может быть, когда ты сам куда-то летал? На Ансионе, например? Или на Лантиллисе?

— Пёс знает. Вертится мысль, а ухватить не могу. Взгляд помню хорошо. А бородку не помню.

— Без бороды он ходил очень давно. Когда ещё носил имя Дюм, Калеб Дюм. Не напрягайся, отложи мысль на полочку, через некоторое время мозг сам всё вспомнит.

— Да, наверное. А что это у тебя за позывной такой? Фалкрам.

— Технический термин. Означает «опора» или «ось». Для этой публики самый подходящий смысл.

— Да. Покровительница и хранительница, — согласился я. — К тому же, оба значения созвучны твоему имени.

— Ну, это только мы с вами понимаем такие нюансы, — лукаво улыбнулась Осока, вновь покосившись в сторону Бока. Парень всё это время сидел, хлопая глазами, он из нашего разговора если что и понял, то отдельные слова.

— Новые сложности, господин капитан? — спросил он у меня.

— Нет, всё по плану, рутинный доклад полевых агентов, — сказал я.

Пятичасовой перелёт прошёл в обстановке нарастающей нервозности. Механики в машинном отделении в два голоса ругали какой-то прибор, никак не желающий «мычать и телиться». Пятерня успел вычистить до блеска весь и без того ухоженный корабельный арсенал, проверить хранящиеся в трюмных нишах запасные ракеты. Нола, чтобы заняться хоть чем-то, разбирала архив своей тётушки в памяти Кьюти, читала нам с Осокой выдержки из старых отчётов, мы – слушали, хотя и успели уже просмотреть эти файлы по дороге на Куларин. Что касается Бока, то он, посидев немного с нами и убедившись, что Наследница не изволит обращать на него внимания, отправился шляться по кораблю. Разглядывал декор, вывешенные в лифтовых холлах флаги планет. Думаю, прогулка вышла весьма познавательная. Интересно, сообразил он или нет, что некоторые открытые настежь двери при его приближении закрываются не случайно? В итоге парень угомонился и присел рядом с Пятернёй.

— Сначала даже пытался помогать, — сообщил нам тот, зайдя в рубку.

— И? — поинтересовалась Осока.

— Слабовато. То ли инструкторы были паршивые, то ли сам не особо старался.

— Зато красиво говорить умеет, — буркнула себе под нос Нола. — В музыке разбирается и все клубы на планете знает.

— Тогда понятно, чем он занимался вместо дела.

— Что, не понравился он тебе? — спросил я Наследницу.

— Не нравится – это другое. Он мне просто никак, — пожала плечами девушка.

— А вот интересно, — сказала Осока. — Допустим, тебе придётся выбирать между двумя кавалерами: один тебе нравится, и только, лидерских качеств нет, другой – «просто никак», зато лидер. Кого ты выберешь?

— Будучи Наследницей Крови, я обязана всегда иметь в виду интересы клана… — Нола как сидела на полу у наших ног, так и запрокинула голову на колени к Осоке, чтобы взглянуть ей в глаза. — Поэтому, наверное… отошью обоих. Подожду парня, который нравится и хоть чуть-чуть способен руководить. Или лидера, который немного нравится. Но лидер – это огромный риск, что тебя просто охмуряют, правильное слово?

— Правильное, — подтвердила Осока.

Я не мог не улыбнуться. За год знакомства Нола великолепно усвоила язык, несмотря на то, что не летала с нами всё время, а бывала на корабле только тогда, когда мы возвращались в штаб-квартиру. Говорила Наследница грамотно и совершенно без акцента, постоянно пополняя словарный запас всем, что слышала от нас. Такое впечатление, что она, как когда-то Осока, запоминала новое слово с одного-двух раз. Всё это притом, что, в отличие от моей подруги, Нола раньше не знала ни одного из сходных языков. Как, кстати, и Рийо.

Рийо… Ну, вот, я снова думаю о ней. За время пребывания здесь я не раз и не два задавал себе вопрос: кто она для меня, Рийо Чучи? Начальница? Вот уж меньше всего! Да, я выполнял её задания, потому что должен же кто-то руководить, иначе наступит хаос. Да, уважал её знания, опыт, признавал лидерство, но никогда не чувствовал себя подчинённым. Впрочем, как, наверное, все на этом корабле и многие в Главном Штабе. Ближайшая подруга моей Осоки? Безусловно. В том числе. Сказать, что наши взаимоотношения исчерпываются лишь этим, тоже было бы неверно. Собеседник и близкий друг мой лично? Пожалуй, это точнее всего, хотя тоже не всё. Я давно уже знал, что Рийо относится ко мне не только как к другу, и старался не ранить её чувств. Избегал лишних прикосновений, долгих взглядов, вообще старался держать небольшую дистанцию, чтобы не вызывать у неё грустных мыслей. Рийо никогда не пыталась соперничать с Осокой, она уступила ей и просто существовала рядом, в орбите наших общих интересов и дел. И это привело к удивительному результату. Я стал замечать, что время от времени панторанка ведёт себя как заправская супруга. То проявит заботу, то поворчит для порядка в духе «конечно, главный в семье ты, но, всё же, не зарывайся». Самое забавное, в том же духе порой перепадало и Осоке. Вот как после всего этого относиться? Считать её ещё одной родственницей мне хотелось не очень: Рийо, всё-таки, ужасно привлекательная девушка и вполне в моём вкусе… Но – Осока… В общем, сложно это всё как-то и запутано.

После выхода на досвет Осока, прикрыв глаза, несколько минут «слушала эфир». Наконец она тряхнула головой, вздохнула:

— Тьма. Слишком много негативных эмоций. Давайте садиться, и обыщем рынок.

— Бок, Вам нужно прикрытие для встречи с агентами? — спросил я.

— Нет, так мы только привлечём внимание. Люди в данных кварталах появляются редко и выглядят совсем иначе.

— Я понял. Вот Вам комлинк, связывайтесь с нами, как только получите информацию. А мы поступим вот как. Разделимся и обойдём всё торжище. Есть тут какие-то особые правила поведения?

— В общем, нет. Как на любом базаре, вести себя поуверенней, — сказала Осока. — Вопросы задавать вежливо, на хамство вежливостью не отвечать…

— Потому что примут за слабость, — кивнул я.

— Пятерня, на попытку тянуть руки к Наследнице – бей сразу, здесь тебя правильно поймут.

— Не вопрос, — отозвался клон.

В таком порядке и отправились: Нола с охраной, остальные по одному, потому что рынок работорговцев занимал довольно большую площадь. За что люблю Империю, так это за честность. При Республике, как мне рассказывали, рабства официально не было, в то же время, женщинами-твилеками торговали практически открыто, используя «контракты». Палпатин, провозгласив себя Императором, сразу навёл порядок. Ввёл понятие государственного рабства для целых видов «недочеловеков» или уроженцев каких-то планет и запретил кому-либо торговать ими. А всеми остальными, кроме базлов, то есть, людей, отнесённых особым законом к базовой линии человечества – разрешил. Заодно обложив профессиональных торговцев лицензионным сбором, в целях пополнения казны. После этого ассортимент на рынке сильно расширился, а сами «торговые площадки» стали возникать в непосредственной близости от Центральных Миров, ибо бояться больше было нечего. Разумеется, на таких рынках не торговали рабочей силой, чай, не средневековье на дворе. Продавали и покупали, преимущественно, слуг и сексуальных партнёров – чаще

женщин, но не обязательно. Большинство рабынь традиционно составляли твилеки, однако, часто встречались также тогруты, наутоланки и чагрианки, остальных идентифицировать было труднее – возможно, жители слаборазвитых планет, не очень известные в Галактике. Причём, самое мерзкое, живой товар порой зазывал покупателей, нахваливая сам себя. Наверное, женщин можно было понять: разумному существу свойственно надеяться на лучшее, и они, должно быть, рассчитывали, что у нового владельца условия будут лучше, чем у торговца. Но, всё равно, ощущение создавалось неприятное. От обилия шумных, развязных торгашей уже гудела голова, а приходилось заговаривать с ними, спрашивать, выяснять… Ничего не поделаешь, иначе шанс найти Рийо серьёзно уменьшался.

— Господин разыскивает что-то конкретное? — раздался рядом со мной дребезжаще-скрипучий голос. Я обернулся и увидел фигуру в чёрном плаще. Зеркальные очки, хобот, напоминающий противогаз из скверной постапокалиптической драмы. Да это *кубаз*! Ты-то, голубчик, мне сейчас и пригодишься.

— Хочу женщину, твилеку, рутиан, с глазами вот такого цвета, — я продемонстрировал ему золотой кредитный полтинник.

— Позволит господин поискать для него? — кубаз протянул лапу.

— Ищи. Я буду в этой части рынка.

Кредитка исчезла в кулаке пожирателя информации. Ладно, не жалко, авось, действительно, что-то накопает.

К сожалению, кубаз тоже ничего не нашёл, однако, оказался на удивление честным малым. Примерно через полчаса он отыскал меня и сообщил, что такой женщины на рынке не продаётся.

— И не было? — спросил я. — У меня информация, что такую сюда привозили.

— Информация бывает ошибочной или неточной, — проскрипел кубаз. В руке его блеснуло золото. — Господин дал это. Отрицательная информация дешевле. Возьмите…

Отсчитал мне три десятки обратно и исчез в толпе. А я пошёл дальше. И где-то через полсотни шагов обнаружил, что невольничий рынок, оказывается, примыкает к другому, где торгуют дройдами и прочей электроникой. Ну, как у нас на Савёловской. Ряды прилавков, развешанные рядами разнокалиберные узлы, смутные силуэты комплектных машин в глубине магазинчиков. В другое время, как и механики, я с удовольствием побродил бы здесь, взяв таймаут от общения с работорговцами, но не в нынешней ситуации.

Я уже хотел развернуться и идти обратно, как вдруг замер, заметив краем глаза хорошо знакомое лицо. Проходящий вдоль ларьков мужчина со свёртком подмышкой носил гарибальдийскую бороду, с какой обыкновенно изображают Санта-Клауса, но это не помешало мне разглядеть, что он клон, той же самой «феттовской» серии, что и капитан Пятерня. А, главное, на нём не было имперского мундира! Это удача так удача. Специалистов в военном деле, лучших, чем солдаты Великой Армии, отыскать трудно. Каждый, кто прошёл Войну Клонов и уцелел, обладал колоссальным боевым опытом, и, пусть не всякий годился в командиры, инструкторы из них получались превосходные. Именно то, что требовалось нам: фирма росла, требовалось охранять всё большее количество доков и баз, а значит – учить всё новых бойцов. К сожалению, основная часть клонов продолжала служить в армии, теперь уже имперской, и покидать её не собирались. Ушедших на гражданку после Приказа 66 и последующей Чистки было отчаянно мало. За всё время нам удалось найти шестерых. Четверо теперь работали у нас, считая Пятерню. Пятым стал армейский

майор по имени Бойл, но то, скорее, исключение, подтверждающее правило. Бойл когда-то знал Нолу, и именно ей удалось уломать ветерана уйти из Корпуса штурмовиков. Поэтому я поспешил вслед за клоном. Разговаривать с ним самому необходимости не было: Осока или Пятерня справятся гораздо лучше, главное, не потерять его из виду и по связи вывести ему навстречу наших. Но едва я протянул руку к панельке комлинка, как сзади на мой затылок обрушилось что-то тяжёлое…

Перед глазами плыл туман, в голове шумел сосновый бор, и ухали далёкие совы. Тем не менее, сквозь этот гул в ушах я смог различить бодрый голос:

— А парень-то не просто пижон, ха-ха, а настоящий собиратель редкостей! Глядите, у него, кроме меча, ещё символ набуанской короны и твилечий клановый знак. На какой только помойке нашёл? Не знаешь, брат, что это может быть за клан?

— Я в твилеках не очень разбираюсь, — отвечал другой голос, точно такой же, но с менее весёлыми интонациями. — Это у Блая, покойничка, можно было спрашивать, вот он сразу бы сказал.

— За что они его, ха-ха, и отравили!

— Совсем не за это, — произнёс третий, тоже трудноотличимый от первых двух, голос. Все три были очень похожи на голос капитана Пятерни. Значит, клонов, как минимум, трое?

Я заставил себя открыть глаза, это простое движение век отдалось болью в висках, тем не менее, я смог худо-бедно сфокусировать зрение. И увидел, что нахожусь в довольно большой, примерно шесть на шесть метров, комнате не жилого, а, скорее, промышленного вида. Небольшой склад? Заброшенный цех? Кроме мужчины, за которым я так опрометчиво попытался следить, в помещении присутствовали ещё двое бородатых – по галактическим понятиям – собратьев в полувоенной

одежде. Вернее, у второго была не борода, а аккуратно подстриженные бакенбарды а-ля император Франц-Иосиф. Правый глаз его блестел белым зрачком электронного протеза, бровь и щёку пересекал сверху вниз старый шрам. Почти такой же, как я видел на портретах Анакина Скайуокера, только этот был длиннее и глубже. Сквозь шум в голове промелькнула мысль: а не тем ли самым мечом была нанесена и эта рана? Вентресс – она такая, она могла… Растительность третьего у нас на Руси назвали бы недельной щетиной, здесь, в Галактике, она тоже считалась «бородой», в базик стандарте просто отсутствовали другие термины. Именно этот третий, похохатывая к месту и не к месту, и перебирал вещи, вытащенные у меня из карманов и пояса.

— Очнулся, пижон? — ухмыльнулся одноглазый, наклоняясь ко мне. Ответить я не смог бы при всём желании: клоны связали меня *холдербэндом*, галактическим аналогом земного промышленного скотча, и им же заклеили рот.

— Крепенький, ха-ха! — отозвался небритый.

— Охотник? — спросил одноглазый у меня. — Не напрягайся, просто кивни.

Я помотал головой, вызвав вспышки боли и искр перед глазами.

— Да посмотри на него, ха-ха-ха, какой он охотник? — заметил небритый. — Разве что, любитель, от случая к случаю.

— Без разницы. Нужно выяснить, что он знает и с кем связан. Вот что, парень, — единственный глаз недобро буравил меня взглядом, — давай договоримся. Ты не орёшь, а тихо, спокойно рассказываешь мне всё. Иначе орать будешь по другой причине. Условились?

Я кивнул.

— Потерпи… — и он со всей дури рванул ленту, заклеивающую мне рот. Да больно ж, ёпэрэсэтэ! Но я

сдержался и не проронил ни звука, только скривился инстинктивно.

— Кто тебя послал? — задал одноглазый первый вопрос.

— Никто, — сказал я. — Увидел вот его на рынке и решил познакомиться.

— Чтобы потом получить с имперцев пачку кредитов за дезертира?

— Делать мне больше нечего! — возмутился я. — Я и без их поганых денег нормально зарабатываю.

— Какой брезгливый нашёлся, ха-ха! — вставил небритый. — Все вы «нормально», а представится случай – своего же соседа за десять косых заложите. А?

— С кем связан из имперцев? — продолжал допрос одноглазый.

— Ни с кем, — честно ответил я.

— Ой, не ври мне, парень! Я ведь могу по-другому подойти, — он взял меч, погладил кнопку включения, нажал. — Какой чистый цвет. Давно я такого не видел. Ну, что? Пальцы по одному или все сразу?

Сказать, что мне было страшно – ничего не сказать. Скверно, когда тебя пытает враг, но во сто крат хуже, когда свои.

— Не надумал сказать правду? — как-то буднично поинтересовался одноглазый.

— Уже сказал, — ответил я. — А ты не веришь. Верно мне говорили, что клоны бывают очень упрямы.

— Ужасно, — криво усмехнулся одноглазый. — И я тебя дожму.

— Погоди-ка, — вмешался бородатый. — Я, кажется, знаю, чей это меч. Ты, думаю, тоже догадываешься.

— С чего бы?

— А с чего ты вдруг вспомнил про Блая? — бородатый снова обратился ко мне: — Что у тебя с Секурами, парень?

— Приглядываю за одной девочкой, — сказал я.

— Откуда меч?

— Мы стояли в Старой Читальне, и он выкатился мне прямо под ноги.

— Сам? — удивился небритый.

— Смерти нет. Есть Сила, — я попытался пожать плечами, под лентой получилось невыразительно.

— Ты веришь в эти сказки, Рекс? — хмыкнул одноглазый.

— Я допускаю такую возможность, — ответил бородатый Рекс. Постойте-ка… Рекс?? Неужели тот самый?? Моя реакция не укрылась от небритого.

— Глядите, парню известно это имя! — заметил он.

— Естественно, — сказал я. — Что ты вколол тогда Пятерне, что он пролежал в коме до самой Империи?

— Ого, — покачал головой Рекс. — Об этом не рассказывают в каждой кантине. Давно его встречал?

— Сегодня утром, на корабле. Можем связаться хоть сейчас, — я указал глазами на свой комлинк.

— Какой канал?

— Первый, — немного схитрил я. Дождался, пока Рекс нажмёт настройку и вызов, усмехнулся – маленькая месть за недоверие – и произнёс:

— Осока!

— Здесь! Куда ты пропал?? Я обзвонилась, и Падме уже на нервах…

Реакция капитана Рекса на голос моей подруги была примерно такая, как я и ожидал. Шок, смешанный с восторгом.

— Настойчиво пригласили в гости, — объяснил я подруге. — С тобой хочет говорить капитан Рекс.

— Рекс??

— Это я, коммандер, — клон чуть наклонился к прибору, голос его дрогнул. — Рад, что ты жива.

— И я очень рада тебя слышать. Где находитесь?

— Промышленный район, восьмой квартал, строение 4.

— Будем через семь минут, — Осока отключила связь.

— Неужели коммандер Тано? — удивлённо пробормотал небритый. — Парень, ты полон сюрпризов.

Он достал нож и принялся резать связывающую меня ленту сверху. Одноглазый рассёк витки, опутывающие ноги, отодрал остатки от штанин и ботинок.

— Показалось, я услышал ещё одно имя, — медленно произнёс Рекс, который, естественно, из нашего «обмена» с Осокой ничего не понял. Я кивнул и под требовательный писк своего комлинка ответил:

— Это, как раз, к вопросу о вере в призраков. Отвечайте. И проектор включите.

Первыми словами Падме были… правильно:

— Ты как маленький, честное слово! Что у тебя… — и тут при помощи проектора она увидела клонов. — Рекс?

— Так точно, госпожа Сенатор, — глаза Рекса в этот момент надо было видеть. — Вы… живы, мэм?

— Не совсем, но это долгая история. Кто это с Вами? Помнится, вот Вы служили с магистром Пло Куном?

— Да, мэм. Вольфи, мэм, — отрапортовал одноглазый.

— Грегор, мэм. Двести двенадцатый батальон генерала Кеноби, — небритый ухмыльнулся. — Отшибленные мозги.

— Да, помню, я вручала Вам медаль за одиночный рейд.

— Счастливы видеть Вас, Сенатор.

— Какой я теперь сенатор, так, компьютерный фантом. Так или иначе, буду рада принять вас у себя на борту. А с тобой я дома поговорю, — добавила кузина персонально для меня.

— Вот так, — сказал Рекс своему собрату, когда изображение погасло, — а ты «призраки», «не верю».

Осока влетела в помещение вихрем энергии и энтузиазма. Всех узнала, начала здороваться, и только потом в дверях показались Пятерня и Нола.

— Ой, сколько наших! — воскликнула твилека, немедленно вызвав к себе общую симпатию.

— Вы, случайно, не родственница Мастеру Секуре? — поинтересовался Грегор.

— И совсем не случайно. Племянница.

— Сразу можно догадаться. Глаза… Прямо мурашки по спине.

Осока, тем временем, уже задала Рексу самый важный вопрос: пойдут ли они к нам работать.

— Группа в Вашем полном распоряжении, коммандер! — воскликнул тот.

— Это отлично, — улыбнулась Осока. — В погранслужбе очень много новичков, Бойл, Вули и мандалоры едва справляются с обучением.

— Да неужели и Вули у вас?! — ахнул Грегор.

— У нас, у нас. Все у нас, кого разыскали, — сказала моя подруга. — К сожалению, забрать вас прямо сейчас мы не можем. На борту посторонний, не нужно ему о вас знать. Поступим так: я свяжусь с ближайшей базой, за вами вышлют транспорт. Часов через двенадцать будете там.

— «База»… «Транспорт»… — мечтательно закатил глаза Грегор. — Звучит как музыка после стольких лет.

— Возможности у нас поскромнее, но традиции – старые. Своих не бросаем.

Всё это было хорошо, просто замечательно, однако, главная наша задача так и оставалась нерешённой. Рийо на планете не было и, судя по собранным данным, ни она, ни Жужел здесь не появлялись. Оба агента клана Афа также заявили, что за последний месяц ни одного скиффа нубийского типа на Нексус Ортае не приземлялось. Агентам можно было верить, один из них был компьютерщиком, второй прямо в порту и работал. Наша

команда изрядно приуныла. Как вдруг снова появился сигнал от накопителя Рийо. И шёл он, что характерно, с рынка. Чтобы уточнить местоположение компьютера, где засветился вирус, агенту барона потребовалось всего несколько минут. Наутолан, торговец всевозможным электронным и оптическим барахлом, увидев группу мрачных мужчин, направляющихся к его ларьку, сразу почуял запах белой полярной лисы и попытался улизнуть через заднее крыльцо. Где и столкнулся с не менее мрачной Осокой.

— А ну-ка, иди сюда, грязный, скользкий торговец краденым! — прошипела она, вталкивая его обратно в лавку. И без дальнейших проволочек допросила торгаша с помощью Силы. Сообщил он нечто странное. Накопитель продали ему два субъекта, ни один из которых не являлся человеком. Находящийся под ментальным воздействием торговец припоминал мельчайшие детали, в том числе, одно название, которое упоминали эти двое в разговоре между собой. Вывеска принадлежала местному ресторану, где и обнаружились искомые типы. Они, видите ли, гуляли, отмечая удачное дельце. Только тут мы поняли, что всё это время двигались по ложному следу. Куларинские пираты, которым адвокат поручил похитить Рийо, банально ограбили её. Забрали колье, браслеты и тот самый накопитель, ценный своей компактностью. А во время перелёта от скуки решили покопаться в содержимом и, сами того не подозревая, запустили нашу закладку в корабельный компьютер.

— Вот поганцы, сколько времени отняли! — проворчала Осока, глядя на съёжившихся пиратов.

— А ну, быстро выкладывайте наличность, — приказал Пятерня. — Это всё? Надеюсь, хватит на выкуп сданных вами драгоценностей.

— На это у нас нет времени, — одёрнула его Осока.

— Могу поручить своему агенту, — предложил Бок. — Отвечайте, негодяи, кому сдали награбленное?

— Одному в пригороде, — буркнул лысый, как колено, пират-*раттатак*. — Тонкий такой, то ли *муун*, то ли *фост*. Кличка Туалли.

— Найдём.

Времени у нас, действительно, оставалось в обрез. По всем расчётам, стартовавший с Дракенвелла корабль Жужела должен уже приближаться к системе Тет, где жил даг. За счёт быстрого гиперпривода «Амидалы» мы могли сократить отставание до часа или двух, но этого было недостаточно. Жужел вполне мог успеть встретиться с покупателем. Если сделка не состоится, он увезёт Рийо куда-то ещё, и мы не будем иметь представления, куда. Поэтому, едва покинув атмосферу Нексус Ортая, я врубил форсаж до упора. В этом режиме энергоноситель впрыскивается прямо в расширительные камеры ионных двигателей и горит там, увеличивая температуру и скорость истечения. Сожжём ресурс – наплевать, эти П-с4 клепают миллионными тиражами, купить не проблема. Когда гиперпривод зашвырнул нас из привычных трёх измерений в причудливо скрученное «нигде», меняющее направления, расстояние и само время, я спросил Падме:

— Сколько сэкономили?

«*Шестнадцать минут*».

Неплохо. Теперь оставалось самое трудное на свете дело – ждать. На этот раз перелёт продолжался гораздо дольше, экипаж пытался есть, спать, но получалось из рук вон плохо, даже после бессонной ночи. Молодцом держалась одна Осока, благодаря своему джедайскому воспитанию, да ещё других подбадривать успевала. В общем, к моменту выхода извелись все, даже Бок. А какая напряжённая, звенящая тишина царила в рубке, пока Осока прислушивалась к Силе – передать трудно. Она открыла глаза, и я всё понял по тусклому печальному

взгляду. Подтверждая мои предположения, подруга вздохнула и сказала:

— Похоже, мы, всё-таки, опоздали…

— Что делаем теперь? — спросил я.

— Перво-наперво поставим на уши Службу и ребят Библиотекаря. Надо рассчитать сферу досягаемости с момента старта Жужела с Дракенвелла…

«*Пожалуйста, готово*», — моментально откликнулась в наушнике Падме.

— Ага. Спасибо, — кивнула Осока. — И составляем сообщение…

— Думаешь, Служба почешется? Им-то что, не их кадр.

— Алекс, видишь, что я пишу: похищен секретоноситель категории «три нуля». То есть, тот, **кто в курсе**. Не просто почешутся, они есть и спать перестанут, пока не найдём.

— Тебе лучше знать эту кухню, — не стал спорить я.

— Теперь смотри. Где его могут обнаружить? В направлении на север и северо-запад близко Шалстайн и Лантиллис. Юг и юго-запад – Пантора и Набу. Юго-восток – Рилот и Орд Пардрон. Восток – перехватим мы сами. Осталось выслать два-три быстрых корабля в сторону ядра, чтобы и там он никуда не делся. Согласен?

— Да.

— Значит, отправляю распоряжение на Шалстайн. Всё. А дальше действуем, как задумали. Нужна информация, и источником её может быть даг.

Планета, меж тем, росла на обзорных экранах. Уже не только через длиннофокусную трубу носового телескопа, но и обычными электронно-оптическими увеличителями можно было наблюдать детали поверхности. Вот Перуун, новая столица, построенная при Империи, ремонтные доки невдалеке от города, а вокруг – разбросанные по равнинам обширные фермы, так и

хотелось назвать их «совхозами». Стала видна и орбитальная платформа на стационарной орбите. Не могли мы видеть только Внутренний Город – старую столицу, существующую много веков. Он находился в другом полушарии и в высоких широтах. Понятие «удобного места» в разные времена существенно менялось. Первопоселенцам важен был ровный мягкий климат, наличие вблизи источников воды, материалов для строительства и сырья для будущих заводов. Имперцы тоже выбирали лучшую точку, но исключительно на экваторе, чтобы стационар всегда находился над головой, обеспечивая связь, предупреждение и удобство перелёта.

«*Хотите посмеяться?* — сказала в наушниках Падме. — *Я получила серийный номер орбитальной платформы, это та же самая, что в прошлом году над Гвори*».

— Её сослали вместе с экипажем, что ли? — полушёпотом, чтобы не слышал Бок, удивился я.

«*Похоже на то*».

Один за другим через минные трубы в кормовой части были выброшены четыре мини-спутника – наблюдатели и ретрансляторы. Имперцам заметить их будет сложно, объект размером с артиллерийский снаряд восьмидюймового калибра, покрытый поглощающим слоем, отражает слишком мало света и прочих электромагнитных излучений. Зачем их запускать, если Жужела на планете уже нет, я, честно говоря, не знал, но Осока не возражала, значит, пусть всё будет согласно первоначальному плану. Подруга, подперев подбородок рукой, задумчиво глядела на планету за блистером.

— Здесь было моё второе задание, — произнесла она в ответ на мой вопросительный взгляд. — Сразу после Кристофсиса. Именно здесь я впервые повстречала Вентресс. Она, надо отдать ей должное, сразу меня возненавидела.

— Это оттого, что ты была слишком хорошенькая.

— Хорошенькая?? — вскинулась Осока. — Я??? Алекс, ты пристрастен!

— Пристрастен, да, — с готовностью согласился я. — Но сказала это она. Не веришь – спроси при случае.

— Очень надо. Я и так чувствую, что ты не врёшь.

— Задание касалось Внутреннего Города?

— Нет, всё происходило в монастыре на одном из *миса*, вот этом, кажется, — движением большого пальца на рукоятке она подвела указатель к одному из торчащих выше облаков каменных пиков. — А, нет, ошиблась, не этот, соседний. Обломанный уступ видишь? Вот там я с ней и познакомилась.

— На «пальце» юго-западнее тоже какие-то строения, — заметил Иан, он разглядывал изображение на главном проекторе. Осока кивнула, пояснила через плечо:

— Дача древнего правителя планеты. В начале войны её облюбовали, так сказать, купцы. Контрабандисты. На её площадке мы подобрали транспорт Г9, «Сумрак». Вот это было «гэ» так «гэ». Уж на что «Горгулья» летающий сарай, но тот… Один плюс, что невзрачный.

— Вы его потом использовали для деликатных операций? — уточнила Нола.

— Ну, да, года полтора, наверное. Пока из него не сделали решето во время мандалорского переворота.

Внутренний Город – разлапистый, малоэтажный и пыльный – располагался у реки недалеко от впадения её в небольшое озеро. Когда-то здесь активно работали два космодрома, основной на плоском холме и грузовой, примыкающий к внушительному складскому комплексу. По данным справочников, в настоящее время пассажирское поле использовалось исключительно для частных рейсов, грузовое эксплуатировалось гораздо интенсивнее, об этом говорили и новенькие ряды складов, пристроенные то ли в последние годы Республики, то ли

уже имперскими властями. Особняк искомого дага находился почти в шести километрах от пассажирского порта и всего в полутора – от грузового, поэтому мы выбрали для посадки второй, не обращая внимания на стоимость стоянки. Предвидя, что незваных гостей хозяин может и не принять, Осока придумала оригинальный ход. В своё время даг был очень известным спортсменом, судя по данным Библиотеки, уровень его тщеславия буквально зашкаливал, и, вместо того, чтобы называть истинную цель визита, разумно было представиться журналистами. Оставался лишь вопрос, кто пойдёт. Ну, Осока, само собой, кроме неё у нас никто не умел стопроцентно чувствовать ложь большинства разумных видов. Вначале джедайка хотела взять с собой Иана, он отлично разбирался в данном виде спорта, но существовал один минус. Людей «базовой линии» даг откровенно недолюбливал, в особенности, мужчин. В его библиотечном досье значилось, что он неоднократно публично высказывался по поводу их наглости, жадности, высокомерия… «Кто бы говорил», — заметила Падме, читая этот раздел.

— В таком случае, в Вами пойду я, — неожиданно вызвался Бок.

— А ты в этом *шаришь*? — приподняла бровь Осока.

— Больше как зритель. Ну, и ставки делаю.

— Годится.

Перебрав за минуту весь свой нехитрый гардероб, Осока остановила выбор на бирюзовом с искрой платье длиной почти до колен. Круглый вырез и короткие рукава его украшала богатая отделка: две вышитые золотой нитью строчки, между ними, поперёк, узкие металлические пластинки, разделённые по пять прямоугольными зелёными кристаллами. К платью моя подруга добавила тёмно-зелёный жилет из нарочито-грубого сетчатого материала и сапоги фасона,

напоминающего военный, но с декоративными пряжками сбоку голенища и «скобками» на пятках, вроде крепления для шпор. Получилось чуточку хулиганисто, но ходят же на Земле девушки в коктейльных платьях, а поверх джинсовая куртка, и ничего. Приметное украшение на голове Осока заменила на простую подвеску в виде «угловатой капли», точнее не могу передать конфигурацию. Изменила она и рисунок на лице. Ромбики перенесла на щёки, линии на лбу подправила так, что они стали напоминать букву «Y» на сдвоенной ножке.

— Я возьму у тебя на часок Кьюти? — попросила Осока Нолу.

— У меня? — растерялась та.

— Да, мы собирались отдать её тебе. Я разве не сказала? Прости, пожалуйста, совсем замоталась с этим похищением.

— Бери, конечно, раз надо!

Боку Базили одолжил свои кожаные штаны и посоветовал не надевать щегольской разгрузочный жилет, чтобы не выглядеть, как солдат частной военной компании.

— А визор надень, — добавил он, — для репортёра самое то.

Особняк дага возвышался на углу одной из наиболее широких улиц Внутреннего Города и небольшого переулка, словно скала. Снаружи он был оформлен довольно оригинально. Этакое архитектурное недоразумение. Цоколь представлял собой подобие скального монолита, выше которого шёл ряд широких арочных окон, окантованных нарочито неровно, будто застеклённые входы в естественные пещеры. На втором этаже окна имели более привычную стрельчатую форму и размеры, а в простенках между ними располагались ниши. Роль статуй здесь играли разномастные реактивные двигатели, поставленные вертикально и предусмотрительно

прикрытые сверху полукруглыми козырьками. Я успел заметить, что агрегаты располагаются в строгом порядке, начиная от угла, где располагалось крыльцо: первый с улицы идентичен первому с переулка, и так далее. Выше, над третьим этажом и стеклянной шатровой крышей, была надстроена башенка. Не замкового или ратушного стиля со шпилем, нет. Она, скорее, напоминала командно-диспетчерский пункт земного аэродрома, прямоугольная, одноэтажная, щедро застеклённая с трёх сторон.

Звонок парадной двери прозвучал сдвоенным ударом гонга. И тут же перед гостями возникла голограмма высокого тучного дворецкого. Он принадлежал к расе *салластан*. Поглядев на Осоку и Бока непроницаемо-чёрными глазами без зрачков, он осведомился, что им нужно от хозяина дома. Услышав слово «пресса», он попросил подождать буквально одну минуту и отключился. Не прошло и тридцати секунд, как двустворчатые двери медленно и величественно раскрылись.

— Хозяин ждёт, прошу следовать за мной, — салластанин сделал приглашающий жест и двинулся вглубь дома. Во плоти он выглядел совсем не так внушительно, поскольку истинный рост его составлял чуть больше метра. Зато в натуральную величину он вовсе не казался толстым, так, в меру упитанный.

Внутри особняк дага выглядел гораздо более роскошно. Если барон Афа предпочитал лепнину и росписи, владелец этого имения больше любил витражи и отделку металлом. Люстры, карнизы, пороги и плинтусы, скрепы колонн – всё это отливало очень знакомым жёлтым блеском. Во дворце барона рамы окон и дверей были сделаны из бериллиевой бронзы, а здесь… Неужели золото? Последнюю фразу я, кажется, произнёс вслух.

— Сейчас узнаем, — Иан повернулся к пульту, дотронулся до нескольких сенсоров, скомандовал в микрофон: — Кьюти, дистанционный анализ металлических

деталей, пожалуйста. Ну, вот. Декор и ручки – обработанная латунь. А светильники, действительно, золотые.

— Может себе позволить, — сказала Падме. Сейчас, в отсутствие Бока, прятаться нужды не было, и она сидела на диване между мной и Пятернёй, наблюдая за трансляцией. — Он взял такое количество призов. К тому же, по слухам, делал ставки на тотализаторе.

— На самого себя? — спросил я.

— Ну, что ты. На себя много не выиграл бы, кто же будет ставить против такой знаменитости? На второе и третье место.

— И на то, кто вообще дойдёт до финиша, — подхватил Базили. — Уж это он всегда хорошо знал!

Механики засмеялись. А дворецкий-салластанин, наконец, привёл Осоку, Бока и Кьюти в комнату, где ожидал хозяин. Здесь всё прямо-таки кричало о былой спортивной славе. Дальняя стена от пола до потолка была заставлена рядами кубков и призов, места на ней не хватило, и полки продолжались на одной из боковых стен. Остальную часть этой стены и простенки между витражными стрельчатыми окнами покрывали рамки движущихся голографических записей спортивных побед. На фоне своих кубков, в глубоком мягком кресле развалился сам даг в окружении прислуги. У барона служанки старались быть беззвучными и незаметными, здесь всё выставлялось напоказ. Одна твилека ухаживала за ногтями на правой руке хозяина, вторая угощала его какими-то кушаньями с большого блюда, третья находилась за креслом, готовая услужить. Блюдо, кстати, стояло не на столике, не на подставке, а на грибообразной голове маленького дройда-механика типа DUM, который придерживал его за края своими манипуляторами. Сбоку на широком кресле-диванчике в компании четвёртой девушки расположился ещё один даг, похоже, молодой, насколько я мог судить по более гладкой коже и активным

движениям. Перед ними находился голографический экран компьютера, и они что-то неслышно обсуждали. Наконец, возле дальнего из окон три служанки негромко играли на музыкальных инструментах, создавая слабый звуковой фон. Одна из музыкантш принадлежала к виду забраков, о положении её в доме красноречиво свидетельствовал металлический ошейник и цепь, свисающая вниз, к поясу. Приглядевшись к твилекам, я обратил внимание, что все они обладают какими-то особенностями. Та, что делала маникюр, была летанкой, музыкантша слева от забраки имела персиковый человеческий цвет кожи. У той женщины, что возле блюда, на плечах лежали две пары лекк вместо положенной одной, у собеседницы молодого дага на руках было всего по четыре пальца, отчего ладони её казались особенно изящными. Девушка за креслом отличалась торчащими на висках шипами, скорее всего, один из её родителей был *тиилином*.

— Постарел, пройдоха, обрюзг, но ещё крепок, в его-то возрасте, — молвила Падме, она разглядывала хозяина дома.

— Ты была с ним знакома? — покосился на неё я.

— Пришлось столкнуться. Давно.

А Осока на голографической проекции шагнула вперёд и с лёгким поклоном сказала:

— Здравствуйте, достопочтенный господин Себульба.

Хозяин махнул нижней конечностью на летанку, та моментально убрала маникюрные принадлежности. У дагов очень интересная и необычная анатомия. В первом приближении они напоминают миниатюрных горилл: все четыре конечности хватательные, «руки» гораздо длиннее «ног». И значительно сильнее, поэтому даги предпочитают для передвижения использовать именно их, а нижними конечностями пользуются как руками. Впрочем, ничто не

мешает им делать и наоборот, хотя при повышенной гравитации родной планеты Маластар стоять на «ногах» затруднительно. Зато в сидячем положении даги активно используют все четыре руки, я не раз это наблюдал.

— Здравствуйте. Я всегда рад пообщаться с прессой, — хриплым голосом произнёс даг. Дважды хлопнул верхними конечностями: — *Эй, слуги! Сиденья гостям!*

Последние слова он произнёс не на базик, и Падме быстро высветила вверху голографической проекции строчку перевода. Открылась небольшая боковая дверь, в комнату плавной походкой вплыла женщина-наутоланка, толкая небольшой репульсорный столик, за ней топали два дройда DUM, тащившие высокие стулья. Служанка установила столик напротив хозяйского кресла, отключила привод, опуская его на мраморный пол, низко поклонилась и вышла. Механические прислужники, поставив рядом стулья, поспешили следом.

— Вы владеете *бочче*? — спросил Себульба.

— Да, — кивнула моя подруга.

— Отлично, — даг перешёл на этот язык. — Он ничем не хуже базик, созданного… людьми.

— Хм, — поморщилась Нола. — Вообще-то, не только людьми. А вот бочче, как раз, чисто человеческое изобретение.

— Да, перед тем, как быть расистом, стоит, хотя бы, изучить матчасть, — хохотнул Иан. — Базили, не сходить ли нам в контору, попросить инерта долить? Всё равно тут большей частью, будет одна болтовня.

— И то дело, — отозвался тот. — Командир, как будет что интересное, позовёшь?

— Конечно, — сказал я.

Вести интервью Осока, в основном, позволяла Боку, всё равно, эта часть беседы не имела ровным счётом никакого значения. Вид спорта, которым занимался Себульба, можно сравнить с бегами, только поднятыми на

иной технологический уровень. Лёгкая репульсорная «коляска» с «жокеем» запрягается не лошадьми, а воздушно-реактивными двигателями, питаемыми небольшим количеством энергоносителя из специального бачка на корпусе. Таким образом, летающая повозка может развивать скорости вплоть до околозвуковых, совершать головокружительные манёвры и пологие прыжки. Трассы для гонок имеют сложнейший профиль, как правило, они организуются в естественных каньонах, так и интереснее, и безопаснее: аварии, и не по одной, случаются на каждом заезде, о правиле «обгонять чисто» здесь слыхом не слыхивали. В общем, спорт очень азартный, жестокий и в условиях галактической цивилизации абсолютно бессмысленный с практической точки зрения. Я бы ещё понял космические регаты, на скорость или, скажем, на экономичность перелёта, а это… Забава, нередко с жертвами среди участников. Впрочем, Бок обсуждал тему с неподдельным воодушевлением, спрашивал о гоночных карах, их технических характеристиках и особенностях конструкции. Себульба же вёл себя так, как и положено суперзвезде, был вальяжен и добродушно-снисходителен. Когда твилек обратился к нему «господин многократный чемпион», он поправил:

— Не нужно длинных титулов, мальчик. Обращайся просто. Великий.

— Да, великий, — кивнул Бок.

Сам Себульба обращался к мнимым репортёрам исключительно «мальчик» и «девочка», хотя они в начале беседы и представились ему – вымышленными именами, разумеется. Молодой даг, как я и предполагал, оказался сыном Себульбы, младшим, по имени Кандуга. Бок тут же поинтересовался, не гонками ли он занимается.

— Нет, гонщиком стал только мой старший сын, Гекула, а Кандуга занимается межзвёздной торговлей, — ответил чемпион.

Осока всё это время сидела, закинув ногу на ногу, держа на колене деку и делая для вида пометки. Короткий звонок на пульте – она незаметно для хозяев перебросила нам сообщение. «Почему так нервничает этот парень?»

— Нервничает? — хмыкнул я. — Странно, они, вроде бы, ни о чём таком пока не спрашивали. Не связано ли это с Рийо?

— Может быть, — сказала Падме. — Осока разберётся.

Себульба, тем временем, пустился в пространные рассуждения о том, что гонки на карах – удел избранных рас, а хуманам искусство пилота недоступно по причине недостаточно быстрой реакции.

— Я полагал, что для пилота кара важны ещё два фактора, — заметил Бок, — а именно малый вес в сочетании с высоким интеллектом, позволяющим правильно оценить обстановку на трассе.

— Без молниеносной реакции, присущей, в частности, дагам, то и другое не спасёт, — фыркнул Себульба.

— Однако, я слышала, что гонку, всё же, выигрывали хуманы? — сладким голосом спросила Осока. — Например, на Татуине, в шестьдесят восьмом, Канун Бунты?

Себульба скривился:

— Детёныш. Раб этой летучей крысы, старьёвщика Уотто! Помню его. Единственный раз дошёл до финиша! Он выиграл лишь потому, что остальные кары не выдержали заезда. Случайность, не более того. Мой кар в той гонке зацепился за обломок другого, потерпевшего крушение…

— Складно брешет, — раздражённо буркнула Падме. — Как будто не он сам цеплял Анакина своей кабиной! Чудо, что прочнее оказался наш кар!

— Ложь, достойная книги мемуаров, — пожал плечами я.

— Скажите, Великий… — продолжала беседу Осока. — Известно, что практически все заезды сопряжены с одной или несколькими авариями. Не бывало так, что аварии подстраивались намеренно?

— Это не доказано! — воскликнул Себульба прежде, чем успел подумать. Торопливо поправился: — Э-э, я хочу сказать, что саботажников ловят очень редко. Вы же знаете, старт общий, перед сигналом царит такая суета…

— На воре шапка горит, — подытожил я.

— В каком смысле? — не поняла Нола. — А, всё, врубилась. У него тоже явно рыльце в пушку.

— Что за выражения, Наследница? — строго посмотрела на неё Падме.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но баронессы Вао тоже используют эти слова, — лицо у Нолы было – сама невинность.

— Всё ты, — теперь укоризненный взгляд сестры был направлен на меня. — Спасибо, хоть «по матушке» не обучил!

— Я нечаянно, — поднял я руки.

— Ладно, всё, слушайте!

Разговор прервался, и в наступившей тишине мы отчётливо услышали очередную реплику Осоки, хоть и не с начала:

— …красивые служанки, и так много!

— Да, я предпочитаю приобретать для себя всё самое лучшее: и вещи, и рабынь, — гордо произнёс старый даг. Сощурил ещё больше маленькие глазки и добавил с ухмылочкой: — Вот тебя бы, девочка, я с удовольствием приобрёл.

— О, Вы так любезны, великий, — на лице Осоки не дрогнул ни один мускул, её улыбка осталась столь же доброжелательной. — Но, знаете, гораздо лучше будет купить Наследницу Крови, по крайней мере, дольше проживёте.

Нола откинулась на спинку, похлопала в ладоши:

— Бра-аво!

— Ценю тонкий столичный юмор, — одобрил и Себульба.

Да, старый пёс, подумал я, видел бы ты, как отлетают части тела, отрубленные её мечами, ты бы так не рисковал.

— Знаете, — доверительно наклонившись вперёд, сообщила Осока, — по прибытии сюда я случайно слышала разговор двух торговцев, будто бы один отставной политик продавал здесь, на Тете, свою рабыню, твилеку рутиан удивительной красоты. Глаза у неё, будто бы, цвета чистого золота.

— Эх, неудача! — Себульба стукнул ладонью по подлокотнику. — Они не говорили, где остановился этот бывший? Вдруг не успел продать, я бы поторговался.

— К несчастью, нет, — покачала головой Осока. — Всего лишь обрывок разговора.

Похоже, ей всё было ясно, потому что на этом липовое интервью, фактически, и окончилось. Несколькими вежливыми фразами свернув беседу, фальшивые корреспонденты покинули гостеприимного хозяина. Не предложившего им даже чашки дрянного кафа.

— Ноль, — сказала специально для нас Осока, очутившись на улице. — Не слышали ни о Жужеле, ни о нашей девушке. Себульба её, в самом деле, купил бы, если бы предложили, тут он не врёт.

— Вопрос, почему нервничал Кандуга, — заметил Бок.

— А он нервничал, ты уверен? — моя подруга посмотрела на твилека с любопытством.

— У него всё на морде было написано, хоть он и делал вид, что болтает со служанкой. Я в колледже с дагами в карты играл, научился разбираться в выражениях.

Вновь собравшись на корабле, мы вернулись к главной теме дня: как действовать дальше? Осока – печальная, но собранная и уверенная – считала, что все необходимые шаги уже предприняты. Тех, кто может добыть информацию, запросили, корабли с группами захвата выслали, наши хакеры и Белый Админ роют Голонет, как те кабаны огород. А сами мы, по сути, превратились в одну из групп захвата. Следовательно, пора перестать дёргаться, надо набраться терпения и ждать, пока зазвенит на одной из закинутых нами удочек.

— Может быть, этот Жужел, всё же, попытается сделать незаконные документы на… нашу девушку? — подала голос Нола. — Это ведь можно отследить.

— Беда в том, что документы с имперской регистрацией необязательны, — покачал головой Базили. — К ним больше доверия, но и состряпать их куда дороже.

— Скорее, он выправит обычную «электронку» от имени любой заштатной планеты Внешнего Кольца, — поддержал Иан, — где нотариусы до сих пор выдают жёсткую копию с мастичной печатью. А при продаже оформит договор через такого же сговорчивого «законника».

— Если же у него остались какие-то связи среди чиновников, — добавил я, — ну, сделает нам подарок.

— Точно, — кивнула Осока. — Хотя вряд ли. Я читала его досье из Библиотеки. После гражданской войны на Тайемсе он еле ноги унёс. Подставил и соратников, и кураторов в центре. Имперцы его до сих пор не поймали только потому, что он уже на фиг никому не нужен.

После ужина, такого же вялого, как и обед в гиперпространстве, Осока включила трансляцию галактических новостей.

— Ой, убери эту муру! — скривился я.

— Ничего-ничего, надо отвлечься от мыслей. Потом, глядишь, и заснуть сможешь.

— Я после обеда поспал, в полёте.

— Ага. Кому ты врёшь? Ты ещё **кораблю** эти сказки расскажи.

Я смутился. В самом деле, вместо того, чтобы отдыхать, я это время протрепался с Падме, в рубке, где её не мог увидеть Бок.

Осока оказалась права. После часа просмотра новостей – бравурных официальных, гламурных светских, непонятно-кинематографических и ещё более непонятных музыкальных – всем захотелось спать.

— Пойду, что ли, и правда, отдохну, — сказал я, поднимаясь.

— Я тоже, — зевнув, поддержала Нола.

И в этот момент в корабль что-то ударило. Так сильно, что полностью заправленная «Амидала» – семьсот шестьдесят тонн конструкций, топлива и только что залитого инерта – покачнулась на амортизаторах опор. Падме, наверняка, было очень больно, но среагировала она, как всегда, моментально. Второе попадание пришлось словно в вату, его отразил дефлекторный щит.

— Повреждения? — быстро спросил я.

— Минимальные, корпус цел, — ответила Падме вслух, через динамик. Правильно, сейчас не до конспирации, не искать же упавшую на пол гарнитуру.

— Срочный взлёт!

— Нельзя. Нас держат два локатора «Гаркор».

Вот дьявол! Ракеты этого комплекса поодиночке не так опасны, как «семьсот шестнадцатые» шахтных установок «Валторна», но на каждой пусковой их по четыре штуки, итого восемь… если, конечно, вокруг лётного поля не притаилась парочка молчащих установок, наводимых по чужому лучу. Да нам и восьми хватит за глаза.

— Круговой обстрел, — продолжала Падме. — Станкачи, дройдеки, трубы.

— Сколько продержится щит?

— Три-четыре минуты. Спецзарядов у них, видимо, больше нет.

— Сейчас подавим часть точек, будет легче, — сказала Осока.

— Как? — удивлённо посмотрел на неё я. — Через щит не выстрелишь!

— Я прижму поле вплотную к днищу и крыше, — ответила за джедайку Падме. — Пушки окажутся снаружи. Как на Ансионе, помнишь?

— А, да.

— К орудиям! — скомандовала Осока.

— Я в верхнюю, — Пятерня одним слитным движением поднялся на ноги и сразу оказался у двери рубки. Ещё мгновение – и он скрылся в лифте. Базили, чтобы не ждать кабины, открыл дверцу вертикальной аварийной шахты у задней стены гостиной и нырнул по ней вниз. Впрочем, это я определил уже на слух, потому что сидел в своём кресле и разворачивал его к борту, подключая управление к левой носовой спарке. На секунду отстав от Осоки, которая уже вела огонь по нападавшим. Вибрация от очередей правой спарки передалась по корпусу слабой дрожью. Блистер и экран-пульт показывали нам множество целей, Падме заботливо пометила каждую условным обозначением. Штрих с дугой, немного похожий на трезубец Посейдона – станковый бластер-репитер. Вертикальный овал – дройдека. Перевёрнутая трёхлучевая звезда – «труба» ракетомёта. Оставалось наводить курсор, который я про себя называл «косым мальтийским крестом», под низ значка. Кольцо, соединяющее четыре марки «креста», становилось зелёным, спуск, очередь! Но попасть было мало. Дройдеки и станкачи прикрывали собственные дефлекторные щиты, стояли они не посреди поля, а впритирку к сооружениям космопорта и кораблям. После первого же выстрела по ней дройдека моментально запрокидывалась назад, поворачиваясь на своём ободе

вокруг вертикальной оси, и ускользала за угол. Достать репитеры, у которых из-за укрытия торчал один только ствол, и шустрых ракетомётчиков было ещё труднее. Хорошо, что станкачей с моей стороны было всего четыре. А, нет, уже три, четвёртый, всё-таки, застыл бесполезной железякой после попадания. Я довольно усмехнулся. Всадил очередь в соседнюю дройдеку. Та дёрнулась в направлении ближайшей металлоконструкции, но покачнулась и завалилась на бок, словно исполинские карманные часы без крышек. Третья! Увы, этого добра у наших недругов оказалось много. На место выбывших подтягивались новые. Кому же это мы так сильно встали поперёк горла? Осоку, очевидно, посетила та же мысль.

— Падме, ты можешь разглядеть расчёты? — спросила она. — Кто они?

— За станкачами гуманоиды, точнее не вижу. А ракетчики нет.

— Нет. Странно движутся, — моя подруга резко повернулась вместе с креслом, воскликнула победно: — Есть! Отстрелялся, пускач! Это даги, ребята!

— Кажется, мы ненароком разворошили какое-то гнездо, — огорчённо произнесла Нола.

— Явно не радужниц. То-то хозяйский сынок так нервничал. Правда, не совсем понятно. Уходя, я чётко чувствовала его облегчение, он явно успокаивался.

— О чём речь, Наследница? — взмолился Бок, не понимавший наших переговоров. Та, сжалившись, принялась переводить.

— Простите, мэм, — сконфуженно сказал твилек, дослушав. — Возможно, виноват я. Если они нашли мой жучок…

— Ты сунул им прослушку?? — лица подруги за спинкой сиденья я видеть не мог, но голос её не предвещал парню ничего хорошего. — Валенок ты, а не барон! Тебя папа не учил, что действовать надо

согласованно?? Ладно. Сделанного не воротишь. Одно радует, что это не импы.

— Империя, насколько я читала, весьма нервозно относится к наличию у кого-то, кроме самих имперцев, боевых дройдов в большом количестве, — задумчиво сказала Нола.

— А вот это мысль! — оживилась Осока, снова поворачиваясь с креслом, чтобы лучше видеть очередную цель. — Ушёл, гад четверорукий… Давайте отправим сообщение сами знаете, кому, пусть сольют его, кому следует.

— Связь с Голонетом блокирована, — сообщила Падме. — У них станция подавления.

— Ну, лазером, через наш спутник. Сможешь прицелиться?

— Вполне. Сейчас настрою его на ответ позиционными огнями. Есть контакт. Отправляю… Готово.

— Надеюсь, они быстро *чухнутся* и проутюжат эту банду вместе с зенитками, — пробормотала Осока. — Поле пока держит неплохо.

— Сглазила, — Падме зажгла на экране несколько новых меток в виде хорошо мне знакомых кружков с ножками.

— Миномёты, — прошептал я. В наших условиях – страшное оружие. Галактическая модель лёгкого миномёта стреляет обыкновенными ручными гранатами. Мощность у них приличная, главное, добросить, а заряды бывают самые разные. Достать миномётную батарею дагов «Амидале» было нечем. Сенсорами мы их видели, а что толку? Складское здание, за которым укрылись миномётчики, из спарки пробить невозможно. Может, развернуться туда носом и ударить из крыльевых, мелькнула мысль. Я тут же её отбросил: тогда пришлось бы снять щиты на минуту, а может, и больше. За это время остальные снесут нам половину приборов наблюдения.

— Кажется, пришло время безумных решений, а? — сказала Осока.

— Не пугай меня, — забеспокоилась я. — Что задумала?

— Мы забыли, что у нас есть авиация. В трюме лежит.

— А ракеты?

— На истребителе я от них увернусь. Идея какая: я стартую, увожу за собой первый залп. Вояки они грамотные, стрелять будут с одной, вторую установку придержат. Тогда взлетаете вы и бьёте именно по ней. Останется одна платформа с двумя ракетами.

— Ну… ладно. Другого-то выхода у нас нет, — вынужден был согласиться я. Подтверждая мои слова, раздались два электрических щелчка, это сработали о поле над крышей корпуса две гранаты, и столбики заряда дефлекторов скакнули вниз. Даги били шоковыми зарядами, очень эффективно «сажающими» щиты. Пусть у них и нет спецзарядов, однако, миномёты скоро компенсируют меньшую мощность за счёт скорострельности и неуязвимости.

— Бок, с пушками справишься? — спросила Осока.

— Лучше я, — Нола решительно отодвинула соплеменника и плюхнулась в кресло второго пилота.

— Открывай нижний люк, — велела моя подруга. — Взлетайте не раньше моего сигнала, мигну позиционными.

Командир у дагов был опытный. Он не мог знать, что у нас в трюме, но, едва ему доложили, что корабль противника открывает донный люк, решил воспользоваться случаем. С разных сторон к «Амидале» метнулись шесть юрких, подвижных человекоподобных фигур. Они двигались по хаотичной траектории, внезапно бросаясь то влево, то вправо, подпрыгивая или становясь на четвереньки, подобно тому, как ведёт себя крылатая ракета, выполняя противозенитный манёвр. Дройды-коммандос. Можно было не сомневаться, они получили приказ проникнуть

сквозь щит – медленно движущийся объект он не может задержать – и забросить термобарические гранаты нам прямо в трюм.

— Бета! Коммандос! — произнёс я в интерком, выцеливая первого дройда. — Займись теми, кто прорвётся. Бета?

Дройдесса не отвечала, но в тот момент я не придал этому значения: нужно было сосредоточиться на бегущих к кораблю машинах. Заградительным! Только так, пользуясь приличной мощностью болтов спарки, можно было достать этих юрких убийц. Первый дройд напоролся на очередь примерно на полпути, второго я успел срезать почти в упор, и в это самое мгновение рилотский истребитель стартовал из-под днища «Амидалы», коротким плевком спаренной пушки на «загривке» снеся ещё одного противника.

— Готов! — услышал я голос Базили. Или мне показалось, что я его слышу именно сейчас, а прозвучал он несколько секунд назад? Думать было некогда. Три плюс один – четыре.

— Нола? — позвал я.

— Один! Второй ушёл! Упёрлась! — чуть не плача, выкрикнула девушка. Да, её спарка дошла до горизонтального упора и не достала последнего убийцу. Он скрылся под днищем. Но и створки люка уже закрывались. Успели?

— Поехали! — зазвенел в рубке голос Падме. Корабль оторвался от поверхности. Теперь только зенитки. Рывок вверх совместным усилием репульсоров и реверс-моторов, доворот с резким креном. Вот она! Нос корабля смотрит в антенную решётку и висящие парами по её бокам ракетные контейнеры в двух километрах от нас. Чёрная кнопка. Два плазмоида взрываются в центре установки, расшвыривая в стороны бесполезные «гаркоры» и ошмётки систем управления. Отчаянная

дрожь обеих спарок, это Падме, перехватив управление орудиями, лупила из всех четырёх стволов по стартующим ракетам второй зенитной платформы. Именно для этого я заложил такой крен: на малых углах наведения одна башенка мешает стволам другой – расплата за повышенную мощь вооружения.

— Минус один!

— Отстрел! Имитатор! Маскировка! — откликнулся я.

— Нельзя гасить щиты, — возразила Падме. И была права. Я как-то упустил, что для балансировки осей стигиевого ядра нужна пауза в работе генераторов щитов, а по нам продолжали бить из всех наличных стволов. За кормой корабля распустились веером тепловые ловушки… только с одной стороны. Очевидно, вторую ракетницу повредило взрывом барадиевой гранаты. Чёрт! Я бросил корабль к самой крыше огромного цеха ремонтных мастерских, пронёсся над ней, едва не царапая вертикальным переходником и нижними рёбрами ионизаторов. Разворот. Зенитку окутали густые клубы дыма – противолазерная защита. Неважно, активные сенсоры крепко держат металлический объект. Ракета ближнего боя ушла с подвески как раз в тот момент, когда в небе блеснула вспышка взрыва. Вслед за этим – взрыв на земле, и последний «гаркор», потеряв внешнее наведение, устремился за миной-имитатором, грохнув далеко в стороне.

— Как Осока? — спросил я.

— В норме, — лаконично ответила Падме. И так же кратко сообщила судьбу запущенных зенитных ракет: — «Гаркоры» минус один, вторая за молоком.

— А коммандос под днищем?

— Уничтожен, — не стала вдаваться в подробности кузина. Лишь позднее я узнал, как всё произошло. Вначале Падме удалось прищемить дройда створками донного люка. Он от этого не сильно пострадал и попытался взвести термобарические гранаты, но тут Герхард, наш

кибернетический эскулап, подлетел к нему на репульсорах и выжег врагу схемы разрядом дефибриллятора.

Ещё одна ракета сорвалась с левой подвески «Амидалы». Что за…? Ответом мне был сконфуженный взгляд Нолы:

— Я нечаянно.

Проследив глазами за шлейфом ракеты, я, как раз, успел увидеть, как исчезает в дымной вспышке разрыва помпезная башенка на доме великого гонщика, а вслед за этим сложился внутрь и весь верхний этаж. Ага, нечаянно она, как же! «Я мстю, и мстя моя страшна», вот как это называется.

— Так я и не джедай, — с невинным видом ответила Нола на мой невысказанный укор.

— Корабль Фельдъегерской службы, — прорезался в эфире чёткий голос, по выговору явно принадлежащий военному, — отходите в сторону, бандитами займётся Имперский флот!

— Понял Вас, — ответил я. — Не зацепите наш… э-э, челнок.

— Видим, опознали. Норма.

Было непередаваемым удовольствием наблюдать, как два сторожевика «Гоцанти» и звено штурмовых кораблей «Скипрэй» под прикрытием истребителей утюжат боевые порядки частной армии семейства Себульба, заодно разнося в щепки собственный грузовой порт.

— Какие же дураки эти имперцы, — покачал головой Бок. Помолчал и добавил самокритично: — Даже больше, чем я.

«*Дурак, выполняющий приказы, лучше дурака с инициативой. От него вреда меньше*», — философски заметил по интеркому Пятерня. Бок его не слышал, Нола – слышала и захихикала в кулак.

После завершения воздушной фазы операции на поле опустились десантные челноки, и доблестные воины

Корпуса Имперских Штурмовиков приступили к прочёсыванию развалин. «Амидала» и истребитель приземлились чуть поодаль от сторожевиков. Поскольку нас обозвали «фельдъегерской службой», мы с механиками сменили обычную одежду на серые с искрой технические комбинезоны (имперский патент, повышенная стойкость к техническим жидкостям, загрязнению и электростатике, удобное расположение карманов и т.д., и т.п., полстраницы рекламы). Правда, Осока в своём бирюзовом платье и жилете несколько ломала картину. Имперские техники, увидев, кто управлял «челноком», только что пальцами в нашу сторону не показывали. А я, в свою очередь, изумился, увидев, кто выпрыгнул с заднего сиденья истребителя.

— Бету-то ты зачем взяла? — спросил я. — В качестве бортстрелка?

— М-м… — слегка смутилась Осока. — По правде, я не рассчитывала, что обману обе ракеты. Думала, выпрыгнем в последний момент, а потом устроим им второй Геонозис.

— Слава богу, что не пришлось.

— Да. Досталось нам, — Осока указала глазами на борт «Амидалы», где висели раскуроченные пусковые установки тепловых ловушек и дипольных отражателей. От мелких блоков навесного оборудования остались только крепления.

— Ребятишки явно знают планировку «Мглы». Рассчитывали вмять стенку накопительного отсека и разрушить стеллажи. А это взрыв в машинном отделении.

— К счастью, наш корпус не из обычного металла, — усмехнулся, подходя, Иан. — Ремонта часа на два, не больше.

— Возможно, и меньше, — подмигнула Осока.

— Ты о чём?

— Помощники прибыли, — моя подруга кивнула на четырёх имперских техников с лестницей на

репульсорном ходу, направляющихся в нашу сторону. Возглавлял их человек в оливковом офицерском мундире. С этого расстояния можно было различить нагрудную планку. Первый лейтенант.

— Кто командир корабля? — спросил он, приблизившись.

— Я, — сказал я. Осока, любезно улыбаясь, стояла рядом, она предвидела дальнейшие расспросы. И точно. Офицер продолжал:

— Попрошу Вашу служебную карту.

— Вам нет нужды смотреть его служебную карту, — моя подруга шевельнула пальцами.

— Мне нет нужды смотреть его служебную карту.

— Коды подтверждения сверены во время сеанса связи.

— Коды подтверждения сверены во время сеанса связи, — повторил старлей. Помолчал немного в задумчивости, затем спросил совсем не по-военному: — Не знаете, что я хотел? Ах, да, виноват! Господин капитан, Его Превосходительство приглашает Вас к себе. Челнок ждёт. А наши специалисты вместе с вашим инженером начнут ремонт.

— Благодарю. Нам нужно несколько минут, чтобы привести себя в порядок, — сказал я, — Вы же понимаете.

— Семь минут, лейтенант, — уточнила Осока и походкой кинодивы направилась в корабль.

— Семь можно подождать, — кивнул офицер. Сделал паузу, спросил доверительным тоном: — У вас в фельдслужбе нормально относятся к хуманам?

— Помнится, лорд Вейдер говорил: «У себя в ведомстве я сам решаю, кто человек, а кто нет», — пожал плечами я. На самом деле, это говорил толстый Герман Геринг про евреев, однако, лейтенант этого не знал и поспешил согласиться:

— Именно так, сэр. Смотреть нужно на талант, а не на то, какие у кого рога.

Наверху, в каюте, Осока успела снять платье и достать из шкафа чёрный уставный комплект.

— Почему ты так любишь сама лезть к чёрту в пасть?? — проворчал я.

— Одного не пущу, — отрезала Осока. И прибавила железобетонный, непрошибаемый аргумент: — Ибо нефиг!

Что поделаешь, пришлось лететь вдвоём. В мундирах и сверкающих сапогах, естественно. В Империи любят сверкающие сапоги. И чёрный цвет тоже. Во флоте он присвоен экипажам кораблей, которые у нас назвали бы «гвардейскими», и Имперскому Истребительному Корпусу. Канты, выпушки и тому подобное у военных не приняты, зато их носят другие ведомства: налоговая служба, миграционная, разные инспекции и надзоры… И Имперская канцелярия с Инквизицией, конечно. Покрой всех мундиров унифицированный, этим грех было не воспользоваться. Один из наших разведчиков придумал вшивать в нужных местах костюма цветовые трубки и, настраивая их потом при помощи задающего генератора, получать разные комбинации. Оставалось прикрепить эмблему, а где требуется – воротник и обшлага из другого материала, и получалось не хуже настоящей униформы. В общем, когда челнок доставил нас на борт разрушителя, выглядели мы как настоящие фельдъегеря.

Здесь нас ожидал небольшой сюрприз. Командиром корабля и всей тактической группы оказался Датмар Клойд, с которым мы дважды сталкивались в позапрошлом году, на Шили и Араге. То есть, мы его лицо видели, он наши, к счастью, нет.

— Присаживайтесь, господа, — произнёс он своим ровным интеллигентным голосом. — Я пригласил вас, во-первых, чтобы выразить неудовольствие. Скажите мне,

какая необходимость была приземляться на планете без сопровождения, да ещё в грузовом порту? С орбитальной базы мы могли бы безопасно доставить Вас и Ваши вализы в любую точку планеты.

— Таковы данные мне инструкции, — ответил я, как и советовала прозорливая Осока.

— Ваши инструкции запрещают уведомлять о прибытии военную администрацию?

— Нет, сэр. Виноват, сэр.

— Отрадно, что поняли. Ваше счастье, что мофф Шильд в отлёте, иначе точно пошла бы депеша Вашему руководству. Ну, и, во-вторых, хочу поблагодарить Ваш экипаж за вскрытие сети нелегальных торговцев органами.

— Органами?

— Прикрываясь именем знаменитого папаши, младший сын организовал перевалочную базу. От добытчиков органов к заказчикам, — произнёс, появляясь из боковой двери, другой офицер, судя по планке – капитан, только не флотский. Одет он был в обычный оливковый мундир, однако, цвета камней планки выдавали его принадлежность к Имперской Службе Безопасности.

— Варварство какое-то, — искренне возмутилась Осока. — Разве нельзя заказать **клонированный** орган? Это и проще, проблем с отторжением не будет.

— Это значительно дороже, леди, — развёл руками Клойд. — Здесь, в пространстве хаттов, человеческая жизнь ценится весьма дёшево. А нечеловеческая – тем более. Прошу знакомиться. Капитан Цолосин, мой особист.

— Сэр… Мэм… — дважды кивнул головой безопасник. — Весьма рад.

— Взаимно. Надеюсь, за свои преступления. Себульба-младший прямиком отправится на Кессель, — сказала моя подруга.

— Уже нет, — круглое лицо особиста стало фальшиво-печальным. — Оказал активное сопротивление и был убит.

— У его отца обширные связи, — заметила Осока.

— О чём и речь, мэм, о чём и речь. С другой стороны, нелегальная армия дройдов под носом у моффа… Тут никакие связи бы не помогли.

— А так связь между художествами Кандуги и его отцом не доказана, — Осока понимающе улыбнулась.

Покончив с формальностями, Клойд приказал адъютанту подать кэф и закуски, пересел из-за рабочего стола к нам за приставной и повёл беседу в светском ключе. Интересовался, давно ли мы бывали на Корусанте, какие миры посещали в последнее время. Осока, так удачно вступив в разговор, ему отвечала: преимущественно несла всякую ахинею. Вспоминала планеты, где прежде бывала «ещё ребёнком», а недавно посетила снова, и как там всё изменилось. Я поддакивал, чтобы не слишком широко ухмыляться. Этого ребёнка со световым мечом я представлял себе довольно живо. Цолосин в разговоре тоже почти не участвовал, лишь пару раз вставил короткие фразы, когда Клойд прямо ссылался, что «вот, Служба Безопасности не даст соврать». Так продолжалось больше часа. Ни дать, ни взять, встреча старинных сослуживцев, не близких друзей, но которым есть, что вспомнить о старых временах. Потом прозвенел сигнал интеркома. Клойд развернул к себе панель монитора. Улыбнулся:

— Ну, вот. Ваш корабль в полной исправности стартовал с планеты. Через четверть часа будет здесь.

— Вы очень любезны, коммодор, — ответил я, не добавляя «господин», как равный равному. Во время перелёта сюда Падме прочла мне целую лекцию, как правильно кого титуловать. В данном случае, мы с Клойдом, вроде как, принадлежали к разным ведомствам, и начальником он мне не являлся.

— Желаете что-нибудь ещё? — радушно предложил Клойд.

— Нет-нет, благодарим Вас, — буквально хором сказали мы с Осокой.

— Я распорядился подготовить для вас несколько контейнеров с продуктами. Здесь, на Тете, выращивают множество видов овощей, отличного качества.

— Ну, что Вы, не стоило беспокоиться, — произнёс я.

— Будет весьма кстати, — чуть наклонила голову Осока и доверительно сообщила: — Программированием дройда-повара на корабле, в основном, занимаюсь я. Нашим мужчинам обычно некогда.

— Жаль прощаться так скоро, — посетовал Клойд. — В наше время редко встретишь столь очаровательную женщину… в форме. Сами знаете, светские львицы обычно красивы, но довольно глупы.

— Помнится, на Вашем прежнем месте службы была такая женщина?

— О-о, что Вы, о небожителях мы не говорим. Ей, как Вы, может быть, слышали, составлял протекцию сам Уилхафф Таркин. Простых офицеров вроде меня она и взглядом не удостаивала.

— Возможно, в скором времени и Вы получите адмиральский чин.

— Моя леди, у адмиралов есть свои сыновья, и не по одному, — вздохнул Клойд. — А число должностей ограничено. Прошу, господа, за мной. Провожу вас до переходного отсека.

В зале стыковочных галерей коммодора встретили подтянутый гранд-капитан, я бы назвал его даже молодцеватым, если бы не мешки под глазами, и простой капитан с небольшим брюшком, очевидно, тыловик, поскольку планка у него была в один ряд.

— Господин коммодор, контейнеры готовы, — доложил второй.

— Сэр, дозвольте обратиться к капитану фельдъегерской службы? — попросил первый.

— Дозволяю, — ответил Клойд.

— Капитан, Ваш корабль нуждается в дозаправке? — спросил гранд, и мой нос сразу уловил отчётливый запах «вчерашнего застолья».

— Негатив, — выдал я стандартное военное отрицание. — Мы только залились перед нападением.

— Тоже почувствовали? — Клойд едва слышно вздохнул. — Вот с кем приходится служить. Под трибунал бы его, да мне он не подчинён. А ведь до инцидента на Гвори этот Дюла был хорошим собранным офицером.

— Увы. В ходе борьбы с пьянством пьянство опять победило с разгромным счётом, — я развёл руками.

— Совсем забыл спросить, — теперь коммодор обратился к Осоке, — надеюсь, у Вашей матушки всё благополучно?

Мне показалось, что пол под ногами качнулся, как недавно на «Амидале», во время нападения. Он знает? Нас попытаются захватить? Тогда почему не в кабинете? Им нужен наш корабль?... Ладонь подруги умиротворяюще легла на мой локоть.

— Да, вполне, — сказала она, не тем светским тоном, которым разговаривала последний час, а обыкновенно, как дома. Похоже, никакой угрозы она не ощущала.

— Вам всегда всё удаётся, не так ли? — лукаво прищурился Клойд.

— Будь это так, не случилось бы то, что случилось сегодня.

— Тем не менее, ситуация обернулась к лучшему. Желаю удачи и впредь. Честь имею.

Клойд откозырял, Цолосин – он успел завести разговор с тыловиком – тоже приложил руку к кепи, прощаясь издали. И мы беспрепятственно шагнули в свою переходную галерею.

— Падме, люк, расстыковка, уходим, — распорядился я и, повернувшись к подруге, спросил: — Не знаешь, что это было? Вот сейчас.

— Возможно, начало добрых человеческих отношений, — с улыбкой сказала она.

— Это с импом-то??

— А как насчёт Вентресс?

— М-м, ну, она-то раскаялась, — я посторонился, пропуская подругу из переходника в гостиную.

— Разве Клойду есть в чём каяться? Я ещё в первый раз его послужной глянула. Верный служака, сначала в Республике, потом в Империи, участия в Чистке не принимал. А то, что Таркин сплавил его, как ты выражаешься, в дыру, тоже говорит о многом.

— Сплавляют за разное.

— Так и в дыре себя можно по-разному вести. Дюла, вон, бухает, а Клойд ничего, держится.

— Какой курс задаём? — спросила Нола, услышав наши голоса. Она сидела в кресле второго пилота и, перегнувшись через подлокотник, смотрела назад, на нас.

— Пока остаёмся в системе, — отозвалась Осока. — Двигайся к удобной точке два, но не спеши. Поболтаемся здесь ещё немного.

Я вопросительно поглядел на подругу, она чуть кивнула и сразу пожала плечами, мол, да, чувствую что-то, но нечётко. Это могло означать, что в ближайшее время придёт ответ на один из наших запросов, а в этом случае ждать имело смысл. В гиперпространстве «Амидала» неспособна отправлять и принимать сообщения, слишком малы размеры корабля.

— Визит к имперскому начальнику прошёл без осложнений? — деликатно поинтересовался Бок.

— Нормально, — сказал я. — Коммодор Клойд даже поблагодарил за то, что разворошили это змеиное гнездо.

— Благодарность! Мы едва не погибли! — воскликнул твилек. — Я осознаю меру своей вины. Из-за моего передатчика даги, должно быть, решили, что мы имперские шпионы, и напали. Простите меня, принц, я допустил преступную неосторожность. Если бы не броня вашего потрясающего корабля…

— Да, только прочность корпуса нас и спасла. Ладно, не терзайся, главное, выводы сделать.

— Непременно! — закивал Бок, обрадованный, что в космос без скафандра него не выкинут. А я, поднявшись на своё место, поманил пальцем Нолу. Спросил полушёпотом:

— Скажи-ка, глава клана Секура, что ты наплела обо мне несчастному баронскому отпрыску? Смотрит на меня круглыми глазами, величает принцем…

— Алекс, ну… так пришлось. Он, представляешь, что спросил? Почему-де я так странно выбрала доверенное лицо, неужели не нашлось более достойной персоны, чем человек. Ничего так расист? Я и говорю: чем тебе кажется недостойным брат королевы Набу?

— А он?

— Сразу прикусил язык. Вообще, удачно вышло. Он и про корабль допытываться перестал. Для королевской семьи на верфях Тиида любой каприз исполнят.

— Это хорошо. Но принцем меня кому попало больше не представляй. А то без сладкого оставлю.

— Хорошо, папочка, — прыснула Наследница.

— Извини, что отвлекаю от воспитательного процесса, — Падме вывела своё изображение на центральную секцию пульта. Говорила она на минимальной громкости, но, судя по её улыбке, произошло что-то обнадёживающее.

— Да?

— Выход из гиперпространства. Скифф нубийского типа. Тот самый…

Название корабля Петаса Жужела в оригинале выглядело как «Another time». В зависимости от контекста, это можно было трактовать как «Иное время», а можно как «В другой раз». Ну, уж нет, никакого другого раза я больше не допущу! Сейчас и только сейчас!

— Экипаж, тревога! Вижу корабль Жужела, — произнёс я в полный голос, переводя переключатель маскировочной системы в положение «включено». — Осока, просканируй, пожалуйста.

— Да, Рийо на борту.

Синие огни балансировки выстроились в немигающий ряд. Я врубил дефлекторные щиты и аккуратно, на одних плазменных двигателях скрытного хода, пошёл на сближение. Высокочувствительных гравитационных детекторов у Жужела не было, они не поместились бы в столь скромный объём, поэтому «В другой раз» не обнаружил «Амидалу» до того мгновения, как плазмоид энергетической торпеды разворотил скиффу сопла левых досветовых двигателей. В отличие от королевского «джерк-327», здесь они были сдвоенными, друг над другом. Крыльевые орудия прошлись длинной очередью по пилону правого крыла. Падме этого показалась мало, и она дала залп из спарок по носовой части.

— Теперь точно никуда не денется, — прокомментировала она.

— Там отсек систем управления? — спросил я.

— Нет, спасательная капсула. Прямо перед апартаментами владельца.

Пришвартоваться «валетом» к лишённому хода кораблю было проще простого. Выдвинутая левая галерея коснулась борта, гибкий обтюратор прилип к металлу всей поверхностью, а гравитационные присоски на ионизаторе крыла притянули фюзеляж скиффа к «Амидале» ещё в

одной точке. Пятерня двигал по периметру прохода каретку с искросиловым резаком, из-под которого выбивались струйки дыма. Справа налево по порогу, затем вверх вдоль левой створки люка, вправо по притолоке, вниз вдоль правой створки… За резаком в металле оставался тонкий прорез с чёрными обугленными полосами на защитном покрытии по обеим сторонам. Осока наблюдала за процессом, внезапно нахмурилась, скомандовала:

— Назад!

Как всегда, вовремя. Осаждаемые не стали ждать штурма, они выбили борт сами. Запоздай предупреждение хоть на секунду, и Пятерню бы придавило металлической плитой. В проёме показалась высокая тёмная фигура, как мне в первый момент показалось, в курортной панаме. На самом беле, «панама» оказалась металлическим колпаком, из-под которого с лишённого носа и губ лица глядели две красные точки видеосенсоров. Дройд серии IG, незнакомой разновидности. Механизм согнул правую руку, послышался тонкий свист. Взмахом жёлтого меча Осока отразила выстрелы. Несколько небольших предметов стукнулись в броню Пятерни. Вот что это – отравленные иглы! Осока, не теряя времени, ударила зелёным мечом сверху вниз, пытаясь разрубить противника надвое, да не тут-то было. Предплечье дройда неожиданно удлинилось, четыре пластины на обратной его стороне раздвинулись попарно, продолжая прикрывать телескопические «кости». Именно на эту защиту он и принял огненное лезвие. А другой рукой ударил, словно отбойным молотком, целясь Осоке в солнечное сплетение. Ей пришлось ставить блок основанием рукоятки, отклоняясь назад, чтобы пропустить мимо лица новую серию игл. Выстрелил Пятерня, но заряд плазмы, кажется, не причинил дройду вреда. Второй плазменный болт механизм просто отбил рукой, а от укола жёлтым мечом

уклонился. Затем провернулся весь, словно винт вертолёта, метя правой рукой в голову Пятерне. Того, что сделал клон, я никак не ожидал. Он мог уйти, но подставил под удар руки, в следующий миг повиснув на конечности дройда всем весом. Механизм, словно пушинку, отшвырнул его к дыре в борту скиффа. Кажется, тому только этого и надо было. Перевалившись через порог, он исчез во вражеском корабле. А Осока, не давая дройду начать новую атаку, обрушила на него град ударов. На грудной пластине кибернетического бойца появились несколько прожжённых мечами полос, но ни одна не сквозная. Дройд защищался, снова успешно. Тыльные стороны ладоней у него, кажется, были из того же плазмоупорного материала, он бил по лезвиям, не давая Осоке достать до сочленений. И стрелял, стрелял иглами. Хватает же на всё быстродействия! Мы с Ианом сжались за мерцающей плёнкой прямоугольного силового щита калевальского производства, Базили и твилеки укрылись в гостиной, бессильные чем-то помочь. Кто знает, что за дрянь заряжена во внутренние каналы игл? Хорошо, если паралитическая, на чёрном рынке продаются и иглы со всевозможными смертельными наполнителями. Однако, у нас имелась ещё одна козырная карта, именно против такого противника. Плавными скользящими шагами Бета вошла в галерею и, не уклоняясь, двинулась прямо на поединщиков. Она даже персональный щит включать не стала, её конструкции иглы не могли причинить вреда.

— Всё торопишься, — буркнула она, адресуясь к Осоке. — Бей!

Рука вражеского дройда на полсекунды попала в ладони Беты и тут же оказалась вывернута другой стороной. Не теряя времени, Осока разрубила локтевой сустав вместе с приводом. Скользнула вплотную к механизму и вонзила жёлтый меч у основания головы. Фонтан искр, визг искалеченных приводов. Дройд забился,

отшвырнув Бету, его отлетевшая кисть ударила в угол нашего щита, едва не выбив из руки Иана. Хорошо, что я успел подхватить рамку за верхний край. Щиты, разработанные мандалорами, хорошо защищают, но и жгутся не хуже открытого огня. Самим-то им всё равно, они воюют в бронекостюмах.

— Вперёд! — приказала Осока. — Аккуратно, там двое живых.

Внутри скифа Пятерня, укрывшись за развороченным внутренним слоем оболочки, отвечал на огонь двух стрелков. Из двери в направлении носа щёлкал пистолет, из турболифта с противоположной стороны – что-то посерьёзнее, вроде карабина. Осока, небрежно отмахнувшись от летящего в неё болта, вышла на середину, отразила мечом ещё одну очередь.

— Эй, шеф, я увольняюсь! — донёсся из лифта визгливый голос. — Джедаев в контракте не предусмотрено!

Створки дверей сомкнулись.

— Сучка дуросская! — выругался второй член экипажа, на этот раз, явно мужчина. — Бросила… Ну, а с вами сдохнем вместе!

В ту же секунду в комнату влетела граната. Мне была хорошо известна её мощность, и я сразу понял, что дело труба. От осколков закрыться можно, а толку? Барический удар, скорее всего, убьёт всех, кроме Пятерни в его бронекостюме. А не убьёт сразу – того хуже: взрывной волной переходник «Амидалы» оторвёт от скиффа, и мы окажемся в вакууме…

— Это вряд ли, — фыркнула Осока. Протянула руку, что-то хрустнуло, и из гранаты вылетел небольшой, с половину мизинца, предмет, через секунду лопнув короткой оранжевой вспышкой.

— Ещё есть? — насмешливо спросила моя подруга. — Можем устроить фейерверк, прямо у тебя на поясе. Только сначала закрою вот эту дверь.

— Понял, сдаюсь, — мрачно ответил противник. — Проклятые джедаи…

Из двери вылетел и грохнулся на пол пистолет, за ним последовал пояс с гранатой и запасными бластерными батареями.

— Твоя наёмница оказалась умнее, сразу слиняла, — заметила моя подруга.

— Тарла Лимпан гениальный пилот, но труслива, как неймодианка, — в помещение с поднятыми руками вошёл человек средних лет. Да, это был Жужел: высокий с залысинами лоб, тонкие брови, нос картошкой, усы… По сравнению с голографией они существенно отросли и свешивались кончиками с подбородка.

— Чутьё у неё, как у Гривуса, — согласилась Осока. — Не удивлюсь, если эта особа так же далеко пойдёт.

— Что вам от нас нужно? — спросил Жужел. — Мы скромные путешественники, денег и ценностей у нас нет, только этот скифф, да и тот вы разворотили.

— Верно. Деньги ты только собирался получить, с Великого Чемпиона Себульбы. Девушка ведь там, на корме?

— Неужели всё это из-за неё? Хех. На корме, на корме, только без лифта туда, увы, не попасть, — Жужел усмехнулся в усы. — Под нами ещё трюм.

— Ничего, попадём, — сказал я. Включил свой меч и принялся резать створку двери. Верх, длинная сторона, теперь низ. Возле стыка створок под полом находится направляющий ролик, именно напротив него я оставил узкий шпенёк, как на крышке консервной банки. Оставалось навалиться на дверь, затем наступить ногой, после чего створка, отогнувшись, как раз, легла верхней частью на порог противоположного края шахты. Геометрию надо учить, господин Жужел, а ещё – лучше знать собственный корабль. Мне, например, были точно известны размеры дверей и шахты нашего турболифта, а на скиффе, как раз, стоит такая же модель. Осторожно

перейдя шахту по шаткому мостику на высоте второго этажа, я прорезал противоположную дверь… и застыл, глядя в стволы двух бластерных пистолетов.

— Ни с места, злобный пират! — прочирикал маленький дройд DUM, точь-в-точь такой же, как прислужники в доме Себульбы. — Иначе мои бластеры тебя испепелят!

— Не дури, механик, — как можно более уверенно произнёс я. — Прекрати сопротивление, твой хозяин уже сдался.

— Я буду последней линией обороны хозяйского имущества! — блестя огромной линзой единственного видеосенсора, ответил механизм.

— Что тут у нас? — Осока заглянула через моё плечо. — Неадекватный дройд? Думаю, нам понадобится вот это.

В её руке появился продолговатый брусочек кристаллического накопителя в кожухе высокой защиты.

— И как ты его вставишь? — хмыкнул я.

— Нет необходимости, — моя подруга лёгким щелчком отправила кристалл в полёт. Он ударился прямо в линзу. Бластеры выпали из манипуляторов дройда, и тот сложился, превратившись в подобие металлического гриба, зачем-то поставленного на лыжи.

— Отличный фокус, — одобрил я.

— Анакин научил, — пояснила Осока. — Он в детстве с ними часто сталкивался.

— В какой каюте Рийо?

— Сейчас… Вот в этой, — Осока рубанула мечом по замку. Звук, похожий на звон лопнувшей струны, переходящий в треск, это рассыпалась запорная магнитная пластина. Каюта оказалась довольно скромных размеров для корабля такого высокого класса. Рийо, обхватив руками колени, сидела в дальнем углу ниши спального места.

— Осока! — закричала она, вскакивая. Подруги обнялись.

— Ты как? — спросила Осока.

— В пределах нормы.

С ней, похоже, действительно, всё было в порядке, кроме одежды. Вместо платья, что я видел на ней перед злополучным походом на рынок – длинная прозрачная блуза, сквозь которую просвечивал бюстгальтер, и обтягивающие брюки с прозрачными вставками-лампасами. Скорее всего, Жужел заставил её это надеть, такая своеобразная «предпродажная подготовка». А о том, что Рийо не твилека, видимо, так и не догадался. Нейроинтерфейс по-прежнему был у неё на голове вместе с головным убором и фильтрами.

— Наконец-то мы тебя разыскали, — сказал я.

— Вы просто молодцы! Здравствуй, Алекс, — улыбнулась панторанка.

— Привет-привет. Нам здесь ещё что-нибудь нужно, девчонки?

Обе почти одновременно покачали головами.

— Тогда идёмте отсюда. Осторожно, не упади, створка еле держится.

В помещении перед лифтом, где был пробит борт, Бок допрашивал Жужела. Рядом, словно две бронированные статуи, неподвижно стояли Бета и Пятерня.

— Повторяю вопрос, — Бок тряхнул перед носом пленника декой. — Кто делает эти документы, проходящие проверку на подлинность?

— Да пошёл ты, хвостоголовый!

— Ботавуи, — сказала Рийо. — Документы он делал там.

— О, мисс, с Вами всё в порядке? — твилек, потеряв интерес к Жужелу, повернулся к ней.

— Думаю, да. Алекс, у нас, что, появился стажёр?

— Не совсем. Знакомься, это Бок из дома Афа, сын барона. Помогает нам в поисках тебя, — пояснил я.

— И попутно клеит Наследницу, — по-русски добавила Осока.

— Звёзды… — всплеснула руками Рийо. — И Нола тоже здесь?

— Очень удачно здесь. Без неё мы потеряли бы, минимум, сутки на визит к барону.

— Прошу прощения от имени отца, что мы не выкупили Вас, мисс, — слегка поклонился Бок. Рийо усмехнулась уголками губ:

— Ваш отец проявил осторожность, свойственную мудрому руководителю.

— Лучше бы купил, — Жужел сплюнул себе под ноги. — Тогда бы вы никогда меня не нашли.

— Не стали бы и искать, — фыркнула Осока. — Много чести, гоняться за каждым паршивым авантюристом!

— Многие из нас уже не те, что раньше. Не правда ли, высокочтимый Рыцарь всемогущего Ордена? — с сарказмом произнёс Жужел. — Я когда-то правил целой планетой!

— Не контролируя и четверти её территории, — подсказала моя подруга. Бывшего политика это задело:

— Что ты знаешь о нашей войне, девчонка? Вас там и близко не было!

— Ну, это как сказать. Помнишь корабль, набитый боевыми дройдами?

Жужел изменился в лице.

— Тварь! Неужели это ты…

— Значит, помнишь, — кивнула джедайка. — Всё-таки, правильно мы тогда поступили. Страшно подумать, что было бы с планетой, если бы победил ты.

— Хочешь, я скажу тебе, чего точно бы не было? — прошипел Жужел. — Не было бы погромов и казней. И

орбитального десанта тоже. Империя получила бы Тайемс тихо и без эксцессов…

— Полностью разграбленным. Уж ты и твои дружки-олигархи, которых громили потом люди Нехая, вывезли бы всё до крошки. Впрочем, Нехай ведь сам работал на Империю. Не знал? Палпатину было всё равно, кто из вас одержит верх. Нужного результата он добивался при любом исходе войны.

— Старый вонючий ублюдок!

— Точная характеристика, хотя ты сам немногим лучше. Ладно, нам, пожалуй, пора. Никуда не уходи, — Осока втолкнула Жужела в то самое помещение, из которого он пару минут назад пытался отстреливаться, и закрыла дверь. Повернулась к нам: — Летим отсюда.

— Сдадим имперцам? — спросил я, переключая привод люка нашего переходника на «задраивание».

— Лучше. Наведу на них Синдуллу с компанией, — сказала Осока. — На Тайемсе за голову Жужела объявлена награда. Пусть ребятишки поправят своё финансовое положение.

— Какой курс задаём?

— М-м, думаю, сначала Бараб. Помнится, оттуда есть Старая Дорога прямо на Куларин, через Нар Каагу, Дрессел и Лоранз.

— Понял.

— Мастер, неужели Вы помните наизусть все маршруты Галактики?? — в благоговейном восхищении воскликнул Бок. Вообще, с того момента, как увидел Осокины мечи, он не сводил с неё восторженного взгляда, словно встретил божество.

— Конечно, нет, — улыбнулась Осока. — Мне приходилось бывать в этих краях, кое-что запомнилось.

— Рийо! — Нола повисла на шее у панторанки, целуя её в обе щёки. — Выглядишь просто волшебно! Тебе так идёт…

— Особенно костюмчик, — поморщилась та. — Надо поскорее снять с себя всё это. И принять душ.

— Нола, а кто у нас за управлением? — строго поинтересовался я.

— А зачем… — начала она, но, вспомнив, что на борту посторонний, смутилась: — Ох. Да. Я сейчас!

— Не надо, я сам, — махнул я рукой. — Помоги лучше Рийо.

В рубке я увидел стройную фигуру в плаще и надвинутом капюшоне. Она беседовала с голографическим изображением той самой твилеки, что показывала нам Осока на снимке.

— Корабль их повреждён, не исключена утечка воздуха. Поторопитесь. Мёртвый преступник на Тайемсе не нужен.

— Да, Фалкрам, всё поняла, — отвечала Гера. — Стартуем немедленно.

Голограмма погасла. Падме – это, конечно же, была она – откинула с головы капюшон, а затем «стёрла» и весь плащ, оставшись в одном из своих обычных платьев. Сказала:

— Ну, вот, дело сделано. Можешь уходить за свет.

— А ты?

— Пойду, посмотрю, как там Рийо.

— Давай-давай. Она сегодня прямо Клеопатра, — засмеялся я. — Целых три горничных, да какие! Королева, наследная баронесса и джедайка.

— А ты не завидуй, — и Падме растаяла в воздухе.

Ввод координат не занял много времени, ровно столько, сколько требуется, чтобы отыскать пункт назначения в базе данных, пересчитать две точки в многомерный вектор и прописать параметры в регистры гиперпривода. Звёзды вытянулись в нити, и «Амидала», как всегда, гладко и плавно ушла в гиперпространство. Сидеть дальше в рубке смысла не имело: даже при нашей

скорости прыжок займёт два с лишним часа. Я вернулся в рубку и услышал разговор между механиками и Боком.

— Сам я войну не очень помню, — говорил твилек, — во время битвы за Геонозис мне четыре года было. А потом все хроники, где говорилось о джедаях, из Голонета удалили. Отец всегда говорил, что политики – мерзкие и неблагодарные существа. Пока рыцари поддерживали мир, улаживали конфликты, воевали за них – были хороши. А не понравились Канцлеру – все бросились их травить, как цепные *акки*. Я думал, их всех уничтожили.

— К счастью, не всех, — ответил Иан. — Некоторые уцелели, как ни старались Палпатин с Вейдером. Но ты, конечно, понимаешь, что это конфиденциальная информация.

— Разумеется. На меня и наш дом можете положиться вполне… О, принц, а мы тут говорим о джедаях. Вы ведь тоже из их числа?

— Я – нет.

— А как же меч?

— Велморийцы тоже носят подобные мечи, — пожал плечами я. — И тапанцы. А разве они джедаи?

— Да, верно. Но фехтовать Вы умеете?

— Не лучше, чем любой обыкновенный человек. С ситским аколитом, владеющим Силой, я не справлюсь.

— Что такое вообще эта Сила? Я так и не смог понять. В Голонете – только косвенные сведения о ней.

— Потому что удалили, — сказал Иан, — вместе с хрониками.

— Я, честно говоря, тоже не совсем понимаю, — признался я. — Знаю, что Сила порождается всей живой материей во Вселенной. Что её нельзя измерить непосредственно, только результаты её взаимодействия с предметами. У нас на этом принципе основаны детекторы: как компас, только вместо магнитной стрелки – обработанный адептом кристалл, который поворачивается

и вибрирует в потоке Силы. Об остальном лучше спросить у Осоки.

— Обязательно спрошу, — кивнул Бок. Впрочем, десять минут спустя он напрочь забыл о своём намерении, потому что увидел Рийо, вышедшую из каюты в своём естественном виде.

— Госпожа, так Вы вовсе не твилека? — ахнул он.

— Нет. Это была биомеханическая маскировка, — ответила панторанка.

— Я и не заподозрил. Ваши лекки двигались так естественно…

— Всё благодаря встроенной электронике. Мы пока не выяснили, кто изготавливает такие устройства, но знаем, что ими могут пользоваться имперские агенты.

— Вот это очень важная информация. Вы позволите сообщить её отцу?

— Пожалуйста. Вообще, я надеюсь на дальнейшее сотрудничество с вашим кланом.

— Я тоже, — закивал Бок. — К сожалению, решения принимаю не я, а отец и старший брат.

— Давайте-ка накроем на стол и позавтракаем, — предложила Осока.

— По времени, скорее, уже обед, — поправил Базили.

— Ну, обед. Этот Жужел, наверняка, тебя не кормил, Рийо?

— Нет, еду он приносил, но у меня кусок в горло не лез, — сказала панторанка.

После всех треволнений трапеза удалась на славу. Кухонный дройд – наверняка, не без участия Падме – выдал на стол лучшие деликатесы, что хранились в корабельных холодильниках. Бок, узнав, что Рийо и есть Генеральный директор всей нашей компании, вёл себя предельно учтиво и скромно, несмотря на все просьбы быть проще. Я с интересом думал, что с ним было бы,

если бы здесь присутствовала ещё и Её Величество королева Набу. Перебрался бы на коврик у входа или, всё же, осмелился остаться за столом? Потом мы долго, не спеша, пили земной кофе с молоком и иридонийскими фруктовыми сладостями, похожими на арабские, и не заметили, как подошло к концу время прыжка.

Когда «Амидала» вздрогнула, словно на небольшой дорожной неровности, выходя в обычное пространство, Рийо поднялась из-за стола.

— Прошу меня извинить, — сказала она. — Нужно выйти на связь со штабом компании, узнать состояние дел.

— Тебя не было полтора дня, — заметил я. — Неужели ты думаешь, что за это время мы разорили фирму?

— Что за глупости, конечно, нет. Но могло случиться что-то экстренное. Пока долетим до базы, потеряем время.

Двери рубки сомкнулись за ней. Прошло пять минут, десять…

— Она там, что, селекторное совещание устроила? — забеспокоился я. — Дорвалась, называется. Нам, между прочим, пора прыгать дальше. Надо, наверное, пойти, поторопить её?

— Сходи, — пожала плечами Осока. — Командир у нас ты.

Рубка встретила меня тишиной. Главный проектор не работал, Рийо в зале не было. Я заглянул в боковую комнатку по левому борту, где располагались корабельные сейфы и секретный компьютер. Панторанки не оказалось и там. Да куда же она делась? В комнате правого борта, вроде бы, делать нечего, там только люк второй спасательной капсулы и санузел… Санузел? Фу ты, ну, конечно! Могла ведь девушка просто зайти в туалет? Я уже хотел спросить у Падме, закончила ли Рийо сеанс связи со штабом и, если да, ввести координаты нового прыжка, как вдруг услышал подозрительно знакомые

звуки. Панторанка стояла в закутке санузла перед умывальником, опершись руками о раковину, и плакала.

— Рийо, что случилось? — встревожился я. — Из штаба плохие новости?

— Нет, — она помотала головой. — Там всё в порядке.

— Тогда что? Жужел?? Этот подонок что-то тебе сделал? Издевался, унизил? Я не поленюсь вернуться и разнесу его на атомы, если он хоть пальцем…

— Нет-нет, — Рийо повернулась ко мне. — Он со мной обращался аккуратно, боялся попортить товарный вид.

— Тогда почему вдруг слёзы? Всё ведь уже закончилось.

— Знаю… А они всё равно текут… — панторанка смахнула с ресниц выкатившуюся слезинку, совсем по-девчоночьи шмыгнула носом.

— Ну, ну, товарищ Генеральный! — попытался я пошутить. Рийо шутку не приняла.

— Генеральный, — повторила она печально. — Говоришь так, будто я какой-то там выдающийся деятель. Я – самая обыкновенная, Алекс. Не как твоя замечательная сестра. В школах молодых политиков не занималась, в благотворительных программах не участвовала. Попала в Сенат, по сути, случайно. Был конкурс работ по социальным наукам, от нашего пансиона отправили моё сочинение. Вдруг – приглашение к самому Председателю Чи Чо. Он меня так нахваливал, особенно за чистоту помыслов и высокие идеалы, — в голосе её прозвучала горькая ирония. — Предложил поехать помощником Сенатора на Корусант. А через несколько месяцев старый сенатор скончался. Дальше – как водоворот. Война, Кэд Бейн, Орто Плутония, блокада, история с Осокой, Империя… Всё время требовалось быть сильной, решительной, брать на себя ответственность. Вы,

наверное, думаете, я отлита из дюрастила, а я… Знаешь, как я испугалась, когда поняла, что меня хотят банально продать? И я, возможно, никогда больше не увижу всех вас, Осоку… тебя… Галактика огромна, триллионы существ. Это чудо, что вы смогли напасть на след.

Слёзы вновь покатились из её глаз.

— Но ведь напали. Нашли, — сказал я. — И всё позади. Ты снова дома.

— Угу, — кивнула она. И, неожиданно шагнув вперёд, уткнулась лицом мне в плечо. Пальцы её вцепились в рукава моей куртки так, словно я был единственной опорой в её жизни. Мне ничего не оставалось, как обнять её.

— Ну, вот, совсем другое дело. А то ведёте себя, как посторонние! — услышали мы. Осока стояла в дверях, прислонившись к комингсу, и улыбалась.

Рийо отодвинулась от меня, вернее, только обозначила движение, не убирая рук. Посмотрела на подругу, произнесла тихо:

— Надеюсь, ты не сердишься?

— С чего бы? Разве нам с тобой плохо было вместе?

Панторанка покачала головой, заливаясь густым лиловым румянцем. Ничего себе, новость, изумлённо подумал я. А Осока шагнула к нам ближе, коснувшись меня плечом, погладила Рийо по руке и продолжала:

— Так неужели мы будем ссориться из-за парня, которому обе нравимся? Верно ведь, Алекс?

— Ну… Верно, конечно, — протянул я. — Вы у меня обе просто замечательные.

— Видишь? — подхватила Осока. А у меня появилось стойкое ощущение, что мою судьбу решают без моего участия. В который уже раз, кстати. И я решил вставить свои пять копеек:

— Дамы, а вы уже решили между собой, кто будет топить печь, мести горницу, кто ходить за стадом, а кто работать в ого…

Дынц! Кулаки обеих с завидной синхронностью впечатались в меня с двух сторон: Осокин – в бок под рёбра, Рийо – в живот.

— Уй, — простонал я, хотя больно почти не было. — Всё. Понял. Пилить будете вдвоём.

— Пилить?? — воскликнула Осока. — Интересно, это когда я тебя пилила? Я и не умею. Хотя, если будешь брюзжать, могу научиться.

— Не самое полезное из умений, на мой взгляд, — улыбнулась Рийо.

— Тебе полегче?

— Значительно.

— Вот и славно. Только, давай, делами ты сегодня больше заниматься не будешь?

— Я и не собираюсь. Кстати, мы уже за светом?

— Пока нет, — ответила за Осоку Падме. На этот раз она не стала рисовать себя в воздухе рядом с нами, а заглянула в закуток через дверь. — Я задержала прыжок. Алекс, тебе звонили из дома, там какая-то повестка пришла.

— Судебная? — удивился я.

— Нет, из военкомата.

Я удивился ещё больше. Священный долг Родине я, признаюсь честно, отдавал в весьма щадящем режиме: три года на военной кафедре и два раза по месяцу на учебных сборах. После чего искренне полагал, что меня оставят в покое. Военную специальность мою нельзя было назвать остродефицитной, так как спутников у нас запускали от года к году всё меньше, наземные пункты управления закрывались один за другим… Может быть, после смены президента и «в консерватории» что-то начало меняться? Родители, во всяком случае, говорили, что политический

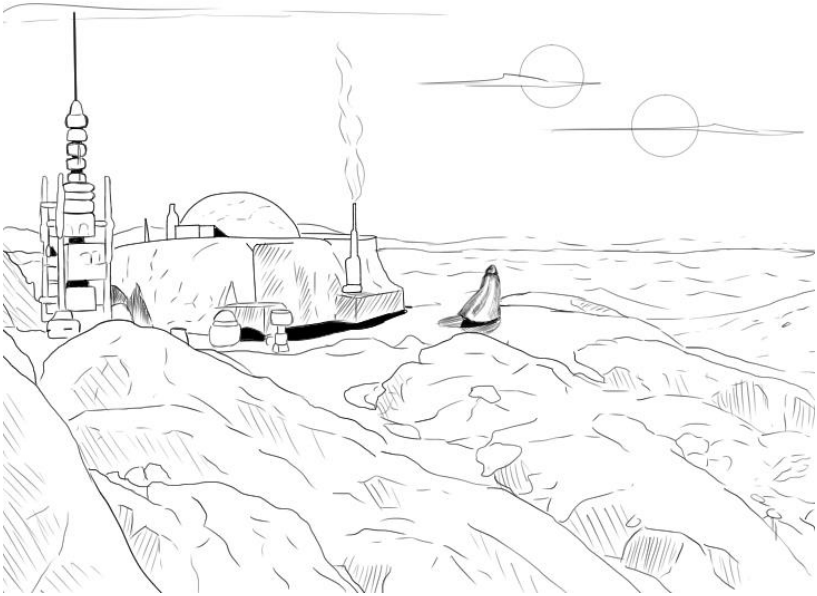
курс за последний год заметно смещается, вызывая всё большее неудовольствие у зарубежных «заклятых друзей». В такой ситуации усилить боеготовность всех стратегических сил – ракетные войска, ПВО, космос – вполне логичный шаг. А может, и хуже – действительно, что-то затевается. Кавказ ведь никуда не делся, Ближний Восток тоже, да мало ли, из-за чего могут сцепиться мировые державы? Подумав обо всём этом, я потёр подбородок и сказал:

— Надо, пожалуй, выяснить, что к чему.

— Обязательно, — поддержала Осока. — Возможно, даже слетать туда, чтобы не выглядеть дезертиром.

— И это тоже, — кивнул я. — Падме, набери, пожалуйста, ко мне домой. Посмотрим, какая там повестка, и что в ней написано.

Пустынный ветер



Климат на этой планете весьма далёк от того, что большинство разумных существ Галактики сочли бы комфортным для проживания. Жарко здесь бывает даже во время года, называемое обычно зимой. Лишь на закате температура начинает снижаться, и к утру пустыня, бывает, замерзает до звонкого похрустывания под ногами. Летом же прохлады не приносит и вечер, к пеклу добавляются пыльные бури – когда на час, а когда и на несколько суток. Во время этого буйства песка воздух даже в помещениях наполняется мелкой, подолгу висящей в воздухе пылью. Затем она медленно оседает, делая все предметы в комнате желтовато-седыми от покрывающего их налёта. Спасают от этой пыли, разве что, герметичные переборки. Или правильно устроенный вход в жилище, остающийся с подветренной стороны при любом из

господствующих ветров. Именно так был сделан дверной проём в маленьком домике, выстроенном в скалах на юго-западном краю Дюнного Моря. Его владелец и единственный обитатель тоже страдал от вечной жары и пыли, но никогда не жаловался. Может, оттого, что жаловаться было, в сущности, некому, кроме пустынных попрыгунчиков, пробегающих мимо на водопой. А может, оттого, что его слишком хорошо научили «стойко переносить тяготы и лишения». Вот он и переносил, сезон за сезоном, год за годом. Что, в сущности, ему надо для жизни? Еда имеется, хоть и не слишком много – вон, бегает в скальных каньонах на четырёх конечностях, выискивая растительность и грибы. В подвале дома установлен небольшой генератор, дающий энергию. Около задней стены кухни возвышается преобразователь, чтобы конденсировать воду из атмосферы. Парадоксально, но сухой, вроде бы, воздух планеты из-за высоких температур несёт довольно много влаги, и её можно добыть при охлаждении. Так делают здесь все разумные существа, кто при помощи технологий, а кто при помощи примитивных куполообразных сооружений, на одном из древних языков именуемых сардоба… Раз в стандартный год человека встречал в условленной кантине хмурый техник Службы, похожий на контрабандиста. Выслушивал пароль, кивал и произносил короткую фразу, мол «машина исправна, вот новые шифры». Техники всякий раз бывали разные, но выражение лиц у них было одинаково угрюмое. Сколько уже было таких встреч? Одиннадцать? Да, именно так, одиннадцать из четырнадцати, ещё три состоялись на других планетах, куда отшельник прилетал по неотложным делам. Его и этому обучили очень хорошо: когда просят твоей помощи, не отказывай, ведь кто, если не ты?

Наверное, он мог бы остаться на одной из тех, более благоустроенных планет, и никто бы его не осудил, в том

числе, его старый учитель, давно ушедший в Силу. Но отшельник всякий раз возвращался в этот неуютный мир, продолжая тихую и размеренную жизнь затворника. Окрестные жители считали его чудаком, сумасшедшим, кое-кто за глаза называл колдуном. На вид он выглядел гораздо старше своего возраста – сказывались и бесконечные скитания по Галактике в юные годы, и война, и всё, что произошло после неё. А ведь не так давно ему исполнился всего пятьдесят один, меньше половины срока жизни, отпущенного статистикой «среднему» человеку… Изредка он выбирался в какой-нибудь из местных городков, чтобы хоть немного побыть в обществе других разумных. Бродил по рынку, покупал самое необходимое, перед тем сбыв кому-нибудь из перекупщиков свои нехитрые поделки. Он делал их долгими жаркими днями в мастерской своей хижины из камня, кожи, кости, корневищ пустынных кустарников – всего, что попадалось под руку. Кроме одного, дерева джапор, прикоснуться к которому ножом до сих пор не мог себя заставить. Перед тем, как вернуться обратно в скалы, отшельник заходил в одну из кантин, где, пропустив пару дрынков, подолгу слушал местные сплетни. В доме отшельника имелся вещательный приёмник Голонета, но включался он крайне редко. Человек предпочитал просмотру имперских, да и «независимых» новостей длительные медитации, в ходе которых Сила разворачивала перед ним картины действительно важных событий настоящего и возможного будущего. То почти чёткие, то смазанные и неясные настолько, что трудно было понять, о чём именно говорит – или предупреждает – посредством них Сила. Впрочем, и они могли быть полезны, в определённом смысле слова. Во всяком случае, давали пищу для размышлений.

И всё бы ничего, если бы время от времени с Дюнного моря не начинал дуть *ш'рав* – обжигающе-горячий и очень сухой ветер, не сопровождаемый тучами

песка и пыли. Его ровный, словно из плавильной печи, жар слишком сильно напоминал отшельнику совсем другой жар – раскалённой лавы Мустафара. Наставники с детства учили будущего джедая одному мудрому правилу: «Не сожалей о прошлом, смотри в будущее». И Оби-Ван Кеноби, рыцарь и Магистр разгромленного ныне Ордена, поступал именно так. Не сожалел, но делал выводы. И помнил каждую деталь, каждую мелочь, ведь без памяти нет разума, это тоже истина, не требующая доказательств. Чувствуя на лице горячее дуновение ш'рава, Оби-Ван вспоминал. Не только Мустафар, но и Корусант. Башню сенатских апартаментов, круглую площадку балкона пентхауса, освещённую лучами нового дня, Дня Империи, как называли его теперь.

— Когда ты в последний раз его видела?

— Вчера видела.

— А ты знаешь, где он сейчас?

— Н-нет…

— Падме! Мне нужна твоя помощь. Он в большой опасности.

— Из-за сита? — она резко оборачивается, смотрит ему в глаза.

— Из-за себя, — отвечает он, успев проглотить другую, едва не вырвавшуюся фразу «он сам теперь сит». Берёт её за плечо, произносит мягче, обтекаемее: — Падме, Анакин обратился к Тёмной Стороне…

— Неправда! — вспыхивает она. — Как Вы можете так говорить?!

— Я видел… голограмму охранной системы. Он там… убил юнлингов, — он машинально прикрывает рот пальцами, снова не сказав всего. Объёмное изображение, записанное с камер наблюдения, всё ещё крутится у него перед глазами, словно зависший рекламный ролик фильма ужасов. Фраза «Уничтожьте всех до единого, никто не должен уйти», брошенная клон-коммандеру Аппо у входа

в Храм. Меч, разрубающий юнлинга, стремительный каскад ударов короткой схватки с падаваном. Её хорошо учили, эту девочку, она выстояла против мастера больше десяти секунд! А тот, нанеся смертельный удар, в ярости рубанул несколько раз уже лежащее бездыханное тело. И трупы, сотни трупов, виденные магистрами в залах, коридорах и на лестницах Храма. В основном, ученики, так как большинство взрослых джедаев находились на фронте, и техники, со своими игрушечными гражданскими бластерами бессильные против профессиональных воинов в броне.

— Это не Анакин! Это не он… — первую фразу она почти выкрикивает, вторую – почти шепчет, уже понимая, что всё правда.

— Он угодил в сети обмана, как и все мы. Всё, что произошло – дело рук канцлера, в том числе, и война. Палпатин – владыка сит, которого мы искали. После гибели графа Дуку Анакин стал его новым учеником.

Она держалась хорошо, очень хорошо, сказывались многолетние привычки публичной персоны… до этого самого момента. И она порывисто отворачивается, чтобы он не видел замешательства на её лице, чтобы успеть сморгнуть подкатывающие слёзы. А когда вновь смотрит в его сторону, взгляд её блуждает, неспособный сконцентрироваться в одной точке:

— Я Вам не верю. Это не так.

— Падме… Я должен его найти.

— Вы хотите его убить, — она не спрашивает, утверждает, хотя звучит это как вопрос. Она сама понимает, что в сложившейся ситуации арест и суд невозможны. Благодаря коварному ходу канцлера, Орден сам оказался вне закона. И поэтому он не говорит ни «да», ни «нет», а, выдержав её наполненный болью взгляд, произносит другое:

— Он превратился в страшную угрозу.

— Я не могу.

Он и сам видит это. Поэтому не уговаривает больше. Поднимается и идёт к своему спидеру. Задержавшись на мгновение, задаёт лишь один вопрос, подтверждение своей давней догадки:

— Отец ребёнка – Анакин? — понимает по напряжённому её молчанию, что так и есть, говорит: — Всё это грустно.

Пробраться на борт сенаторского скиффа так, чтобы никто не заметил, было делом нетрудным для владеющего Силой. А вот сам полёт прошёл на грани кошмара. Никогда ещё Оби-Ван не видел Падме в таком ужасном состоянии, даже в четырнадцать лет, во время оккупации Набу. Не сенатор, а несчастная растерянная девочка. После старта она большей частью рыдала, а если и успокаивалась ненадолго, глаза её, всё равно, оставались наполнены слезами. Даже короткий сон-забытьё не помог. Да ещё золочёный болтун Трипио подливал масла в огонь. Анакин, программируя его когда-то, был ребёнком и имел весьма смутные понятия о чувстве такта. Поэтому кибернетический «специалист по связям компьютеров с людьми» своей трепотнёй не успокаивал хозяйку, а только приводил к новым приступам истерики. Мешая усилиям Оби-Вана, который при помощи мягкого воздействия на мозг старался привести женщину в чувство. В конце концов, Падме пришлось усыпить вновь, глубоко, без снов, чтобы дать отдохнуть сознанию. Проснувшись, она чувствовала себя лучше, в настроении её появились отчётливые гармоники решимости. Но даже после этого Оби-Ван не отпустил бы её общаться с Анакином, если бы не знак Силы. Судя по видению, ещё оставалась вероятность, что ей удастся вразумить новоявленного сита, подтолкнуть с кривой тёмной дорожки обратно на светлую аллею. Он, как-никак, любил её…

Горячий ветер усилился, грозя перейти в настоящую бурю. Мелькнула отстранённая мысль о том, что пора бы вернуться в дом, но в следующую секунду Сила подсказала: буря будет в стороне, вот там, южнее, и его жилище не затронет. Поэтому он продолжал недвижно стоять и смотреть, как медленно опускаются к горизонту два солнца Татуина. Сухой воздух трепал седые волосы, обжигал лицо, а память услужливо разворачивала перед мысленным взором картины того, что произошло дальше. Перед посадкой Падме удалось собраться, взять себя в руки, и Магистр затаился, слился с фоном Силы планеты, не давая Анакину себя обнаружить, и предоставив женщине самой вести разговор. Конечно, она снова плакала, не без этого, но в её слабости была особенная сила. В какой-то момент казалось, что она справится… но нет. Когда он предложил ей вместе править Галактикой, Падме поняла, что перед ней стоит вовсе не тот, кого она знала раньше, а некто чужой, злобный и безжалостный. Испугалась. И допустила ошибку, во второй раз упомянув имя Оби-Вана. Чувствуя, как заколебались потоки Силы, понимая, что сейчас может произойти непоправимое, Магистр вынужден был объявиться. Он думал, что морально готов к схватке. Какое, к хаттам, готов! Переступить через всё, что они двое пережили вместе за столько лет, через былую дружбу и доверие, оказалось куда труднее, чем он думал. А Анакин… нет, уже Вейдер! – не колебался ни секунды. Новообращённый сит понимал, что разойтись по-хорошему после того, что сделал с Падме на глазах бывшего учителя, не получится. Вот он первым сбрасывает плащ, готовясь к бою, вот начинает движение по кругу, выбирая удобную позицию для атаки. Вначале кажется, что ему тоже трудно, и он распаляет себя громкими речами. Не следовало, наверное, вестись на провокацию, однако, Оби-Ван, всё же, попытался вразумить оппонента. Конечно, это не могло дать

результата, но тогда он об этом не задумался, просто хватался за призрачный шанс, как утопающий за соломинку. Иллюзия развеялась через несколько мгновений. От Вейдера всё сильнее тянуло Тёмной стороной, как мерзким гнилостным запахом от разлагающегося трупа. Потом была схватка среди раскалённой лавы, пламени и дыма. Была победа, самая горькая из всех, что одержал в своей жизни джедай Оби-Ван Кеноби. В конце он снова смалодушничал, не смог добить противника, вернее, не захотел марать руки о падшего. А Падме, всё-таки, умерла, не смогла пережить предательства самого близкого на свете человека. Оби-Ван надеялся, что этого не случится, что она будет жить ради своих детей… Увы, нет. Она думала о нём и только о нём, ничего другого не существовало в её жизни. И с уходом любимого кончилась и жизнь. Первая жизнь. Что ж, значит, о детях должны позаботиться другие… Сенатор Органа забрал себе Лейю, дочь Падме. Неудивительно. В Совете джедаев было известно, какие чувства испытывал альдерааанский мачо к сенатору с Набу. Ну, а судьбой маленького Люка занялся сам Оби-Ван. Не беда, что Оуэн Ларс, сводный брат Анакина, старался не допустить, чтобы «колдун» общался с племянником. Помочь можно и без прямого контакта. Люк проявил интерес к летающим машинам – и для него как-то очень удачно нашёлся наставник. Заинтересовался робототехникой – и тут отыскалось доброе существо, научившее его полезным навыкам.

Сам Кеноби тоже учился здесь, на Татуине. Призрак его учителя, Квай-Гона Джина, погибшего за тринадцать лет до этих событий, помогал постигать совершенно новые аспекты Силы, не связанные с физическим телом. То, что до сей поры было известно, наверное, лишь самому Йоде, да тем, кто ушёл и больше никогда не вернётся. Спустя несколько месяцев после смерти Падме

Оби-Ван ощутил странную вспышку Тёмной Стороны, что кругами, как от упавшей в воду скалы, разошлась по Галактике. Тогда он не понял, что это такое, а Квай-Гон на его вопрос лишь грустно улыбнулся и сказал, что знание это принесёт лишь новую боль. Только два года назад, когда на пороге чёрного корабля сиенской постройки его встретил другой призрак, Магистр начал догадываться… Она почти не изменилась после смерти, Падме Наберри Амидала, вот, разве что, стала чаще улыбаться. Немудрено, ведь у неё вновь появилось то, что можно назвать семьёй: две старинные подруги и родственник, кровная родня, хотя они об этом, похоже, пока не подозревали. Когда же Оби-Ван показал ей несложный трюк с материальным взаимодействием, Падме расцвела ещё больше. Было до умиления приятно наблюдать, как, проходя по кораблю, она касается кончиками пальцев то стен, то мебели, притрагивается к своим друзьям. Казалось, сама Сила светится вокруг неё. Не меньше порадовала Оби-Вана и встреча с ученицей Анакина. Годы в бегах не сломали её, как многих, кого Магистр встречал до этого. Должно быть, сказалась природная жизнерадостность и неукротимая энергия. Сейчас она временами напоминала Оби-Вану того, прежнего Анакина, временами – блистательную Айлу Секуру, воинственную и женственную одновременно, а временами и его самого, каким он был в молодости. Немного жаль, что Осока Тано к вопросам возрождения Ордена джедаев не проявляла ни малейшего интереса. Что ж, своенравие всегда было отличительной чертой и Анакина, и Айлы, и самого Оби-Вана, чего греха таить. Возможно, новое поколение фосеров когда-нибудь пойдёт этим путём?

От размышлений его отвлекло ясное и чёткое ощущение **присутствия**, знакомое и немного иное, чем когда-то. В сгущающихся сумерках и пыльном мареве пронёсшейся стороной бури фигура женщины возникла

внезапно, словно из сказочного телепортатора. Высокая, атлетически сложенная, она подошла и остановилась в трёх шагах. Два заходящих солнца рельефно высветили контуры двух световых мечей у неё на поясе.

— Ты, всё-таки, нашла меня, — произнёс он.

— Давно бы пора привыкнуть, что я девушка настойчивая и упорная, — усмехнулась она. — Здравствуй, Оби-Ван.

— Здравствуй.

Эту женщину он долгое время считал погибшей, а затем неожиданно встретил там же, в Корпоративном секторе, два года назад. И не знал, чему больше удивляться. Тому ли, что она жива после сжигающих плоть ударов ситских молний, или, тому, что она – старый враг – оказалась вдруг в компании его друзей. Впрочем, датомирские Ночные Сёстры весьма искусны в лечении ран, нанесённых Силой. В том числе, тогда, когда официальная медицина считает пациента мёртвым. Недаром, видимо, древние религии учили, что душа остаётся связана с телом ещё девять дней… Что ж, она заслужила второй шанс, гораздо больше, чем кровавый безумец Мол. Наблюдая, как она общается с бывшими неприятелями, как доверяют они ей, Оби-Ван убедился в этом. Она и внешне стала немного другой. Осталась такой же бледной кожа, но сделались ярче глаза, а волосы, одно время белые, как мел, вновь приобрели юношеский каштановый оттенок, совсем как на голографии с ученической карточки, что хранилась в Библиотеке Храма. И Оби-Ван даже вновь ощутил к этой женщине что-то вроде симпатии, как давным-давно, когда случай поставил их на одну сторону схватки.

— Надеюсь, тогда сообщение о выполнении миссии до тебя дошло? – спросила она.

— С некоторым опозданием, но дошло, — кивнул он. — Благодарю.

— Я, собственно, по делу. Хотела с тобой потренироваться немного. В последнее время хронически не хватает практики.

— Да неужели? — прищурился он. — А я слышал, ты недавно кому-то отрезала ноги, а кому-то голову? Причём, не из худших.

— О, это когда было! — она махнула рукой. — В прошлом году. Ты-то давно крайний раз сражался?

— Года два назад.

— Вот видишь, нам обоим нужна практика. Или боишься, что я тебя загоняю?

— Ну, вот ещё!

— Ага-а, такой Оби-Ван мне нравится больше! В дом-то пригласишь? Я, кстати, пожрать привезла.

— Проходи, — сказал он, включая светильник. — У меня немного пыльно…

— Понятное дело, пустыня кругом. Ты и сам немного пыльный, — она положила руки ему на плечи, подмигнула бирюзовым глазом: — Не надоело изображать из себя старую развалину? Ничего, я тобой займусь!

— Кхм!

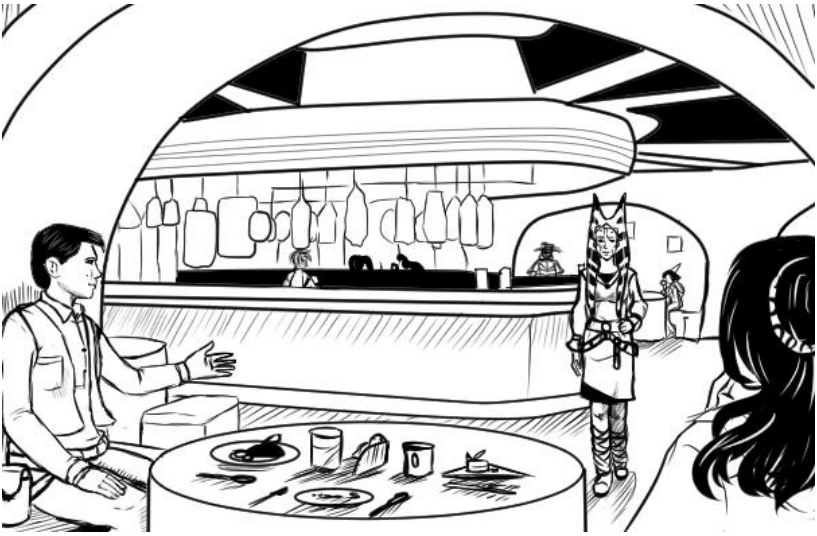
— Что? Ты мне не рад? Ну, в таком случае, завтра проводишь меня в космопорт.

— Нет, не то. Я рад, что ты прилетела меня навестить. Просто немного странно…

— Мне вначале тоже было странно, потом прошло. И у тебя пройдёт…

Она шагнула к нему вплотную и первая поцеловала его.

Семейное дело



Агент не пришёл на встречу уже второй раз. Мы с Осокой сидели в условленной кантине уже почти час, а он так и не явился. Ещё семь минут, и можно будет уходить.

— Ну, что, придём снова послезавтра? — спросил я. Моя подруга отрицательно покачала головой:

— Не хочется терять ещё два дня. С ним явно что-то случилось. Либо не может прийти физически, либо… — она не договорила. Но я понял и так, и закончил, тоже избегая слова «провал»:

— …что скорее всего.

— Сделаем вот как, — предложила Осока. — Ты посиди тут, а я наведаюсь к его дому и пройдусь туда-сюда, послушаю, что в воздухе витает.

Идея выглядела логично. Джедайские способности позволяли Осоке Тано почуять засаду, не привлекая внимания и не приближаясь к дому вплотную. Зато будем гарантированно знать, что агент провалился. Оставалась

ведь небольшая вероятность чисто «бытовых» причин неявки: внезапная командировка или столь же внезапная болезнь.

— На рожон только не лезь. Пожалуйста, — попросил я.

— Не буду, — заверила она. — Смысла нет. Если что, не факт, что он не уничтожил данные. Зачем же лишний раз будить филёров? Пусть поспят.

— Всё тебе шутки.

— А ты слишком расстраиваешься. Ну, не выйдет, и что? Не смертельно. Добудем потом, по другим каналам. В общем, расслабься и жди меня. Идти четверть часа, плюс обратно, плюс там… минут через сорок вернусь.

После её ухода я, делая вид, что потягиваюсь, проверил, хорошо ли вынимается из пенала на пояснице рукоять светового меча – так, на всякий случай – снова откинулся на спинку дивана и достал деку. Связываться с кораблём по местной сети было бы неосмотрительно. Здесь не Корусант, не Тарис и не Альдераан, на этой планете массовые коммуникации не отличались высоким уровнем развития, и связь была не только дорогостоящей, но и наверняка находилась под плотным контролем служб безопасности. Ладно, найдётся другое занятие. Я выбрал один из файлов по истории Галактики, открыл и принялся за чтение, прихлёбывая из массивной кружки *каф*, как называют галактический заменитель кофе. За три с лишним года странствий по освоенной Галактике я немного приспособился к этому напитку и даже начал отличать «хороший» от «плохого», хотя на наш земной вкус и тот, и другой казался чем-то средним между цикорием и ячменём. Будь в этой кантине побольше «чаёв» – тоже, кстати, одно название, ничего похожего на наши – я бы выбрал что-нибудь из них, но, как назло, оба сорта, что предлагались, нравились мне ещё меньше кафа. Ну, ничто в мире не идеально, везде есть свои минусы и свои плюсы. Например, мясо у здешнего повара получалось

отменное. И планировка у кантины была удобная. Большая часть столиков располагалась в утопленных нишах: соседей и не видно, и не слышно, и никакой злодей не сможет зайти тебе за спину, там глухая стена.

Зачитавшись описанием одной из войн далёкого прошлого Республики, я не обратил внимания, как кто-то подошёл и остановился напротив моей ниши-ложи.

— Эй, дядя, ты, что, глухой?

Я поднял взгляд. Трое, люди, все не старше двадцати пяти. Первый – типичный представитель «золотой молодёжи», одет богато, с претензией, лицо холёное, а глаза наглые. Привык к вседозволенности. Второй – громила. Ростом под два метра, а то и больше, интеллект на три с минусом. В классе у нас был такой. Добрейший, по сути, парень, но его приятель, маленький и шустрый, легко мог заставить его отмутузить любого, кого желал. Похоже, тут тот же самый клинический случай… Третий был ничем не примечателен, стоял со скучающим видом, на меня даже не смотрел.

— Чего тебе, мальчик? — скучающим тоном поинтересовался я.

— Это наш столик, — сказал «золотой». — Давай, до свиданья.

— Официант! — повысил я голос. Долговязый четырёхрукий джиллсарианин, что обслуживал сегодня посетителей, как раз, находился возле соседней ниши и должен был услышать. — Это действительно их столик?

Услышал. Ответил уклончиво:

— Нам не нужны здесь неприятности, сэр.

— Значит, нет, — констатировал я. — Ребята, по-моему, вы привередничаете. В зале полно свободных столиков.

— Вот и пересядь. Иначе вообще вылетишь на улицу!

— Зря ты так, — покачал головой я, размышляя, как поступить. У местной полиции рабочий день закончился,

они не приедут, ну, разве что, я порежу всех троих мечом прямо здесь, на глазах у публики. Вот тогда искать меня начнут основательно, импы поднимут на уши весь город. Может, удастся избежать конфликта? Пересаживаться нельзя, обязательно докопаются снова, лучше уйти…

— Он не въезжает, — сказал «золотой». — А ну, бесы, выкиньте его вон.

Громила на команду отреагировал незамедлительно: навис надо мной и попытался схватить за грудки.

— Тихо, тихо! — сказал я. — Сам пойду.

— То-то, — ухмыльнулся «золотой». — Пранк, проводи. И проследи, чтобы больше не возвращался. А я пока закажу выпить.

Пранком, оказывается, звали вовсе не громилу, а третьего. Кивнув, он обогнул рослого приятеля и буркнул мне:

— Идём, покажу, где выход.

И, не оглядываясь, вразвалочку пошёл к дверям. Я последовал за ним. Парень двигался нарочито неуклюже, сунув руки в карманы куртки, но меня это обмануть уже не могло. Он допустил маленькую оплошность: позволил мне на миг увидеть его глаза. Холодные и цепкие. Такой зарежет с тем же безразличным выражением лица и пойдёт дальше. Вразвалочку. Дойдя до наружных дверей, парень с холодными глазами отступил в сторону, сделал жест одной рукой:

— Прошу Вас, сэр.

Неужели на этом всё и закончится? Почему-то я был уверен, что нет. Вышел на улицу и свернул направо, прикидывая варианты. Парень следовал за мной, настолько же бесшумно, насколько громко шаркал ногами полминуты назад, внутри кантины. Да, этот опасен, потому что отморожен на все части тела. «Проследить, чтобы больше не возвращался» он расценил как «замочить». Что у него может быть? Бластер вряд ли, свет

выстрела заметен издали, а за незаконное ношение можно угодить в каталажку. Обычного ножа я не боялся, армированную кожу куртки он не возьмёт. Вибролезвие издаст характерный звук… И тут, словно в зеркале заднего вида, я внутренним зрением увидел преследователя. Руки его были сжаты в кулаки и разведены в стороны. Струна! Я успел взмахнуть вверх левой, пытаясь принять проволочную удавку на запястье, не попал, зато угодил по руке, и накинуть струну убийце не удалось. В следующий миг лезвие моего меча с шипением вошло ему в рёбра, распарывая лёгкие. До сердца под таким углом я не достал, оно продолжало работать, нагнетая кровь в перерезанные артерии. Я развернулся, сделал шаг назад, держа оружие низко, так, чтобы не слепило. Снизу вверх разрубить противника надвое можно не хуже, чем сверху вниз, огненный клинок веса не имеет. Убийца выдохнул, закашлялся, в синем свете лезвия на его губах были видны чёрные пузыри.

— Вот что бывает, когда пляшут по щелчку хозяина, — сказал я.

Отбросив струну, убийца с хрипом втянул в себя воздух, выхватил из кармана нож. Тоненько зазвенел работающий виброблок. Парень кинулся на меня. То ли страх ему был не знаком в принципе, то ли в голове уже мутилось, но он попытался достать меня, невзирая ни на рану, ни на меч. Я не стал бить его второй раз, просто отскочил, и он сам рухнул на выщербленную мостовую. Вспомнив слова Оби-Вана, что противника лучше добить, я приблизился, но убийца и так был уже мёртв. Вся сцена заняла не более минуты. Прохожих поблизости не наблюдалось, и происествия никто не видел: на этой планете, как в земных кишлаках, было не принято делать окна в домах прямо на улицу.

Подцепив одним пальцем лежащую в пыли струну, я отправился обратно в кантину. За моим столиком «золотой»

и его «большой друг» успели расположиться, официант, держа двумя руками поднос, третьей выставлял перед ними заказ. Наши с Осокой тарелки были отодвинуты в сторону, халдей намеревался забрать их, когда опустеет поднос. Увидев меня, оба опешили. «Большой друг» раскрыл от удивления рот:

— Э, а где Пранк??

— Мальчики, — задушевным голосом произнёс я. — Зашёл буквально на минутку, напомнить одну вещь. Жизнь надо ценить. Свою в первую очередь. Иногда потерять её куда проще, чем отнять чужую, — я бросил на колени «золотому» удавку его приятеля. — Пошли вон, пока я и вас не пригласил прогуляться.

Предводитель и «большой друг» сорвались с места так, словно получили команду «марш» от школьного физрука на итоговом уроке. Едва не сбив с ног молодую женщину в длинном платье, которая поднималась по низким ступенькам из коридора-тамбура в зал. Что-то в ней привлекло моё внимание, но что именно, я понял не сразу, потому что меня отвлёк официант:

— Я унесу это, сэр?

— Да, вряд ли ребята сегодня вернутся за своим заказом, — отмахнулся я. Вновь посмотрел на женщину, как раз, садившуюся за свободный столик, и едва не присвистнул от изумления. Неужели это… Вот, воистину, сама Сила толкнула меня сюда вернуться! Всё же, окончательно я не был уверен, столько времени прошло, снимки и видео были старыми, а на то, что я видел во сне, вообще полагаться не стоило. Потому, дождавшись, когда официант примет заказ и уйдёт, я встал и подошёл к ней.

— Прошу меня простить, мисс. Вы – Сабе?

Она посмотрела на меня тёмными глазами из-под красиво изогнутых бровей, наморщила лоб. Ответила:

— Да-а. Мы встречались раньше? Я, кажется, Вас уже видела, не могу припомнить, где именно.

— Не меня, но… — улыбнулся я. — Если вот так?

И прикрыл ладонью нижнюю часть лица, оставляя на виду брови, глаза и переносицу.

— О… — вырвалось у неё. — Хотите сказать, Вы…

— Родственник.

— Эноо… — с сомнением произнесла она. — Я очень хорошо знаю семью Наберри. Таких родственников у неё не было.

— По **материнской** линии тоже всех знаете? — прищурился я.

— Ну, мне известно, что мадам Рюу Тьюл была её приёмной матерью, а вообще она сирота… — она бросила взгляд в направлении входа, продолжала: — Вы извините меня, не знаю, как Вас…

— Алекс.

— Да, Алекс, — быстро заговорила Сабе, — вот идёт продавец, мне нужно совершить сделку, а потом мы обязательно поговорим. Хорошо?

— Не вопрос.

Тот, о ком говорила новая знакомая, оказался низкорослым пернатым *мрлсси*. Коротко поклонившись женщине, он тихо прочирикал что-то неразборчивое. Сабе сделала приглашающий жест рукой. Только тогда потомок нелетающих птиц переступил невидимую границу ниши и уселся за столик напротив женщины. Выложил на стол плоскую папку, раскрыл. Сабе достала довольно странный на вид инструмент, больше всего похожий на бритвенный помазок с короткой щетиной и приделанным к ручке лёгким кронштейном, на котором висела выпуклая стеклянная рамка. Поставив «помазок» «ручкой» на столик, Сабе достала примерно такую же папку и взглянула на своего визави. Тот тонким пинцетом извлёк из своей папки некий предмет, положил на торчащие ворсинки, и предмет слабо засветился. А, так это микрочипы! А «помазок», должно быть, портативный тестер. Такой модели я ещё не видел.

Мы с механиками пользовались другим, плоским, рассчитанным на все размеры чипов, а не только миниатюрные. Отобранные кристаллы Сабе перекладывала в свою папку. Два или три раза результат тестирования её не устроил, продавец тут же забирал товар и предлагал другие экземпляры. Покончив с проверкой, женщина подвинула папку на середину столика, демонстративно пересчитала купленное и вручила мрлсси деньги. Тот поднял перед собой сцеплённые руки, наклонил голову в явно ритуальном жесте, почти касаясь клювом пальцев, встал и пошёл к выходу. Уложив покупку в дорожную сумку, Сабе подхватила со стола кружку и треугольную тарелочку с закусками и пересела за мой столик. Одежда её слегка распахнулась, и я обратил внимание, что широкая «юбка» – на самом деле, часть плаща, а под ней – вполне практичные для путешественницы свободные брюки, прихваченные ремешками к голенищам сапог.

— Итак, загадочный родственник Госпожи, я вся внимание, — улыбнулась она. — Раскройте свои тайны. С какой Вы планеты?

— С очень отдалённой, — сказал я. — У неё даже галактического названия нет, только буквенно-цифровой код. Знаете Ксиллу?

— Столица чиссов? Слышала.

— Вот в том районе.

— И каково это – иметь соседями красноглазых?

— Они наименьшая из наших проблем. Чиссы хороши тем, что не лезут в занятые системы, безразлично, колония там или всего лишь астероидная шахта. Другие соседи намного более неприятные.

— Часто бываете в освоенной Галактике?

— В последнее время – чаще здесь, чем дома, работы много.

— Чем занимаетесь?

— Ну… У меня есть некоторые средства, они вложены в акционерное общество. Компания содержит мой корабль, я выполняю поручения. Там, сопроводить транспорт, проверить, как ведутся работы, начальство отвезти. По мелочи, в общем.

— Понимаю. На месте не сидите.

— Какое там! Ну, а Вы чем занимаетесь после… Вы понимаете.

Сабе покивала, давая понять, что пояснений не требуется. Сказала:

— Не поверите, примерно тем же самым. С той разницей, что своего корабля у меня нет. Летаю на казённых или регулярными рейсами. И я не акционер, просто наёмная служащая правящего дома Альдераана.

— Вы работаете у Органы??

— Тише. Да. Что Вас так удивило? Сенатор был близким другом Госпожи, и, когда её не стало, предложил мне работу личного порученца.

— Это просто великолепно. Выходит, напрасно Рийо расстраивалась, что Вы не приняли её приглашение.

— Рийо Чучи? Вы знакомы?

— Она и есть глава нашей корпорации.

— Неужели? Правду говорят, что Галактика велика, а встречаешь всё время одних и тех же.

— Вы даже не подозреваете, до какой степени правы, — засмеялся я. — Обернитесь.

Она обернулась:

— Неужели мисс… — замялась на мгновение, не зная, как назвать, — …Шпилька?

— Да, это я, — Осока уселась рядом. — Добрый вечер, Сабе. Давно не виделись.

— Очень рада снова встретить Вас.

— Взаимно.

— Ты что-то выяснила? — спросил я подругу по-русски. Осока кивнула:

— Всё достаточно скверно. Он дома, но выходить на улицу в его ситуации… неразумно.

— Обложили?

— И очень плотно. Видно, где-то допустил ошибку. Придётся нам улетать не солоно хлебавши.

— Ну, не совсем, — сказал я уже на базик. — Есть и приятный момент.

— Неожиданная встреча? — заулыбалась Осока. — Ты прав. Вы извините нас, Сабе, что мы так бесцеремонно обсуждаем свои вопросы…

— Ничего-ничего, всё нормально, — успокоила та. — Некоторые тайны лучше не знать.

— Так вот, — сказал я. — Знаешь, у кого работает Сабе? У дядюшки Бэйла.

— О? — не стала скрывать радости Осока. — Возможно, это наш шанс.

— Шанс? — переспросила Сабе. — Не совсем понимаю. Алекс сказал, что глава вашей компании – госпожа Чучи, правильно?

— Правильно.

— Насколько я знаю, они с моим шефом прекрасно общаются и решают любые вопросы…

— Мы сейчас не о бизнесе. Тут другое, частное дело. Я расскажу, если у Вас есть время.

— Время есть. Мои дела на этой планете закончены.

— В таком случае, лучше будет поехать к нам на корабль и поговорить там. Вопрос непростой, разговор будет долгий, а здесь не совсем удобно, — Осока покосилась на меня, спросила: — Кстати, Алекс, это не тебя там, на улице, ждёт компания молодых людей?

— Много? — поинтересовался я.

— Было одиннадцать рыл, при мне подъехали ещё трое. Не считая девиц, которые «просто поглазеть».

— Прилично. Может, и меня.

— Рассказывай.

— Тут, видишь ли, трое местных хотели меня из-за стола вышвырнуть. Я им спокойно сказал, что свободных столиков полно. Не поняли. Ладно, решил не связываться, пошёл на улицу. Один – за мной, и уже, знаешь, так удавочку натягивает. Пришлось заколоть.

— Отморозки какие, — покачала головой Осока. — Жизнь уже в грош не ставят. Дичает народ. Ничего, разберёмся.

Тут в кантину вновь вошёл тот самый «большой друг», что так недавно позорно бежал вместе с предводителем. На этот раз, видимо, для придания храбрости, с ним была девушка. Она обладала тонкой талией и аппетитными округлостями и явно полагала, что этим компенсирует отсутствие вкуса и образования.

— Слышь, ты, дядя, — обратился ко мне громила. — За тобой должок. Мож, выйдем, поговорим?

— Вы же не побоитесь открытого мужского разговора? — вкрадчиво добавила девица.

Осока едва заметно кивнула.

— Открытого – не побоюсь, — вежливо улыбнулся я, поднимаясь.

Громила и девушка, в отличие от покойного дружка, пропустили меня вперёд, парень даже отступил в сторону, поворачиваться ко мне спиной он не хотел категорически. Осока и Сабе демонстративно остались сидеть… пока местные не отвернулись. А затем последовали за нами, чуть приотстав. Моя подруга догнала нас на повороте Г-образного коридорчика. Взяла девицу за плечо, разворачивая к себе, тюкнула в переносицу соединёнными в щепоть пальцами:

— Поспи.

Та кулём повалилась на пол. У громилы широко раскрылись глаза:

— Э, тёлка, ты…

— Слушай меня, — Осока провела растопыренными пальцами перед его лицом, продолжала гулко и вибрирующе: — Ты лорд Вейдер.

— Я лорд Вейдер.

— На улице собрались предатели-джедаи. Они хотят свергнуть любимого Императора.

— Они хотят свергнуть любимого Императора.

— Ты покараешь их.

— Я покараю их.

Я не поверил своим глазам. Вытащив из пенала на пояснице малый меч, Осока вложила его в руку громилы, поправила ему палец, чтобы лёг на кнопку.

— Уверена, что это разумно? — спросил я.

— Не вполне. Но весело будет, сто процентов, — подмигнула она. — Ступайте, повелитель!

Походкой паралитика «большой друг» миновал двери, остановился, широко расставив ноги, засопел, с шумом пропуская воздух между полусжатых губ.

— Трепещите, джедаи! — проревел он. — Я, лорд Дарт Вейдер, покончу с вами раз и навсегда!

— Ридди, ты там нюхнуть успел, что ли? — спросил кто-то из собравшихся. Остальные загоготали, но… смех разом смолк, когда в руке «Вейдера» с шипением зажглось зеленовато-жёлтое огненное лезвие. Не тратя более времени на вступительные монологи, громила занёс меч и бросился на своих приятелей. Те шарахнулись, истерически завизжали девицы.

— Так-так, а это лишнее, — Осока приподняла руку, и одного из парней отбросило в ближайшую стену, из руки его выпал тёмный предмет. Бластер? Да, это точно лишнее. Вряд ли загипнотизированный громила вошёл в роль настолько, что смог бы отбить выстрел. Гопники, собравшиеся целой кодлой проучить одного чужого мужика – меня, то есть – теперь были вынуждены спасаться от своего же приятеля с крайне опасной

штуковиной в руках. Пока они с испуганными криками бестолково метались по мостовой среди собственных спидеров, припаркованных так, чтобы огородить «арену» для расправы. Голодрам насмотрелись, не иначе.

— Ну и представление, — сдерживая улыбку, покачала головой Сабе.

В это время Осока, выдернув ручку из стоящей у входа щётки для уборки тротуара, что-то с ней делала. А, так ручка полая! Теперь понятно. Расщепив один край этой трубки, моя подруга загнала в неё до половины маленький диодный фонарик-маячок, прихватила двумя витками узкого *холдербэнда*, включила.

— Пойдёт, — сказала она. — И, как раз, красненький.

— Что ж ты сразу ему это не дала? — спросил я, сообразив, что к чему.

— Я только её заметила. К тому же, кого напугаешь **этим**?

Перед кантиной ситуация близилась к закономерной развязке. Оправившись от первоначального шока, приятели громилы бросились наутёк. Один попытался улететь на спидере, однако, громила этого не позволил, наотмашь рубанув по машине мечом. Приятель, осознав промашку, торопливо перевалился через борт и задал стрекача. На участке улицы перед кантиной остались лишь сам громила да бесчувственный владелец бластера. И «тёмный лорд» явно собирался его прикончить. Осока этого дожидаться не стала.

— Эй, сит! — неожиданно скрипучим голосом крикнула она, выходя наружу. — Я, магистр джедаев Йода, уничтожу тебя!

Так и не ударив жертву, громила развернулся и с рёвом бросился на мою подругу. Занёс меч… Осока легко перехватила его поднятые руки своей.

— Ты убил меня, — произнесла она.

— Я убил тебя, Йода.

— Теперь, — Осока выключила и забрала у него меч, взамен вручила светящуюся поделку из трубки и фонарика, — ты найдёшь того, кто затеял это сборище. Найдёшь и покараешь.

— Найду и покараю, — послушно повторил тот. И пошёл прочь, бормоча: — Сегодня великий день. Мы видели смерть Йоды, теперь падёт и Сопротивление…

— О, звёзды… — сквозь смех выдавила Сабе. — Ребята, я начинаю вас обожать.

— Пошутить мы любим, — сказал я. — Особенно дорогая. Главное, следов не оставлять.

— Вижу, — отозвалась Осока, обходя покорёженный спидер. — Неаккуратно, да. Сейчас исправим.

Подобрала бластер и несколько раз выстрелила в машину. Та с готовностью занялась чадящим пламенем. А моя подруга, подпалив таким же образом ещё один спидер, стоящий в стороне, бросила оружие обратно бесчувственному гопнику.

— Тот-то зачем? — не понял я.

— Его владелец всё это устроил, — объяснила джедайка. — А, как известно, самый болезненный удар – это удар по кошельку.

В отличие от полиции, таксисты на этой планете работали круглосуточно, только вызови. Что мы и сделали, очутившись на соседней улице. Машина приземлилась рядом с нами через три минуты. Водитель – весёлый разговорчивый киборг, половину головы и обе ноги которого заменяли кибернетические протезы, буквально не закрывал рта, вывалив на нас ушат совершенно ненужных нам планетарных новостей. В конце концов, терпение лопнуло даже у ангела – если бывают ангелы с полосатыми рожками – и Осока прервала словесный понос собственной новостью. Про психа, возомнившего себя лордом Вейдером. Её водитель ещё не знал.

— Леди, должно быть, шутит? — изумился он.

— Нет. Видела своими глазами.

— Странные, однако, шутки играет иногда с нами подсознание, — сказал водитель и надолго замолчал.

— Извините меня, конечно, — заметила, выбравшись из машины, Сабе, — но иногда Вы рискуете совершенно напрасно.

— Какой же это риск? — пожала плечами Осока. — Напротив, странно было бы: мы шли с той стороны в то самое время и вдруг не видели? Постойте…

— Что такое? — встревожился я. Подругу я изучил превосходно, так поджимать губы и щуриться она могла только в одном случае. Почуяв опасность.

— Странное ощущение… Холод…

— Аколит?

— Н-нет, индивидуал чувствуется иначе. А здесь как бы… что-то большое и, одновременно, маленькое. Не пойму.

— Нам угрозу представляет?

— Сейчас нет. Но в перспективе весьма вероятно.

— Улетаем, и быстро? — предложил я.

— Да. Сабе, надеюсь, Вы составите нам компанию?

— Охотно, — сказала та. Я включил комлинк:

— Иан, запрос на вылет как можно скорее, предстартовые процедуры.

— Понял, — откликнулся Иан Кудра. Пауза, вновь его голос: — Есть окно через восемь минут.

— Хорошо, успеем.

Нам пришлось прибавить шагу, чтобы вовремя добраться до корабля мимо многочисленных стоянок.

— Ого! — впечатлилась Сабе, увидев, какой модели наше транспортное средство. А оказавшись внутри, добавила: — Оригинально. Снаружи военный корабль, внутри роскошная яхта.

— Этот корабль ещё удивит Вас по-настоящему, — улыбнулся я. — Чуть позже, когда окажемся в космосе.

— Не сочтите меня занудой, — сказала Осока, — но многое, что Вы увидите и услышите здесь у нас – строго секретно. Придётся взять с Вас слово молчать.

— О, конечно, — не стала спорить Сабе. — Обещаю ни прямо, ни косвенно не разглашать информацию, которая станет мне известна на вашем корабле. Как я понимаю, джедаю этого достаточно?

— Вполне. Подтверждение Силы – самое надёжное.

Осока в задумчивости наблюдала из правого кресла, как я поднимаю «Амидалу» с планеты и вывожу из атмосферы.

— Не исчезло ощущение? — спросил я.

— Давно. Примерно за стоянку от нашей, раз, и как отрезало.

— Вот и хорошо, — я проверил введённые координаты прыжка, передвинул рычажок гиперпривода. — Поехали!

— Хорошо-то хорошо, одно плохо: что-то это мне напоминает, а вспомнить не могу. Где-то я уже сталкивалась с подобным. А вот где? Вертится, и никак…

— Вспомнишь, — беспечно махнул я рукой. — Пара часов, и всё вспомнится само. Давай лучше обсудим наши дела, если сестра не возражает.

— Не возражаю, — над линзой большого проектора сгустилась слабо светящаяся тень, приняла очертания женской фигуры в длинном одеянии. Шитый золотом сарафан с просвечивающими рукавами и длинными манжетами, открытая шея, собранные наверх в вечернюю причёску волосы, увитые жемчужными нитями, лицо, известное Сабе лучше, чем кому-либо.

— Здравствуй, Сабе, — сказала с улыбкой Падме Наберри Амидала, бывшая королева и бывший Сенатор.

Несколько секунд её верная фрейлина смотрела на голографическое изображение, затем оглянулась на нас с выражением растерянности и страдания на лице. Осока

поспешила ей на помощь, и вовремя. Нервная система Сабе не выдержала, женщина упала в обморок.

Беспамятство длилось недолго, едва ли минуту, я не успел даже вызвать медицинского дройда. Мы уложили Сабе на диван, Осока водрузила ладони ей на виски, и почти тут же женщина открыла глаза.

— Простите меня, — произнесла она. — На мгновение мне показалось… Вы приобрели эту модель на Набу, у того цереанина?

— М-м… Тётя Джобель говорила, что какой-то программист создал виртуальную копию Падме, — ответил я. — Но мы даже не знали, какого он вида. Нет. Здесь приложил руку специалист другого рода. Ему удалось вызвать из Силы дух… его жены.

— Что? — Сабе резко села, опуская ноги на пол. — Скайуокер? Невозможно! Допускаю, вероятно, его способности позволили бы, но… По всем данным, он погиб.

— Это тема, скорее, для философского диспута, — сказала Падме. — Магистр Кеноби тоже полагает, что Анакина больше нет. У нас ещё остаётся некоторая надежда, да, Осока?

— Слабенькая, но остаётся, — подтвердила моя подруга.

— То есть, вы утверждаете, что это не копия, а сама сенатор Амидала? — по-прежнему игнорируя голограмму, спросила Сабе.

— Да. Сила ясно говорит мне об этом.

— Чувства джедая – веский аргумент, — сказала Сабе. С видимым усилием перевела взгляд на Падме: — Скажи, это действительно ты?

— Я или, по крайней мере, часть меня, — кивнула голограмма, присаживаясь рядом.

— Мне нужно убедиться. Что-то такое, о чём знали ты и я, больше никто.

— Говори, что именно.

— Разговор перед твоим отлётом… последним отлётом.

— Я помню. Но – не годится, его мог слышать ювелир. Помнишь старика Глюма?

— Да. Слышать он мог, всё верно. Может быть, то, что ты мне советовала насчёт Бинкса, перед тем, как вы улетели в Озёрный Край?

— А при том разговоре присутствовал Трипио.

— Точно, — Сабе уже улыбалась. — Знаю! Татуин, шестьдесят восьмой! Ты вернулась из Мос Эспа и рассказывала об Анакине. Этого точно не слышал никто.

— Ну, я говорила, что он удивительно независим для человека, росшего в рабстве. Что он гений по части механики…

— Нет-нет. Чуть раньше, в самом начале.

— Думаешь, я помню дословно? С тех пор *столько воды утекло*. Ох, прости, — Падме спохватилась, что последний оборот привычно произнесла по-русски. Перевела, как могла: — Столько всего случилось. Немудрено забыть.

— Попробуй, — не отставала Сабе. — Ты сказала: «Представляешь, здесь ещё практикуют рабство! Тойдарианский торговец, у которого мы побывали, держит двух рабов. Людей, мать и сына».

— А! «Забавный мальчуган, он сравнил меня с ангелом Иего». Да?

— Падме… — из глаз фрейлины брызнули слёзы. — Прости, я… немного…

— Ну, всё, всё, не надо, — Падме взяла её руку в свои. Это оказалось превосходным средством против рыданий: Сабе замерла и ошалело уставилась на свою королеву.

— Ты… не призрак? — ахнула она.

— Призрак. Но могу становиться почти материальной.

— О…

Женщины обнялись. Фрейлина гладила Падме по волосам, по плечу, а та явно пребывала в растроганных чувствах, потому что за рукой Сабе тянулись слабые электрические искорки, верный признак волнения моей сестрицы. Я смотрел на фрейлину и невольно думал о том, до чего они с Падме похожи, и, в то же самое время, разные. Темноволосая и темноглазая, с почти таким же овалом лица, Сабе, всё же, была другой. Сильнее выгнутые брови, более массивная спинка носа, а губы, наоборот, тоньше, такого «саксонского» типа. И, конечно, разрез глаз. У Падме, как, впрочем, у всех в нашей семье, наружные уголки заметно выше внутренних, у Сабе – строгая горизонтальная линия. Все эти отличия нетрудно скрыть косметикой, а разницу в росте – каблуками, именно поэтому девушки в своё время так легко подменяли друг дружку. Было чистой случайностью, что в семьдесят восьмом при взрыве на Корусанте погибла другая фрейлина, Корде, похожая на Падме значительно меньше. Сабе спасло вовремя подвернувшееся поручение доставить важную депешу на Рилот.

— Ну, расскажи, как ты все эти годы, — потребовала окончательно пришедшая в себя фрейлина.

— Рассказывать не так много, как кажется, — развела руками Падме. — Тот период, когда меня… вернули, я совершенно не помню. Даже не могу сказать, сколько времени прошло. Наверное, ему что-то не понравилось, и он через некоторое время просто выключил меня.

— В…выключил? Анакин??

— Ну, видимо. Вот ребята говорят, что, когда нашли меня, я вела себя, как дройд. Кто такое выдержит? Если бы не Осока, я бы, возможно, до сих пор не очнулась.

— Давно это случилось?

— Чуть меньше трёх лет назад. В девяносто втором. Очнулась и обнаружила, что я теперь корабль.

— То есть как, корабль? — не поняла Сабе.

— Буквально. Это всё, — Падме обвела рукой рубочный зал, — тоже я. Первое время было очень странно, пока не научилась делать различие между механизмами и вот этой визуализацией.

— Значит, ты существуешь только внутри?

— Нет, не совсем. Я могу перемещаться, как хочу, примерно на километр вокруг корпуса. Чтобы отойти дальше, нужен включённый видеоканал между мной и кораблём. Никто из нас не понимает, как это работает, но получается великолепно. Более того, по комлинку я могу передать себя куда угодно…

— Да уж, — проворчал я. — Министр Бааб после твоего визита второй год психиатра посещает.

— Перестань. Я не знала, что всё чистая случайность, и она ни при чём. Надо же было выяснить, кто подсунул нам на борт кибер-шпиона. К тому же, на её карьеру это никак не повлияло.

— Получается, Фема Бааб, действительно, видела тебя? — всплеснула руками Сабе. — Я слышала эту историю.

— Мы заезжали на Корусант по делам, а перед тем… — Падме задумалась. — Наверное, начинать надо не с этого.

— *Баснями кормить ты её потом будешь*, — придержал я готовый начаться рассказ. — Сабе, Вы не ужинали…

— Ты! Говорите мне «ты», Алекс! — перебила женщина, порывисто беря мои руки в свои. — Отныне я Ваша верная служанка, как и Вашей сестры.

— Э-э, мне приятно, конечно, но это уж чересчур. Давай лучше на равных, ладно? — улыбнулся я.

— Как скажешь. Осока, и ты тоже, если не возражаешь.

— Конечно, — покивала моя подруга. — Повторяю вопрос Алекса: ты не голодна?

— Нет-нет, какая сейчас еда! Я хочу услышать подробности.

— Тогда, боюсь, тебе придётся у нас задержаться, — покачал головой я. — Там рассказов на неделю, причём, не галактическую.

— У меня есть двое суток. Подпольные мастерские ждут эти чипы.

— Я постараюсь покороче, — пообещала Падме. — Нам ведь нужно ещё обсудить детали нашей к тебе просьбы.

— Всё, что угодно, что не во вред альдераанскому дому! Но потом, всё потом. Я тебя так давно не видела.

— Пойдём, покажу тебе каюту, и поговорим.

Как я и ожидал, утром по корабельному времени Сабе предстала перед нами в абсолютно невыспавшейся модификации. Первоначальное возбуждение от радостной встречи ушло, и организм требовал отдыха. Поэтому, чуть ли не насильно накормив гостью завтраком и одновременно пресекая попытки старинных подруг снова «зацепиться языками», мы отправили фрейлину спать до обеда.

— Ты полегче с ней, — укоризненно заметила Осока. — Она нам ещё нужна.

— Я как-то забыла об отдыхе, — ответила Падме, компьютерное сознание которой не нуждалось в сне. — Такое событие!

За обедом нам удалось, наконец, перейти к той самой «просьбе», которую все мы держали в уме ещё с прошлого года, и для которой лучше кандидатуры, чем бывшая фрейлина, придумать было просто нельзя.

— Сабе, ты часто общаешься с Лейей? — небрежно спросила Падме.

— С дочерью сенатора? Не особенно. Моя работа, в основном, в разъездах, во дворце я редко без дела.

— Что думаешь о ней?

— В целом, девочка неплохая. Умная, упорная, бесстрашная… Очень много знает. Органа следили, чтобы она всегда училась у лучших преподавателей. С другой стороны, она растёт избалованной. Мадам Веста, ректор Альдераанского Института благородных девиц, любит говорить, что у девочки три проблемы: Селли, Руж и Тиа.

— Сёстры Бэйла?

— Да. Пользуются тем, что Бэйл им не перечит, мать тоже смотрит сквозь пальцы. И прививают девочке свои взгляды на жизнь. Довольно специфические, как ты можешь догадаться.

— Дворцовое воспитание, — кивнула голограмма.

— Вот-вот. Она, вроде бы, и не хочет, но, всё равно неосознанно их копирует. Больше-то некого. Если бы не Винтер…

— Винтер – это дочь Шелли Ретрак? — уточнила Падме.

— Она самая. Я бы сказала, единственная нормальная душа рядом с Лейей. Да, во многих отношениях тоже не подарок, сорванец ещё тот, но всё-таки. Представляешь, эти негодницы уже устраивали подмену: Винтер изображала Лейю, а та сбегала из дворца на целый день.

— Разве они похожи? — удивился я.

— Весьма условно. Винтер блондинка, и глаза у неё светлые. Но, представь, умудрились загримировать!

— Эритаэ тоже светленькая, но это ничуть не мешало ей изображать меня, — напомнила Падме.

— Да-да, — подхватила Сабе. — Временами они так напоминают вас с Ритой, просто ужас.

— Соперницы?

— Ещё какие! Выпендриваются друг перед дружкой, как только могут. И куда полезет одна, туда непременно и вторая. Года два назад была ситуация. Лейя захотела научиться стрелять из бластера. Попросила меня. Так что

вы думаете? Через пару дней приходит Винтер, с той же просьбой.

— Подруга похвасталась, — понимающе улыбнулась Падме. — А ты что?

— Что. Собрала вместе и стала учить обеих. Не столько у меня свободного времени, чтобы с каждой отдельно заниматься. Потом рукопашка, тут было наборот: сначала Винтер, потом Лейя. Ну, с этим не очень получилось. Тётушки стали верещать, что у ребёнка откуда-то синяки и ссадины. Пришлось прекратить, пока сенатор меня не уволил.

— Жаль, — сказала Осока.

— Ещё бы не жаль, Мастер! Принцесса – объект повышенного внимания, недоброжелателей полно, а охрана может и проморгать.

— Выходит, для Лейи ты авторитет, раз она сама к тебе пришла? — спросил я.

— До какой-то степени. Насколько вообще могут быть авторитеты при таком характере. Я сколько раз замечала: чем больше ей кого-то ставят в пример, тем меньше он ей нравится. А если Её Высочество кого невзлюбила, всё, берегись. По части розыгрышей и пакостей она спец.

— И всё-таки, мне кажется, ты её любишь, — сказала Падме.

— Трудно сказать. Да, она несносна, да, избалована. Но есть в ней что-то…

— Может быть, она просто слишком похожа на свою мать? — негромко произнёс я. — Настоящую мать.

— Настоящую? — озадаченно переспросила Сабе. — Что ты хочешь… Ох! Звёзды, какая же я дура… Столько лет видеть её и не догадаться! Твоя дочь? Да, Падме?

— Моя, — печально подтвердила голограмма. И замолчала, не в силах сказать что-то ещё. На выручку ей пришла Осока:

— Поэтому мы и хотели тебя попросить. Могла бы ты набиться к ней в наставницы? Пока не поздно, исправить, хотя бы, частично, «дворцовое воспитание» семейства Органа. Ты же понимаешь, сама Падме не может сделать этого. В силу объективных причин.

— Да, было бы проблематично, — Сабе задумчиво посмотрела на мою подругу, на Падме, на меня. — Что вам сказать? Технически попасть в «ближний круг» не так уж сложно. Сенатор не раз уже оказывал мне знаки внимания.

— Вот как? А ты? — спросила Падме.

— Делала вид, что не замечаю, — пожала плечами фрейлина. — Глупцу понятно, его интересую не я сама, во мне он видит вторую тебя.

— А что, разве он… — начал я и прикусил язык, получив тычок коленом от Осоки и её выразительный взгляд. А Сабе продолжала, не обратив на это внимания, как бы рассуждая сама с собой:

— Если я отвечу взаимностью, он сам больше не отпустит меня в разъезды. Тогда можно будет постоянно общаться с Лейей. Главное, чтобы она не приняла меня враждебно.

— Ты сможешь найти к ней подход, — уверенно сказала Осока. — Лучше тебя с этой задачей никто не справится.

— Я бы сказала, не справится вообще никто, кроме тебя, — поправила Падме. — Ты поможешь нам? Понимаю, какой жертвы прошу…

— Не такой уж большой, — глаза Сабе лукаво блеснули. — Конечно, не очень приятно чувствовать себя всего лишь заменой, но в остальном… Бэйл мужчина видный, он мне симпатичен.

— Эй, эй, сестрёнка, — по-русски, чтобы не поняла гостья, сказал я, — ты на что толкаешь свою подругу? Спровоцировать измену??

— Есть другие предложения? — неодобрительный взгляд кузины в тротиловом эквиваленте тянул на пару мегатонн.

— Н-нет, я просто…

— Значит, в качестве рабочего плана примем этот, — подытожила Осока.

Лётное поле Восьмой военной базы планеты Лантиллис имело площадь в добрую сотню квадратных километров, выделяясь ровным чистым прямоугольником среди покрытой редкими деревьями лесостепи невдалеке от большого озера. Во время войны на этой и остальных площадках базировались республиканские силы, после воцарения Империи две из них заняли Силы Планетарной безопасности, одну облюбовал под штаб-квартиру профсоюз космонавтов, остальные были заброшены. Заключая контракт с правительством и профсоюзом на охрану системы от пиратов, наша Рийо осмотрела оставшиеся космодромы и выбрала этот, в стороне от столицы и крупных грузовых портов. Сегодня на лётном поле было довольно оживлённо. Вдоль одной из сторон, той, что ближе к складскому комплексу, лежали в ряд девять рыбообразных туш новеньких транспортов GR-75, иначе называемые «галлофрийский средний». Разработчик транспортов, фирма «Галлофри ярдз», переживала не лучшие времена, её давили и конкуренты, и имперские власти. Поэтому владельцы охотно приняли предложение «Индесела» о дружественном поглощении, замаскированном под банкротство. Верфи постепенно демонтировались и под предлогом распродажи за долги перевозились в систему Дарналы в той части Галактики, что здесь именуют Неизвестными Территориями. Построенные там корабли совершали свой первый перелёт в освоенную Галактику с попутным грузом сырья и топлива, разгружались на одной из баз «Индесела», после чего продавались конечному покупателю. И удобно, и выгодно. В стороне от транспортов, на стапелях ремонтного

комплекса, виднелся корвет типа «Крестоносец», судя по маркировке – из нашей эскадры, охраняющей систему Лантиллиса и близлежащие торговые пути. Корвет принадлежал к первой серии, той самой, что была заложена на верфях Внешней Луны Мандалора двенадцать лет назад. Тогда Императорский флот заказал компании «Мандал Гипернавтикс» два десятка кораблей, но затем «изменил условия сделки» и выкупил только пару. Остальные так и оставались недостроенными, пока не были исключены из «стоп-листа» запрещённых к продаже военных образцов. После показа на выставке в Корпоративном Секторе заказы на них посыпались, как из рога изобилия. Мы успели одними из первых. А всего восемь месяцев спустя компании договорились о кооперации. Теперь бывшие галлофрийские верфи в Поясе Дарналы собирали корпуса корветов, а заводы Внешней Луны и Калевалы поставляли оборудование. Другие деловые партнёры были, мягко говоря, в шоке: договориться с мандалорами считалось делом архисложным, если, конечно, вам не нужны элитные солдаты за хорошую плату. Рийо в ответ только улыбалась. Зачем всем и каждому знать, что сын совладельца «Гипернавтикса», маркиз Крайз, один из наших акционеров? Может, ещё рассказать, сколько линкоров «Кельдаб» передала нам Внешняя Луна за это время?

— Ребята, а по графику корвета тут быть не должно, — заметила Падме, пока я заходил на посадку в крытый эллинг. — Неужели опять нападение на конвой?

— Приземлимся – узнаем, — отозвалась Осока.

Узнавать отправились механики. Иан Кудра и Базили Вран – пожалуй, самые талантливые в корпорации специалисты по всему, что летает, шагает и ездит по поверхностям. Формально у них не было даже высшего образования: факультет прикладных наук при корабельной верфи, который они окончили, котируется в освоенной

Галактике чуть выше простого колледжа. Тем не менее, я ещё не встречал агрегата, в котором они не смогли бы разобраться, безразлично, сделали его люди, представители близких видов или кто-нибудь с совершенно чуждым мышлением, вроде геонозиан или *кси чарров*. Именно они вместе с инженером Симеоном Стожаром сконструировали и буквально на коленке построили опытный экземпляр тяжёлого истребителя «Бритва». Сейчас корпорация продавала серийные машины этого типа сотнями. А разработанные ими имитаторы целей могли обмануть большинство средств обнаружения. Механики ценили разнообразие, поэтому предпочитали не сидеть на одном месте, а летали с нами, так подворачивалось больше интересных задач.

Генерального директора Рийо Чучи мы нашли в помещениях, специально отведённых для руководства. Везде, кроме Пояса Дарналы и базы Карес, она избегала работать в центрах управления, чтобы не нарушать нормального функционирования. Когда невозможно было оставаться на штабном корабле, она перебиралась сюда. Так называемый большой кабинет размерами четыре на шесть метров на каждой базе был оборудован стандартным столом для совещаний с необходимыми проекционными устройствами и вспомогательным экраном на одной из стен. В данный момент все проекторы, кроме одного, за которым работала сама Рийо.

— Привет, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Как успехи?

— Вытянули пустышку , — развела руками Осока. — Агент под плотным наблюдением имперской охранки.

— Печально. И правильно, что не полезли его спасать.

— Раз импы его не взяли, значит, ничего толкового у них нет, одни подозрения, — усмехнулась тогрута. — Выждем немного, пока филёры расслабятся, и устроим ему нормальный отход.

— А ещё мы встретили старую знакомую, — добавил я, подталкивая вперёд бывшую фрейлину.

— Сабе? — ахнула панторанка. — Вот это сюрприз!

Рассказ не занял много времени. Рийо узнала о наших похождениях, мы – причину внеплановой постановки в док корвета «Сирокко». Никакого нападения не было, всего лишь выплыла какая-то неисправность в форсированном реакторе «Лотек». Когда строился данный экземпляр, альдераанских силовых установок у нас ещё не было, пришлось устанавливать эти.

Нашу идею с наставничеством Рийо одобрила безоговорочно.

— Надеюсь, ещё не поздно, — заметила она, — и у нас всё получится. Кстати, о сюрпризах. Вентресс прилетела за час до вас.

— Где она? — спросила Осока.

— В той комнате, с бухгалтерией общается. Дивиденды накопились, надо их распределить.

— Мы уже закончили! — в дверях, ведущих из большого кабинета стояла Асаж Вентресс. Бывший падаван мастера Кая Нарека, бывшая помощница графа Дуку, бывшая наёмница, а сейчас – акционер нашей корпорации. Мы не видели её около трёх месяцев: вкладывая сбережения в «Индесел», зарабатывать Асаж предпочитала охотой за вознаграждениями, ловила разных мерзавцев по заказу местных властей, ну, или других мерзавцев. Кажется, за это время у неё всё было в порядке, она улыбалась и выглядела так же хорошо, как всегда. Вентресс вообще шикарная женщина, её роскошной фигуре завидовали многие девушки, в том числе, твилеки. Бледная, как мел, кожа, прозрачные бирюзовые глаза и довольно яркого оттенка каштановые волосы создают особый неповторимый образ. Правда, мужчины предпочитают восхищаться ею на почтительном расстоянии. Во-первых, она очень высокая, да ещё носит каблуки, и большинство представителей

сильного пола кажутся ниже неё ростом. Во-вторых, грубоватые манеры, весьма непростой характер и тяжёлая рука отбивают охоту за ней волочиться. Сейчас, здороваясь, она крепко обняла Осоку, меня, Падме, приятельски похлопывая по спине. Окинула взглядом Сабе:

— Ты, должно быть, из помощниц Амидалы?

— Да. Меня зовут Сабе.

— Асаж, можно на «ты», — она сунула фрейлине руку для пожатия. — Слышала я, для каждой королевы специально отбирают двойников по всей Набу?

— Да, у нас так принято.

— Умно, кстати, придумано. Хотя работать приманкой – врагу не пожалаешь.

— Хорошо, что ты прилетела, — сказал я Вентресс. — Потренируемся сегодня на мечах?

— Я первая! — встряла Осока.

— Ладно, хорошо, — не стал спорить я. И спросил двусмысленно: — Можно мне понаблюдать ваши игры?

— Не-ет! — хором ответили джедайки, будто, и впрямь, имелось в виду нечто иное, чем просто спарринг на световых мечах.

— Перестаньте уже, — проворчала Рийо. — Взрослые тётки, а ведёте себя…

— Не брюзжи, товарищ Генеральный. Старыми и занудными мы ещё успеем побыть, — Осока обняла подругу за плечи.

— Я вот предлагаю Асаж заняться обучением наших ребят. Пример Алекса оказался заразительным, многие инструкторы просят научить их владеть световым мечом. Или, хотя бы, гвардейской пикой.

— Переучивать придётся, — покачала головой Осока. — Они, наверняка, все фехтовальщики, а клинок простой сильно отличается по поведению от светового.

— Вот и я то же объясняю! — подхватила Вентресс. — Не учитель я, терпения у меня не хватит.

— Как знать. Возьми кого-то одного и позанимайся немного, — не сдавалась Рийо.

— Тогда двоих. Одного мне, другого мастеру Тано.

— Ох, ну, ладно, чего не сделаешь за компанию, — вздохнула Осока. — Только отберём кого-то, кто не отрубит себе конечность в первый же день.

— Так, всё же, где ты пропадала? — спросил я у Асаж, когда тема была исчерпана.

— Сейчас расскажу. Рийо, ты не против?

— Изволь, — с ноткой недовольства в голосе разрешила панторанка. — Мне же не захотела говорить, хоть сейчас послушаю.

— Не возмущайся, пожалуйста. Такие истории по два раза не рассказывают. В общем, народ, я разыскала Оби-Вана!

— Тала-ант, — протянула Осока. — И где же он скрывается?

— Как выяснилось, совсем рядом с одной из наших баз. На одной захолустной планете под названием Татуин. Это возле Геонозиса.

Осока наморщила лоб, глаза её затуманились, видно было, что она силится вспомнить что-то крайне важное. А Падме удивлённо сказала:

— Какой странный выбор! Что за дела у него на Татуине?

— Я его так и спросила. Он начал что-то молоть про поражение, про изгнание. Шифровался, в общем. Но вы ведь меня знаете, я любопытна, как *фелинкс*, — бывшая злодейка довольно улыбнулась. — Три дня потратила, а дозналась, что за объект его интересует.

— Мальчик, — внезапно произнесла Осока.

— Точно! Увидела?

— Нет, вспомнила. Корабли из досок и песка на заднем дворе фермы. «Мы две падающие звезды, и никто нас не остановит».

— Опять чувствительный с хорошими данными? — спросила Падме.

— Насчёт данных не знаю, не тестировала. Но, когда я его увидела, у меня не мурашки по спине, а чуть позвоночник за пазуху не ссыпался. Глядите!

Большой проектор на столе отобразил снимок мальчика, подростка лет четырнадцати. Русые вихры, голубые глаза, усмешка – должно быть, камера Асаж поймала его в момент какой-то азартной игры.

— Великая Сила… — прошептала Осока. А Падме выдохнула:

— Люк… Люк!

— Да, да, — подтвердила Асаж. — Люк Скайуокер, так его зовут, это я узнала на следующий день. Всё-таки, его мать – ты, как я и надеялась.

— Я, — кивнула голограмма. — Теперь я вспомнила. Полис Масса… И… Герхард!! Электронный ты мерзавец! Почему ты не сказал мне??

— Герхард? Наш корабельный медик? — изумился я.

— Он тот самый врач, что принимал у меня роды. Вот жестянка! Говорит, его попросили не волновать родных раньше времени.

— А кто попросил? — поинтересовалась Осока.

— Сказал, точных данных в памяти не имеется.

— Значит, у тебя была двойня, — озвучил я очевидный вывод. Тут уже удивилась Вентресс:

— Как двойня? Я что-то пропустила?

— Извини, мы не стали афишировать это, — сказала Падме. — Но тебе, конечно, можно это знать. Лейя Органа, якобы дочь сенатора Бэйла, на самом деле – тоже наш с Анакином ребёнок.

— Дела…

— Ты сказала «надеялась», — напомнил я, обращаясь к Асаж. — А что, были другие варианты?

— Всякое случается, — пожала плечами она. — Анакин ведь бывал на Татуине во время войны. Я подумала, вдруг какая-нибудь местная твилека затащила его в постель под феромонами. Не обижайся, Падме, но на тебя-то Люк совсем не похож.

— А Лейя совершенно не похожа на отца, — отозвалась Падме. — Довольно странно, надо сказать.

— Ничего странного, сестра, — сказал я. — У нас в семье такое случалось не раз. До конца перешибить гены нашей прабабки не может никто. Возьми, хотя бы, себя и Солу. Или её дочек. Они больше в нас с тобой, чем в неё.

— Тоже верно. Ну, расскажи же, Асаж, как он живёт там?

— Оби-Ван?

— Да нет, — досадливо отмахнулась Падме, — Люк, конечно! Кто его воспитывает? Сам Кеноби?

— Нет, один фермер по имени Оуэн Ларс и его жена.

— А, знаю, это сводный брат Анакина.

— Как я понимаю, с Оби-Ваном они крепко не ладят. Во всяком случае, к ним на ферму он не ходит.

— К столу не зовут, водкой не поят… — пробормотал я.

— Примерно так. Но Магистр не был бы Магистром, — хохотнула Асаж, — если бы не придумал обходные манёвры. Люк летает учиться в школу в посёлок Анкорхед. Совершенно случайно в этом же посёлке поселился… кто бы вы думали? Сам Данар Лен!

— Что?? — привстала Рийо. — Данар Лен с Мандалора? Главный конструктор наших корветов?

— Да. Тихий пенсионер, работает механиком, мастерит дронов… А несколько лет назад здесь же, в Анкорхеде, проживал один *этти*, мистер Лематр, разработчик программ для компьютеров. Лечил застарелую болезнь лёгких.

— Ну, да, климат подходящий, сухо, жарко… и врачей поблизости нет, — съязвила Осока.

— Врача программист привозил с собой, — не поняла шутки Асаж. — В кантине мне сперва про этого дройда и рассказали. Медик в корпусе «трёхсотой» секретарши. Она половину посёлка вылечила, операции делала, переломы заращивала.

— Понимаешь теперь, насколько мне далеко до Кеноби? — понизив голос, сказала мне Осока. — И почему.

— Ты, случайно, не выяснила, что Люку нравится больше? — спросила Падме у Вентресс. — Компьютеры или корабли?

— Выяснила. Знала: кто-нибудь обязательно задаст этот вопрос, — засмеялась датомирка, поправляя волосы. — Корабли, как и его отцу. Они с соседскими парнями вовсю гоняются по каньонам на Т-16. А потом увлечённо их рихтуют.

— И в посёлке нет ни одного отставного пилота, чтобы их научить?

— Пока нет. Думаю, Оби-Ван решит и эту задачу, вопрос, что раньше: это, или Люк себе что-нибудь сломает.

— Опытные пилоты-инструкторы у нас есть, — сказала Рийо. — Можем и сами…

— Одна сложность. Оби-Ван строго следит, чтобы Люк не путался с неподходящими существами. Один такой уже исчез бесследно. Даже костей не нашли. Пустыня скрывает любые следы.

— А если то будет не посторонний? — предложила Осока.

— Ты, что ли? — насторожился я.

— Не я. Но кое-кто знакомый. Надо придумать, почему этот кое-кто захочет немного пожить на Татуине.

— Не стоит, — возразила Падме. — Два раза может быть совпадение, третий – уже подозрительно.

— Правильно-правильно, — поддержал я. — Пилот может просто бывать на планете по нескольку дней. Вполне естественное желание передохнуть между рейсами. Место тихое, от начальства далеко. Будет гораздо правдоподобнее.

— Есть одна маленькая проблема, — сказала Рийо. — Это Татуин. Торговый оборот с ним близок к нулю. Что возить будем?

— Должно быть что-то. Надо поискать.

— Уже нашла, — сообщила Падме. — Есть один частник…

Десять минут спустя основные детали операции были уточнены. Через пятнадцать – состоялся сеанс связи с Орд Пардроном. «Подходящая кандидатура», услышав, что именно требуется и для какой цели, возражать не стала.

— Ну, вот, — сказала, улыбнувшись, Рийо. — Мы тоже *не шиком бриты*, так ты говоришь, Алекс? А для вас у меня будет задание. Нужно слетать на Дааланг, там у одного торговца есть партия флотских генераторов дефлекторного щита. Числятся списанными, на деле краденые. Надо брать.

— Понял, — кивнул я. — Сейчас ребята освободятся…

— Кто освободится? — спросил от двери Иан. — Мы ещё и не сидели!

— Откуда у тебя только этот тюремный юмор? — нахмурилась панторанка.

— С Корусанта. Нам там однажды гоп-стоп пришить пытались.

— Что там с корветом? — поинтересовался я.

— Реактор дурит. Думали, мотиватор, заменили – всё то же. Систему охлаждения перебирать надо. Работы дня на полтора, не меньше.

— Тогда оставайтесь, — предложил я. — Мы слетаем и вернёмся. Что, втроём не справимся, что ли?

— Вдвоём, — поправила Рийо. — Осоке звонили «Фантомы», что-то у них опять не тик-так, помощь нужна. И возвращаться не нужно, загрузитесь – везите сразу в систему Карес, пусть отправляют в тыл, на верфи.

— Карес это очень хорошо! — обрадовалась Падме. — Потом на Татуин заскочим.

— Хочешь поговорить с сыном? — спросил я.

— Не знаю ещё. Хоть посмотрю.

Иан в это время, прищурившись, подсчитывал что-то в уме.

— В таком случае, мы точно останемся. Пока вы закупитесь, потом Карес, Татуин, мы уже будем на Орд Пардроне. «Руяна» отправляется завтра вечером.

На том и порешили. Летать одним нам было не привыкать, в свободном полёте Падме могла обходиться вообще без экипажа, в бою требовалось лишь немного ей помочь. Пользуясь прямым контактом с системами корабля, она наблюдала за окружающим пространством и управлялась с обеими турелями, я – маневрировал и стрелял из основного вооружения, как на обыкновенном истребителе. Конечно, в большом сражении лучше, всё-таки, иметь полноценную команду – стрелков и второго пилота, но сейчас ничего подобного в ближайшей перспективе не ожидалось. Через сорок минут, под завязку заправленная энергоносителем и инертом, «Амидала» взяла курс по Рэндонскому пути в направлении системы Дааланг. Жаль, на мечах так и не потренировались…

* * *

Миниатюрный челнок ближнего радиуса действия, состоящий из капсулы-кабины старого грузовичка «Телгорн 5» и грубо сработанного агрегатного отсека с парой ионных двигателей по бокам, быстро шёл на снижение над пыльными усадьбами посёлка Анкорхед.

Миновав крайние дома, аппарат снизился ещё больше, приближаясь к каменистой площадке, на которой стоял с открытыми воротами трюма транспортный корабль. Искушённый наблюдатель сразу бы отметил, что пилот не рассчитал высоты и вот-вот чиркнет выступающим снизу кольцом стыковочного узла по гребням песчаных наносов. В последний момент челнок подпрыгнул, словно подхваченный умелой рукой, выпустил короткие лапки, и приземлился, складывая узкие крылышки-радиаторы. Из открывшейся задней двери на каменный монолит спрыгнули двое подростков. Один долговязый, чернявый, с густыми бровями и выступающим подбородком, другой – почти что блондин, на полголовы ниже своего приятеля. Следом за ними, накидывая на голову капюшон мешковатой куртки, спустилась женщина, ботинки и брюки которой сразу выдавали в ней спейсера.

— Извините за посадку, мэм, — сконфуженно произнёс светловолосый подросток.

— Ты не учёл тяговооружённость, — объяснила женщина. — Челнок не ваши Т-16, он тяжеловат для своих двигателей. Потому и просел сильнее. Ничего, научишься. Посадка всегда самое сложное.

— Когда Вы прилетите снова, капитан? — поинтересовался чернявый.

— Если будут благосклонны космические течения, дней через восемь или девять. Успеете починить «прыгун»? Хочу слетать с вами в каньоны.

— Конечно, успеем! — оживился светловолосый. — Там дел-то…

— Школу не прогуливать! — погрозила капитан пальцем с длинным ногтем. — Узнаю – останетесь на приколе. Не хватало мне держать ответ перед вашими родителями.

— Это верно, — сказал чернявый. — Мои-то ничего, продвинутые, а его дядя, чего доброго, на ферме запрёт.

— Не запрёт! — возмутился светловолосый. — Он, конечно, строгий, но не какой-нибудь деспот. Мэм, вы точно успеете взлететь до песчаной бури?

— Думаю, да, — женщина посмотрела на экран деки. — Скреперу остался всего один рейс, и трюм будет полон. Да вот и он, кстати.

Пустынный скрепер на четырёх огромных колёсах, больше похожих на железные бочки с наваренными змейками грунтозацепов, показался из-за ближних скал. Остановился, дал задний ход, с ужасным грохотом въезжая на приподнятый пандус, и высыпал груз в подставленный бункер. Этот минерал бледно-фиолетового цвета местные жители называли солью-вонючкой. В чистом виде она, и вправду, имела не очень приятный запах, а при сгорании он усиливался многократно. Однако, в кухнях некоторых народов, например, на Иридонии, именно такая ароматическая соль использовалась в качестве компонента многих приправ. Прежний владелец соляной копи потихоньку возил соль-вонючку на своём маленьком космическом грузовичке, но недавно его бизнес купила какая-то фирма и сразу расширила производство вдвое. Теперь за солью прилетал вот этот транспорт, заодно привозя на продажу продовольствие и немного электроники.

Мальчишки и женщина-капитан наблюдали, как приводы втягивают бункер внутрь транспорта.

— Мы, пожалуй, поедем на скрепере до станции, — сказал чернявый. — И там переждём.

— Всего хорошего, мэм. Спасибо, — попрощался его приятель. — Высокой пустоты.

— И вам гладко доехать. Закрывайте! — распорядилась женщина, обращаясь к двум спейсерам в трюме. Створки ворот плавно повернулись, герметично запечатывая корабль.

Поднимая пыль, скрепер покатил по наезженной дороги в сторону силовой станции Тош. Как только он скрылся за дюной, от одной из опор корабля отделилась фигура, закутанная в плащ. Для мусорщика-джаввы существо было слишком высоким, таскены одеваются совершенно иначе, поэтому капитан не выказала ни малейшего беспокойства.

— Сударыня, — сказало существо прекрасно поставленным голосом, в котором отчётливо звучали нотки того, кто умеет отдавать приказы. — Я уже не в первый раз вижу Вас в обществе этих ребятишек. Хотел бы отметить, что это может прийтись не по душе их родственником. Нравы здесь простые, суровые.

— Вообще-то, они сами проявили интерес к кораблю. Моему кораблю.

— Это не будет иметь ровным счётом никакого значения. Нет существа, нет проблемы. А пустыня, знаете ли, быстро скрывает все следы.

— Звёзды, да не хотите ли Вы меня напугать? — женщина коротко рассмеялась.

— Нет. Лишь предупредить.

— Понимаю, понимаю. Думаю, нужно сразу расставить штрихи под *сентами*. Я всё равно буду сюда прилетать и общаться с мальчиком. Таково желание его матери.

Женщина откинула капюшон. Лучи двух солнц Татуина рельефно высветили правильные черты лица, очень привлекательные, как у большинства представителей её вида, блеснули на металлических кольцах искусственной правой лекки.

— Фа’але?? — изумился человек в плаще. Меньше всего на свете он ожидал встретить здесь твилеку, спасённую им и его учеником из лап наёмных убийц много лет назад.

— Да, это я, Магистр. Надеюсь, теперь Вы понимаете, что я многому могу научить этих ребят.

— Бесспорно. Где они только Вас разыскали?

— Долгая история. Но увлекательная. Вы сейчас домой? Могу подбросить прямо до места, всё и расскажу.

— Оповещать окрестных таскенов на сотни кликов в округе о моём прибытии? Нет, благодарю. Не для этого я старался сделать своё жилище неинтересным для стервятников. У меня здесь за скалами байк, доберусь на нём.

— Сверху мы видели песчаную бурю, — предупредила твилека. — Будет здесь меньше чем через час.

— За час я проеду больше половины пути. Там, в скалах, есть уютная пещерка, где можно укрыться и помедитировать.

— Что ж, в таком случае, рассказ отложим до другого раза, — сказала Фа'але. — И да пребудет с Вами Сила.

— Да пребудет с тобой Сила, девочка.

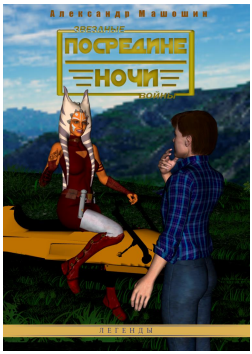
Старый Магистр, так и не снявший капюшона за время беседы, повернулся и неспешным шагом направился к скалам, где лежал его сложенный спидербайк.

Необходимое послесловие

Все права на персонажей оригинальной Саги, а также Расширенной Вселенной, ныне называемой «Легендами», принадлежат Джорджу Лукасу, Давиду Филони, их командам сценаристов, а также авторам соответствующих произведений. Я лишь взял на себя смелость подобрать некоторых героев, брошенных авторами на произвол судьбы, и слегка развить их в рамках, намеченных создателями. Смею надеяться, что мне это удалось. Приложил максимум усилий, чтобы не вступать в противоречие ни с каноном, ни с Расширенной Вселенной, заодно попытался объяснить некоторые нестыковки и непонятности, присутствующие в фильмах Саги. Надеюсь, авторы не будут на меня в обиде…

Книги цикла «Посредине ночи»
(ссылки - на изображениях обложек)

Коммерческие (бумажный и электронный вариант)



Свободно распространяемые (электронный вариант)

Литературно-художественное издание

Машошин Александр Валерьевич

СНЫ О РЕСПУБЛИКЕ

Повесть, рассказы

цикл Посредине ночи, № 5

в межавторской серии
Легенды Звёздных Войн

Художник: Анна Куликова
Дизайн оригинальных космических кораблей:
Адам Копала (Польша)

© 2012 – 2016. Версии текстов:

Сверхдальняя родня	v1.13
Сны о Республике	v1.18
Мы не виделись целую вечность	v1.04
Падишахи Галактики	v1.27
Пустынный ветер	v1.21
Семейное дело	v1.03